

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1979

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В истории тюркских языков есть проблемы, которые можно считать особенно трудными, поскольку неоднократные попытки решить их оказались безуспешными. Предлагаемые в данной статье пути решения этих проблем, если даже не приведут к их окончательному разрешению, то, как нам кажется, смогут в известной мере способствовать их более успешной разработке.

1. О причинах неодинакового анлаута падежных форм указательных местоимений. Склонение указательных местоимений *bu* 'этот', *şu* 'тот самый' и *ol* 'тот' в тюркских языках имеет определенные особенности. В некоторых из них начальный *b* местоимения *bu* сохраняется во всех падежных формах, ср. парадигму склонения этого местоимения в турецком языке: именительный падеж *bu* 'этот', родительный падеж *burun* 'этого', дательный падеж *buна* 'этому', местный падеж *bunda* 'в этом', исходный падеж *bundan* 'от этого'.

Это явление наблюдается в азербайджанском, узбекском и каракалпакском языках.

В ряде тюркских языков начальный *b* местоимения *bu* 'этот' меняется иногда на *m*, и формы местоимений с разным анлаутом оказываются смешанными в пределах одной парадигмы. Эта особенность, например, присуща ногайскому языку, где все формы косвенных падежей от местоимения *bu* имеют начальный *m*, ср. родительный падеж *mınuŋ* 'этого', винительный падеж *mınu* 'этого', местный падеж *mında* 'в этом', исходный падеж *mınnan* 'от этого'. Однако дательно-направительный падеж имеет форму *buна* 'этому'. Аналогичное явление наблюдается в киргизском, кумыкском и алтайском языках, ср. кирг. *buна*, кум. *buнаг*, алт. *bō* 'этому'. В шорском языке только формы местного и исходного падежей имеют начальный *m*, ср. *mında* 'в этом' и *mınnan* 'от этого'.

В некоторых других тюркских языках в формах косвенных падежей начальный *b* местоимения *bu* 'этот' регулярно переходит в *m*, ср. туркм. именительный падеж *bu*, родительный падеж *mınuŋ*, дательный падеж *mıна*, винительный падеж *mınu*, местный падеж *mında*, исходный падеж *mınnan*.

Причину этого загадочного явления некоторые исследователи стараются объяснить несколько упрощенно: «Переход начального *b* в *m*, — замечает, например, Ф. Г. Исхаков, — объясняется как результат ассимилирующего влияния в соответствующих языках конечного *n* склоняемой основы на начальное *b*»¹.

¹ Ф. Г. Исхаков. Местоимения. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология», М., 1956, стр. 253.

Объяснить этот переход действием ассимиляции, конечно, можно. Однако остается неясным: почему эта ассимиляция не проявляется в таких языках, как турецкий, азербайджанский, узбекский и башкирский, где начальный *b* указательного местоимения *bu* сохраняется во всех падежных формах.

Разгадку данного явления, очевидно, следует искать в том, что ассимиляция здесь выступает не самостоятельно, а подчинена чему-то другому.

Указательные местоимения типа *bu*, *şu*, *ol* 'этот' в тюркских языках обладают еще и другой, весьма примечательной особенностью. Фактически они имеют две основы: первая выступает в форме именительного падежа, а вторая — характерна для косвенных падежей. В именительном падеже выступает или чистая основа, например, тур. *bu* 'этот', или основа с наращением *l*, ср. тур. *ol* 'он', кирг. *бу-л* 'этот'. В косвенных падежах чистая основа местоимения всегда выступает с наращением *-n*, ср. тур. *bu-n-up* 'этого', *bu-n-dan* 'от этого', *bu-n-da* 'в этом', *ol* 'он' (собств. 'тот'), *o-n-up* 'его', 'того', *o-n-da* 'у него', 'у того', *o-n-dan* 'от того', *şu* 'вот тот', *şu-n-da* 'вот в этом', *şu-n-dan* 'вот от того' и т. д.

Можно предполагать, что это наращение *n* некогда служило показателем пассивности того субъекта действия, к которому относилось указательное местоимение. Если местоимение относилось к активному субъекту действия, например, «он бежит», «он работает», то оно никогда не имело наращенного *n*.

Нетрудно заметить, что в косвенных падежах местоимение всегда относится к пассивному имени существительному, ср. «его дом», «я встретил его» и т. д.

Тенденция формально разграничить активные и пассивные формы указательных местоимений в тюркских языках была настолько сильной, что требовала создания новых различительных признаков. Замена начального *b* на *t* у местоимения *bu* в тюркских языках и явилась дополнительным отличительным признаком косвенных падежей.

Воздействие указанной тенденции иногда приводило к изменению корневой гласной указательного местоимения *ol*, ср. тат. *ul* 'он', но *апул* 'его', *аппап* 'от него' и т. д.

2. О причине появления вставочного *n* в формах местного и исходного падежей притяжательного склонения существительных. Известно, что имена существительные с притяжательным аффиксом 3-го лица единственного и множественного числа: *-y*, *-sy* или *-i*, *-si* имеют в формах местного и исходного падежей так называемое вставочное *n*, ср. тат. *avyly-p-da* 'в его деревне', *avyly-p-na* 'из его деревни', тур. *evi-n-de* 'в его доме', *evi-n-pe* 'из его дома' и т. д.

Обычно это вставочное *n* пытаются объяснить особой формой притяжательного аффикса 3-го лица единственного числа, якобы звучавшего некогда как *-yn*, *-in*. Эта древняя форма аффикса сохранилась в местном и исходном падежах. Там, где *n* не было прикрыто падежным аффиксом, оно исчезло. Так, например, объясняет происхождение вставочного *n* А. М. Щербак².

Сторонники этой точки зрения источником притяжательного аффикса 3-го лица единственного числа считают древнее лично-указательное местоимение *up*, *ip*, сохранившееся в таких формах, как древнетюркские *upša*, *ipša* 'так', 'таким образом', *upaḡu* 'туда', тув. *upār* 'туда', *unda* 'там', як. *ipñā* 'туда', 'там'³.

² А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, стр. 77.

³ Там же, стр. 78.

Если учесть все сказанное выше об отделении неактивных косвенных падежей от активного падежа, то в тюркском праязыке существование формы указательного местоимения *up, ip* в именительном падеже фактически было невозможно. Ни в одном древнем и современном тюркском языке форму местоимения *up, ip* 'этот' в именительном падеже обнаружить не удалось. Поэтому она никак не могла быть прототипом притяжательного аффикса 3-го лица единственного и множественного числа.

Приводимые для доказательства сказанного формы наречий типа *upaŋ* 'туда' и *upda* 'там' сами по себе еще ничего не доказывают, поскольку они представляют собой застывшие формы косвенных падежей, где существование *n* как показателя косвенности вполне объяснимо.

Вряд ли убедителен приводимый А. М. Щербак пример: *ıŋu oŋulup qul boltu* 'его сыновья стали рабами'⁴, где аффикс *-up* может быть понят как показатель собирательности, ср. *oŋlap* 'мальчик' (перв. 'мальчики'). Аблаут *a : u*. Кроме того, возникает вопрос: если притяжательный аффикс 3-го лица единственного и множественного числа некогда имел форму *-up, -ip*, то почему же конечное *n* во всех тюркских языках было утрачено? Это не соответствует известным фонетическим законам тюркских языков.

В качестве подтверждения своего тезиса А. М. Щербак приводит пример из якутского языка: *kihi ataŋup suola* 'след ноги человека' (букв.: 'человек его нога след')⁵. Думается, что этот пример не может быть аргументом, поскольку в данном случае невозможно объяснить, почему притяжательный аффикс 3-го лица выступает в одном случае в форме *-up* (*ataŋup* 'его нога'), а в другом — в форме *-a* (*suola* 'ее след').

Нам кажется, что вставочное *n* в формах местного и исходного падежей у имен существительных с притяжательным аффиксом 3-го лица возникло по аналогии с соответствующими падежными формами лично-указательного местоимения *ol* 'он'.

В данном случае стимулом для воздействия аналогии послужила смысловая аттракция: тур. перв. *evide* 'в его доме', тур. *onunda* 'в нем', 'у него'. Поскольку форма *evide* 'в его доме' включала понятие принадлежности, то она, естественно, уподобилась падежной форме *onunda*, в результате чего и появилось так называемое вставочное *n*.

3. Некоторые предположения о происхождении аффиксов принадлежности. В тюркологии широко распространена точка зрения, согласно которой аффиксы принадлежности в тюркских языках ведут свое происхождение от соответствующих личных местоимений. «Аффиксы принадлежности, — замечает А. М. Щербак, — восходят к предикативным показателям, а предикативные показатели к личным и лично-указательным местоимениям»⁶. Аффикс 1-го лица единственного числа *-m* возводится к *mān*⁷. Подобная реконструкция вызывает определенные сомнения. Ведь личное местоимение 1-го лица единственного числа некогда звучало как *bān*, ср. тур. беп. Однако ни в одном из существующих тюркских языков аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа не имеет формы *-b*.

Аффикс 2-го лица единственного числа *-ŋ* выводится из *sāŋ*⁸. Но ведь элемент *ŋ* в предполагаемом *sāŋ* должен быть тождествен элементу *n* в *mān* < *bān*. Какова же причина его превращения в *ŋ*?

⁴ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 78.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 76.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 77.

Не следует упускать из виду, что в тюркском праязыке существовала еще одна разновидность аффикса принадлежности 2-го лица единственного числа. Мы имеем в виду аффикс $-(y)γ$, ср. чув. *uvaly* 'твой сын' (из *uvalyγ*). Этот же аффикс отражен в форме множественного числа $-γγz$.

Аффикс $-η$ мог возникнуть под влиянием аффикса 2-го лица множественного числа $-ηγz$, встречающегося во многих тюркских языках.

Аффикс 3-го лица единственного и множественного числа $-y, -i$ не может быть возведен к местоимению *up, ip*, поскольку форма именительного падежа с конечным *n* в тюркских языках не существовала.

До сих пор не выяснено происхождение варианта аффикса принадлежности 3-го лица с так называемым вставочным *s*, то есть $-sy, -si$, ср. тат. *apa-s-y* 'его мать'.

Можно предположить, что в роли аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа с исходом на гласный было использовано так называемое выделительное $-sy, -si$, встречающееся в составе таких местоимений, как тат. *qaj-sy* 'который', кар. *qaj-sy*, узб. *han-sy* и т. д.

4. О синкретизме форм дательного-направительного и местного падежей в якутском языке. Понятие местонахождения внутри чего-либо и понятие движения во что-либо в якутском языке выражается одной формой дательного-направительного падежа, ср. як. *oskuolaya barallar* 'они идут в школу' и *kolhozka yeleliir* 'он работает в колхозе'.

Несомненно, что это явление в якутском языке вторичное, поскольку в древнетюркском языке существовал синкретизм формы местного и исходного падежей, но синкретизма дательного-направительного и местного падежей, по всей видимости, не было.

В чем причина такого синкретизма? Аналогичный синкретизм тех же падежей наблюдается в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, ср. в монг. *urđ* 'ребенку', но *fabrikad* 'на фабрике', калм. *mald* 'скоту', но *gert* 'в юрте', бурят. *bulanda* 'в углу' и *bulanda* 'в угол', эвенк. *birādu* 'в реке' и *birādu* 'реке' и т. д.

Влияние на якутский язык монгольского и тунгусо-маньчжурских языков в данном случае совершенно бесспорно. Неясно только одно: вытеснил ли под сильным воздействием монгольского и тунгусо-маньчжурских языков дательного-направительный падеж в якутском языке уже достаточно развитый местный падеж или же для этих языков в самом якутском уже существовали какие-то особо благоприятные условия.

Как известно, одним из существенных лингвотехнических неудобств общетюркского языка было формальное совпадение местного и исходного падежей, о чем довольно убедительно свидетельствуют орхонские надписи, например, *taγda* 'на горе', но *qaγanta* 'от императора'.

Позднее в тюркских языках этот недостаток был устранен благодаря возникновению особого исходного падежа, характеризующегося показателем $-tan, -dan$.

После образования особой формы исходного падежа за старой формой местно-исходного закрепилось значение только местного падежа, ср. тур. *ev-de* 'в доме', каз. *dala-da* 'в степи', тат. *kɣl-dä* 'в озере' и т. д.

В якутском языке аналогичный процесс протекал несколько иначе. В раннем якутском языке, где так же, как и в пратюркском, еще существовал синкретизм местного и исходного падежей, на базе значения исходного падежа возник особый падеж п а р т и т и в, характеризующийся показателем $-da, -ta$, ср. як. *čaj-de is* 'выпей чаю (сколько-нибудь)'.

Вместе с тем в якутском, как и в других тюркских языках, возникла особая форма исходного падежа, ср. як. *oĵūr* 'лес', но *oĵūr-tan* 'из леса'.

Однако в отличие от других тюркских языков старый местно-исходный падеж на *-da*, *-ta* не стал в якутском местным в связи с возникновением упомянутого особого падежа — партитива.

Таким образом, для местного падежа в системе якутского языка не нашлось места, поскольку он утратил показатель.

В этих условиях иноязычное влияние оказалось особенно эффективным, и якутский язык, согласно модели монгольского и тунгусо-маньчжурских языков, использовал аффикс тюркского дательного-направительного падежа одновременно для выражения местонахождения где-либо.

Явление синкретизма направительного и местного падежей представляет большой интерес и в общезыковедческом плане. Следует отметить, что во многих языках оно довольно широко распространено. Местный падеж или локатив в современном латышском языке имеет два значения: указывает местонахождение предмета, например, *mežā dzi:vot* 'жить в лесу', и направление — *mežā braukt* 'ехать в лес'. В грузинском языке падеж на *-ši* может в одинаковой степени обозначать как местонахождение, так и направление, ср. *me mivdivar Gagraši* 'я иду в Гагру', но *me vpišaob Gagraši* 'я работаю в Гагре'.

Объединение этих двух значений наблюдается и в послелогох. В языках хинди послелог *теп* обозначает и движение куда-нибудь, и местонахождение где-нибудь, ср. *Māsko теп* 'в Москву' и *Māsko теп* 'в Москве'.

Неудобство, возникающее в результате синкретизма падежей, в известной мере компенсируется тем, что в языке существуют другие средства различения, способствующие, наряду с контекстом, определению значения, которое имеется в виду в каждом конкретном случае.

Так, например, уже общее значение глагола дает известную ориентацию. Глагол «идти» обычно ассоциируется с движением по направлению к чему-нибудь, а глагол «сидеть» — статичен и связан с нахождением в определенном месте. Поэтому даже во фразе типа «сидеть в школу», обычной для якутского языка (*oskuolara olugur* 'сидит в школу'), глагол *olug-* не будет восприниматься как глагол движения. Дательного-направительного падеж в данном случае указывает только на определенную сферу, соотносимую с определенным состоянием, выраженным формой глагола.

5. О происхождении аффикса порядковых числительных *-nčy*, *-nči* в тюркских языках. Наиболее распространенным аффиксом порядковых числительных в тюркских языках является аффикс *-nčy*, *-nči*, о происхождении которого высказывались различные предположения. Делались попытки связать аффикс *-nčy*, *-nči* с аффиксом глагольных имен на *-(y)nč* типа староузбекских *ügkünc* 'страх', *уnаnč* 'вера', *qysqaпч* 'зависть' и т. д. В. Банг отождествлял конечный гласный *y(i)* в аффиксе *-nčy*, *-nči* с аффиксом принадлежности 3-го лица. Элемент *čy*, *či* в аффиксе *-nčy*, *-nči*, по мнению Ю. Немета, представляет аффикс имен действия на *-čy* (*-či*). А. Н. Кононов усматривает в этом элементе аффикс принадлежности 3-го лица *-di*, *-ži*, *-či*, присоединяющийся к собирательным числительным с аффиксом *-yn*, *-in*⁹. А. М. Щербак в основном разделяет точку зрения В. Банга, считая, что к аффиксу отглагольных имен *-ynč*, *-inč* был наращен аффикс принадлежности 3-го лица¹⁰. По его мнению, первоначально при помощи аффикса *-a ~ -u ~ -y* от количественных чис-

⁹ Подробные библиографические данные по этому вопросу приведены в книге: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя), стр. 146—147.

¹⁰ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 147.

лительных были образованы глагольные основы типа *iki-*, *üčü-* и т. д. Эти основы выражали не множительное (удваиваться, утраиваться), а делительное действие (делиться на два или раздваиваться, делиться на три и т. д.), глагольные же имена обозначали результат разделительного действия или, иными словами, часть целого, но не по размерам (половина, треть, четверть), а по отношению к другим частям (вторая часть, третья часть, четвертая часть). В дальнейшем подобные образования могли функционировать в качестве определений, ср. др.-тюрк. *utunč iš* 'постыдное дело'. Присоединение к порядковым числительным аффикса 3-го лица явилось закономерным следствием их семантического своеобразия: выражение порядка следования, положения какого-либо объекта, как правило, предполагает указание на связь с группой аналогичных объектов, из которых его выделяют¹¹.

Такое объяснение нам представляется излишне сложным. Прежде чем объяснять происхождение форм порядковых числительных, следует уяснить их смысловую структуру. Совершенно необходимо, чтобы порядковое числительное содержало указание на определенное количество единиц, скажем: один, два, три и т. д. Такое указание уже обеспечивается тем, что порядковые числительные содержат в своем составе количественные числительные, ср. тур. *bir-inži*, *iki-nži*, *üčü-nži* и т. д. При сравнении таких словосочетаний, как тур. *beş at* 'пять лошадей' и *beşinži at* 'пятая лошадь', нетрудно заметить, что количественные числительные не обладают функцией индивидуализации. В словосочетании *beş at* 'пять лошадей' числительное *beş* обозначает только общее количество лошадей. В данном случае совершенно неважно, какая из них является пятой. Наоборот, в словосочетании *beşinži at* 'пятая лошадь' порядковое числительное *beşinži* указывает, что речь идет об определенной лошади, являющейся по счету именно пятой. Отсюда следует вывод, что **порядковое числительное должно быть прилагательным, но не простым, а индивидуализирующим**, особо выделяющим предмет из массы ему подобных. Не случайно в немецком языке порядковые числительные сопровождаются определенным артиклем, ср. *der zweite* 'второй', *der dritte* 'третий' и т. д. Вообще очень часто порядковые числительные сопровождаются определенным артиклем. В бурятском языке они образуются при помощи аффикса *-daxi*, *-dexi* и т. д., например, *gurbandaxi* 'третий' от *gurban* 'три'. Нельзя отрицать наличия у этого суффикса выделительного значения, ср. бурят. *endexi* 'здесь', то есть 'тот, который находится здесь'; монг. *eregdexi* 'прибрежный', то есть 'тот, который находится на берегу'. Отсюда следует, что прилагательное, выступающее в роли порядкового числительного, должно иметь в своем составе выделительный аффикс.

Допустим теперь, что в порядке тюркских порядковых числительных содержится аффикс 3-го лица, выполняющий именно эту функцию. В таком случае в тюркских языках порядковые числительные образовывались бы посредством простого прибавления аффикса принадлежности 3-го лица к формам порядковых числительных, например, *bir-i* 'первый', *iki-si* 'второй' и т. д. Однако этого не происходит. Кроме того, возможные образования *bir-i*, *ikisi* обозначали бы «один из какого-то количества», «два из какого-то количества» и т. д. Следовательно, возможное участие аффикса принадлежности 3-го лица в образовании порядковых числительных в тюркских языках необходимо вообще исключить.

Остается еще нераскрытым загадочный элемент *unč* (*inč*). Обращение к отглагольным именам существительным и прилагательным на

¹¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 147—148.

-унс, -инс типа турецкого *sevinç* 'радость', *utanç* 'стыд', *korkunç* 'страшный', *ürkünç* 'страшный', *gülünç* 'смешной' и т. д. вряд ли может чем-то помочь, если учитывать сильные семантические ограничения этого аффикса, тесно связанного с выражением различных человеческих чувств. Для обозначения же порядковых числительных он совершенно не пригоден. Непонятно, почему некоторые видные тюркологи уделяли ему столько внимания. Не полезнее было бы выявить в составе форм порядковых числительных выделительную частицу, начинающуюся со звука *ç*? А она действительно имеется. Частица *çu* может усиливать в некоторых тюркских языках формы повелительного наклонения, ср. карач.-балк. *zaz-çu* 'напиши-ка', *çaqur-çu* 'позови-ка' и т. д.

Частица *çu*, *çi*, по-видимому, имеет связь с тувинской экспрессивной частицей *če* 'ну', например, тур. *če* 'ну-ка, найди'.

Что касается оставшегося элемента *yn*, *in*, то его можно толковать по-разному. Может быть, это аффикс собирательных числительных, и образования типа *ik-in*, *beş-in* и т. д. могли означать «вдвоем», «втроем» и т. д. Может быть, *-yn*, *-in* — аффикс прилагательных, обозначающий отношение к чему-либо, ср. каз. *ağaj-yn* 'родственник' при *ağaj* 'дядя'. Во всяком случае при всех попытках выяснения истории образования порядковых числительных следует исходить из предположения, что по своему происхождению это прилагательные с выделительным значением.

6. О причинах сложного состава некоторых уменьшительных аффиксов прилагательных. Отличительной особенностью уменьшительных аффиксов прилагательных в тюркских языках является их весьма сложный состав. Каждый аффикс представляет собой по существу комплекс аффиксов, а количество составных частей может достигать иногда до четырех и пяти, в чем нетрудно убедиться при проведении элементарного анализа структуры уменьшительных аффиксов.

Аффикс *-qyltyr*, *-kildim*, ср. тат. *eşkeltem* 'кисловатый', кирг. *sur-yultum* 'сероватый'. Количество составных элементов здесь достигает до четырех. Первый составной элемент *-q-* встречается в чувашском языке, ср. чув. *s'uv-ak* 'маслянистый' от *s'uv* ~ *s'y* 'масло'. Элемент *l* можно видеть в составе таких прилагательных, как *qyz-ul* 'красный' (перв. 'красноватый'), тур. *jeş-il* 'зеленый' и т. д. Элемент *t* как самостоятельный аффикс не встречается, но часто входит в состав других уменьшительных аффиксов, например, аффикса *-çylt*, ср. кирг. *gökçilt* 'синеватый' и кум. *gökçilt* 'синеватый'. Элемент *m* как самостоятельный аффикс также не встречается, но входит в состав других уменьшительных аффиксов, например, кирг. *žyly-muq* 'тепловатый', тат. *žylım-sa* 'тепловатый'.

Аффикс *-yltyrım*, *-ildirim*, ср. шор. *ağyldyrım* 'беловатый'. В состав аффикса входят четыре составных элемента *l*, *t*, *r* и *m*. Аффикс *-r* как самостоятельный аффикс не встречается, но входит в состав других уменьшительных аффиксов, ср. ног. *-qyzyly-raq* 'красноватый', алт. *ağ-ruq* 'беловатый' и т. д. Аффикс *-ymtyraq*, *-imtiräk*: тур. *sar-ymtyrak* 'желтоватый', азерб. *ağ-umtrax* 'беловатый' и т. д. В составе аффикса четыре составных элемента *m*, *t*, *r* и *q*.

Встречаются аффиксы, состоящие из трех элементов, например, *-symal*, *-simäl*, ср. алт. *bijiksymal* 'высоковатый'; *-çylt*, *-çilt*, например, кум. *gökçilt* 'синеватый'. Распространены аффиксы, включающие только два составных элемента, например: *-çyl*, *-çil*; ср. тур. *ak-cyl* 'беловатый', кирг. *kökçil* 'синеватый'; *-muq*, *-mik*, ср. кирг. *žyly-muq* 'тепловатый'; *-quç*, *-kiç*, ср. кирг. *sar-quç* 'желтоватый' и т. д.

Наличие уменьшительных аффиксов, состоящих из двух аффиксов, можно было бы объяснить стремлением передать какие-то более тонкие

оттенки значения, но как тогда объяснить появление аффиксов, состоящих из пяти или четырех аффиксов?

Нам представляется, что такие громоздкие суффиксы, как *-qyltym*, *-ylturyt*, *-ymtyraq* и т. п., возникли не в результате тенденции к выражению более тонкой дифференциации значений. Большую роль здесь, очевидно, играет так называемая звуко-символика. Нагромождение аффиксов в данном случае выступало просто как средство выражения уменьшительности.

Любопытно отметить, что в тюркских языках, подвергшихся влиянию иносистемных языков, например, в якутском и чувашском, многосоставные аффиксы уменьшительных прилагательных не встречаются.

7. О происхождении будущего времени в чувашском языке. Чувашский язык является единственным тюркским языком, в котором будущее время не имеет показателя *-r*. Приводимая ниже парадигма достаточно ясно иллюстрирует это утверждение.

Единственное число

1. *šyr-ă-p* 'я напишу'
2. *šyr-ă-p* и т. д.
3. *šyr-ě*

Множественное число

1. *šyr-ă-păg* 'мы напишем'
2. *šyr-ă-g* и т. д.
3. *šyr-ě-š*

Большинство тюркологов придерживается мнения, что в чувашском языке некогда существовало будущее время с показателем *-r*, но этот показатель по некоторым причинам исчез.

«В чувашском языке, — замечает Л. С. Левитская, — видимо, существовал аорист на *-r*, так как именное отрицание *maġ < mār < emār < ergmār* является отрицательной формой аориста глагола *e* (*r*). Рудиментом старого аориста является и показатель настоящего времени *-t < tur < turur*»¹².

Ссылаются также на существование сокращенных форм будущего времени без показателя *-r*, встречающихся в татарских и башкирских говорах типа *baġum* 'я пойду'. Подобные формы имеются и в караимском языке.

В карачаево-балкарском языке *r* выпадает при образовании будущего времени от глаголов, основа которых оканчивается на *r* и *l*: *baġu* 'он пойдет' из *baġur*¹³.

Трансформацию старой формы аориста в чувашском языке Л. С. Левитская стремится объяснить следующим образом: «Первоначально аффиксальный *r* элидировался после *r*-основ. Формант *-ă* (*-ə*) < *ăg* (*əg*) перестал осознаваться как морфологически значимый и был отождествлен с соединительным гласным личных окончаний.

Допустима и зависимость исчезновения *-r* в форме на *-r* от фонетической эволюции аффикса прошедшего категорического *-di > -rə*, в результате которой формы типа *ilrə* и *ilrə < iləg* стали неразличимы»¹⁴.

Что касается трактовки формы именного отрицания *maġ* как формы 3-го лица единственного числа от глагола *e* 'быть', то существование такой формы в истории чувашского языка маловероятно. Аффикс отрицания в этих случаях должен был бы иметь форму *maġ*, *māġ*, а не *mar*, ср. тат. *jazmuġ* 'он не пишет' из *jazmaġ*; *kilmi* 'он не приходит' из *kil-māġ* и т. д.

¹² Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, стр. 64.

¹³ Там же, стр. 64.

¹⁴ Там же.

Возникновение сокращенных форм будущего времени типа тат. диал. *alut* 'я возьму' вместо *alugut*, конечно, возможно, но нам представляется, что решить вопрос происхождения форм чувашского будущего времени без показателя *-r* можно значительно проще.

Хорошо известно, что отличительной особенностью тюркских языков является наличие в аффиксах аблаута *a:u*, ср. тат. *qalʔap* 'оставшийся', но тур. *kurɣup* 'сломанный'. На основании этого можно допустить, что наряду с настоящим временем с показателем *-a* типа тат. *ala* 'он берет' в тюркском праязыке имелась параллельная форма с показателем *-y*:

Единственное число

1. тат. *al-a-m*¹⁵ 'я беру'
2. *al-a-syŋ* и т. д.
3. *al-a*

Множественное число

1. *al-a-byz*
2. *al-a-syz*
3. *al-a*

Единственное число

1. *al-y-myn* 'я беру'
2. *al-y-syŋ* и т. д.
3. *al-y*

Множественное число

1. *al-y-byz*
2. *al-y-syz*
3. *al-y*

Форма настоящего времени с показателем *-y* типа *aly* 'он берет' встречается в говорах и диалектах кумыкского и азербайджанского языков. Подобно форме настоящего времени с показателем *-a*, она также имеет значение настоящего времени.

Поэтому нет ничего невероятного в том, что чувашская форма будущего времени *šyğarǎg* образовалась из *jazybyz* 'мы напишем'.

¹⁵ Более ранняя форма — окончание *-myn*.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. М. ЧУМБАЛОВА

О ТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИИ Л. КАРАВЕЛОВА И И. ВАЗОВА)

Во второй половине XIX века в Болгарии усилилось широкое народное движение за освобождение страны от османского ига. Это в свою очередь активизировало развитие национальной болгарской литературы и светского просвещения¹. К этому периоду относится и начало борьбы за создание единых норм литературного болгарского языка: окончательно определяются тенденции в развитии фонетики, грамматики и прежде всего лексики новоболгарского литературного языка.

Важно проследить изменения в лексике новоболгарского литературного языка именно второй половины прошлого века, так как в этот период наблюдается максимальное использование тюркских лексических элементов в болгарском языке. Богатейший материал для этого дают произведения выдающихся болгарских писателей того времени Любена Каравелова и Ивана Вазова, сыгравших значительную роль в формировании болгарского литературного языка.

В прошлом объектом исследования историков языка были только турецкие заимствования в болгарском языке. Отношение к этому вопросу заметно изменилось после публикации в 1921 году статьи Стефана Младенова². В настоящее время болгарскими языковедами вопрос ставится значительно шире: речь идет уже вообще о тюркских элементах в болгарском языке.

Поэтому в данной статье мы пользуемся термином «тюркский лексический элемент» (ТЛЭ)³, который, на наш взгляд, лучше и полнее отражает суть поставленного вопроса. Таким образом, турецкие заимствования являются лишь частью тюркской лексики, вошедшей в болгарский язык. Объектом исследования при этом становятся праболгарские, полловецкие, турецкие слова, а также арабские, персидские, греческие, итальянские и другие заимствования, проникшие в болгарский язык через турецкий, любой другой тюркский или праболгарский языки.

¹ Л. Андрейчин. Унификационни процеси в българския книжовен език през първите две десетилетия след Освобождението. — «Български език», кн. 5, София, 1973, стр. 371.

² Ст. Младенов. Вероятни и мнимы остатъци от езика на Аспарухови българи в новобългарската реч. — «Годишник на Софийския университет», София, 1921, стр. 201—288.

³ См., например: В. Д. Аракин. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. — В сб.: «Тюркизмы в восточнославянских языках», М., 1974.

Источник заимствования некоторых слов нередко бывает трудно определить, так как фонетический облик слова не всегда проливает свет на этот вопрос (например: *балкан* 'гора', *гаджал* 'турок'). Поэтому, определяя слова как «тюркские», мы имеем в виду ТЛЭ либо праболгарского, либо половецкого происхождения.

Известно, что болгарско-тюркские языковые взаимоотношения сложились еще в древности⁴. В состав болгарской нации в разное время вошли некоторые неславянские этнические группы: булгары (или праболгары, протоболгары), печенеги, половцы (или куманы), узы и турки⁵.

Начало интенсивного тюркского языкового влияния на болгарский язык относится к VII веку, а завершилось оно лишь в конце XIX века после освобождения Болгарии от османского ига.

Праболгарский язык, чей тюркский характер полностью доказан⁶, был первым тюркским языком, находившимся в контакте с языком болгарских славян на Балканском полуострове в конце V—VI веке — до окончательного заселения полуострова праболгарами во второй половине VII века.

Тюркское влияние, то усиливавшееся, то ослабевавшее, сказывалось постепенно, по мере ассимиляции большей части тюркоязычного населения болгарских земель. Так, после некоторой стабилизации славянского языка, наступившей после ассимилирования праболгар и их языка, начался период еще более сильного, чем ранее, влияния языка печенегов, узов и куманов, заселивших болгарские земли⁷.

Исходя из конечного результата, а именно этнического смешения праболгар, половцев (куманов) с южными славянами, можно, видимо, сделать вывод о внутреннем тюркском языковом влиянии, охватывающем не только лексику, но и грамматическую систему болгарского языка. Более позднее влияние турецкого языка (с XV до первой половины XIX века), таким образом, следует считать внешним, сказавшимся прежде всего на лексике и фразеологии болгарского языка.

Большой интерес представляют ТЛЭ в романе И. Вазова «Под игом» и в повестях и рассказах Л. Каравелова⁸. ТЛЭ в названных произведениях рассматриваются нами ниже с точки зрения их происхождения, семантики и судьбы в современном болгарском языке.

Характеризуя происхождение ТЛЭ в произведениях И. Вазова и Л. Каравелова, следует различать прямые и косвенные заимствования. Праболгарские, половецкие, тюркские и турецкие слова этих произведений вошли в болгарский язык в результате прямого тюркского влияния. Праболгарские слова составляют около четырех процентов всех ТЛЭ в произведениях обоих писателей. В романе И. Вазова «Под игом» (всего 21 праболгарских ТЛЭ), в повестях и рассказах Л. Каравелова (всего 25 праболгарских ТЛЭ) встречаются следующие утвердившиеся в болгарском языке слова праболгарского происхождения: *бѣлег* 'след, метка', *забелѣжка* 'заметка', *забележѣм* 'заметный', *забелѣжен* 'замеченный', *да забелѣжа* 'заметить', *забелѣзвам* 'замечать', *бѣсер* 'жемчуг', *болѣрски* 'боярский', *бѣлгарин* 'болгарин', *бѣлгарче* 'уменьшит. от бѣлга-

⁴ Е. Боев. За българско-тюркските езикови връзки. — «Известия на института за български език», кн. XVI, 1968, стр. 177.

⁵ Е. Боев. Някои особености на татарския говор в гр. Варна. — В журн.: «Балканско езикознание», София, 1964, № VIII, стр. 69.

⁶ По вопросу происхождения праболгар см.: «История Болгарии», т. I, М., 1954, стр. 54—56.

⁷ Е. Боев. За българско-тюркските езикови връзки, стр. 180.

⁸ Иван Вазов. Под игото, София, 1967; Любен Каравелов. Избрани произведения, т. I, София, 1954.

рин, *българка* 'болгарка', *български* 'болгарский', *калпак* 'шапка, папах', *корем* 'живот', *тояга* 'палка, посох' *тояжка* 'палочка', *хан* 'хан, монарх'. Таким образом, у обоих писателей 17 общих ТЛЭ праболгарского происхождения. Кроме этих слов, И. Вазов в своем романе употребляет: *белѣжка* 'меточка, оценка', *отбелѣжен* 'отмеченный', *по-български* 'по-болгарски', *кумир* 'кумир, идол'. Л. Каравелов употребляет и такие слова праболгарского происхождения, как *забележително* 'замечательно', *забележимо* 'заметно, замечательно', *да белѣжа* 'замечать', *бъбрек* 'почка', *българѣя се* 'вести себя по-болгарски', 'считать себя болгарин-ном', *сукман* 'вид женской одежды', *хански* 'ханский', *шаран* 'сазан'.

Из приведенных примеров видно, что праболгарские слова, вошедшие в болгарский язык, относятся к видам одежды, названиям народностей, частей тела человека и различных предметов.

Из слов кыпчакского происхождения в произведениях И. Вазова и Л. Каравелова встречаются два слова: *бай* (ставится перед именем взрослого человека) и *камышк* 'бич'.

Большую часть ТЛЭ составляют туркизмы (у Л. Каравелова — 91 процент от общего числа ТЛЭ, у И. Вазова — соответственно 89 процентов). Это — лексика, отразившая угнетенное положение болгарского народа в период османского ига и привилегированное — господствующей турецкой верхушки, например: *ага* 'турецкий чиновник', *бей* 'бей, титул феодала', *беглик* 'налог на овец и коз', *бегликчия* 'сборщик налогов беглик', *берия* 'налог', *одалиска* 'наложница', *оланин* 'юноша-слуга высокопоставленного лица', *вергия* 'подать, налог с дома', *ахчия* 'повар', *куришм* 'пуля, свинец', *чапкѣнин* 'бродяга, бездельник' и т. д.

В результате косвенного влияния тюркских языков (праболгарского) в болгарский язык вошли следующие персидские слова: *хубав* 'красивый, хороший', *хубост* 'краса, красота', *хубавец* 'красавец', *по-хубав* 'красивее, лучше' и т. д. Через турецкий в болгарский язык проникли и другие единичные заимствования из арабского, персидского, греческого, итальянского, латинского, венгерского, французского языков, например: *векъл* 'уполномоченный агент', 'советник в сельской общине', *зиптиѣ* 'полицейский, жандарм', *халиф* 'калиф, наместник', *аллах* 'аллах', *хаджия* 'паломник-мусульманин, посетивший Мекку', *хабер* 'известие, сообщение, молва, новость', *файда* 'польза', *мезе* 'закуска к спиртному', *пексимет* 'сухарь', *фенѣр* 'фонарь', *парса* 'денежное вознаграждение', *паласка* 'воинская сумка, патронташ' и др.

Тюркские лексические элементы, обнаруженные в произведениях И. Вазова и Л. Каравелова, составляют 23 тематические группы. Это разнообразие ТЛЭ свидетельствует о том, что контакты болгарского и тюркских народов были весьма широкими. Назовем эти тематические группы:

1) наименования одежды и украшений: *азизие* 'феска периода правления султана Азиза', *терлик* 'войлочные туфли', *шалвар* 'шаровары', *колан* 'пояс, ремень' и т. д.;

2) эмоционально окрашенные слова: *гаджал* 'турок', *дангъл* 'мошенник, плут', *харамоѣдец* 'тунеядец', *джадия* 'проститутка' и т. д.;

3) наименования предметов домашнего обихода: *юрган* 'одеяло', *кѣна* 'хна (краска для волос)', *дюшѣк* 'постель, матрац', *долан* 'шкаф' и др.,

4) наименования лиц по общественному положению и должностям: *алайца* 'служанка', *аѣнин* 'правитель округа', *везир* 'визирь', *аазѣ* 'член совета' и т. д.;

5) слова абстрактного содержания: *агалѣк* 'господство', *дослѣк* 'дружба', *золѣм* 'несправедливость', *кеф* 'удовольствие' и т. д.;

6) наименования лиц по профессии и роду занятий: *ахция* 'повар', *бояджия* 'красильщик', *телялин* 'глашатай', *берберин* 'парикмахер', *хекимин* 'лекарь' и т. д.;

7) слова, связанные с сельским и домашним хозяйством: *дизгин* 'повод для уздечки', *ергелé* 'стадо коней', *хашá* 'попона', *яхър* 'конюшня', *кебé* 'фетровая накидка' и т. д.;

8) слова, обозначающие религиозные понятия: *дérвиш* 'дервиш', *джамия* 'мечеть', *минарé* 'минарет', *хурия* 'гурия' и т. д.;

9) наименования блюд, овощей и фруктов: *емииш* 'овощи', *кайсия* 'абрикос', *геврék* 'бублик', *пастърма* 'вяленое мясо' и т. д.;

10) военная терминология: *табия* 'окоп, укрепление', *топханá* 'арсенал', *нищёр* 'кинжал, нож', *фалагá* 'орудие наказания' и т. д.;

11) наименования лиц по военным должностям и чинам: *еничёр* 'янычары', *юзбашия* 'сотник', *есакция* 'вооруженная охрана', *забитин* 'офицер' и т. д.;

12) слова, обозначающие строения и части жилища: *таван* 'потолок', *хан* 'постоялый двор, помещение', *калé* 'крепость', *чардак* 'чердак' и т. д.;

13) слова, связанные с революционно-освободительной борьбой болгар: *кесиджия* 'разбойник', *делибашия* 'разбойник', *кърджалия* 'турецкий солдат XVIII—XIX вв.', *хайдук* 'гайдук, разбойник, повстанец' и т. д.;

14) торговая лексика: *базиргянлэк* 'торговля', *ока* 'мера веса', *пазаря* 'делать покупки', *чаршия* 'рынок, базар, торговый ряд' и т. д.;

15) предметы домашнего обихода (посуда): *джезвé* 'кофейник', *машá* 'щипцы', *легén* 'металлический таз', *хаван* 'ступка' и т. д.;

16) административная лексика: *исляханé* 'исправительный дом', *масрафчийница* 'финансовое управление', *мехкемé* 'судебная палата', *беклемé* 'сторожевая будка' и т. д.;

17) названия музыкальных инструментов: *гайда* 'волынка', *дайрé* 'бубен', *таламбáз* 'род музыкального инструмента', *сантър* 'струнный инструмент' и т. д.;

18) названия растений, цветов, птиц и зверей: *лалé* 'тюльпан', *доган* 'сокол', *самър* 'соболь', *гюл* 'роза' и т. д.;

19) слова, обозначающие денежные единицы: *ирмиличе* 'монета в 20 пари', *мангър* 'старинная золотая монета', *ялдэзка* 'золотая монета', *парá* 'монета, деньги' и т. д.;

20) слова, обозначающие части ландшафта: *кория* 'лес', *тепé* 'пригорок', *чал* 'горная вершина', *бозалэк* 'пастбище, поле' и т. д.;

21) слова, характеризующие социально-экономическое положение Болгарии в период турецкого господства: *беглик* 'налог', *вергия* 'подать, налог с дома', *йошър* 'дань, десятина', *бакииш* 'чаевые' и т. д.;

22) названия народностей: *българин* 'болгарин', *търчин* 'турок', *гюрюджия* 'грузин', *чифут* 'еврей' и др.;

23) слова, обозначающие части тела человека: *буза* 'щека', *корém* 'живот', *юмрук* 'кулак', *шкембé* 'живот, желудок' и др.

Слова, переходя из одного языка в другой, обычно сохраняют, как известно, свою семантическую структуру, однако бывают случаи, когда семантика заимствований изменяется: сужается, расширяется или полностью переосмысливается. Проведенный анализ показывает, что около 32 процентов ТЛЭ в повестях и рассказах Л. Каравелова и 29 процентов в романе И. Вазова сохранили свою первоначальную семантическую структуру. Например, слово *баклавá* в болгарском и турецком (по происхождению арабское) языках служит названием «сладкого слоеного»

пирога». Не изменили свою семантическую структуру и такие слова, как: *маша́* 'щипцы', *калпак* 'шапка, папаха', *кадифе́* 'бархат', *ат* 'лошадь', и некоторые другие.

Встречаются случаи, когда вместе с многозначным тюркским словом заимствуются и все его значения: *абá* 'грубая шерстяная материя' и 'платье из грубой шерстяной материи', *касáпин* 'мясник, мясоторговец' и 'палач' и т. д.

Немало случаев сужения объема понятий, выражаемых заимствованным словом. Сужению семантической структуры многозначных слов подверглось около 22 процентов ТЛЭ в языке произведений Л. Каравелова и 19 процентов в языке романа И. Вазова. Сужение значения многозначных слов происходит путем усечения ненужных заимствующему языку значений. Например, слово *дослук* в турецком языке имеет два значения: 1) дружба, дружеское отношение, чувство дружбы, близость, интимность, 2) дружеская услуга. В болгарский язык это слово вошло только в значении «дружба».

Анализ ТЛЭ в произведениях И. Вазова и Л. Каравелова показал, что треть их сохранила свою прежнюю семантическую структуру, сужение значения претерпела лишь четвертая часть многозначных слов. Имеются случаи частичного сохранения структуры многозначного заимствованного тюркского слова и случаи семантического отрыва от прототипа.

Судьба отдельных ТЛЭ в современном болгарском языке весьма сложна и своеобразна. Наряду с ТЛЭ, необходимыми болгарскому языку и поэтому закрепившимися в его активной лексике, имеются и перешедшие в ее пассивный пласт, то есть ставшие малоупотребительными или совсем вышедшие из употребления. В современной лексической системе болгарского языка ТЛЭ делятся на две большие группы: вошедшие в активный словарный запас и вошедшие в пассивный словарный запас. К первой группе относятся общеупотребительные ТЛЭ нейтрального пласта современного болгарского языка, ко второй — историзмы, архаизмы, разговорно-бытовая лексика (диалектно-ограниченная и общенародная), арготизмы.

ТЛЭ-историзмы — это слова, вышедшие из активного употребления и перешедшие в пассивный словарь потому, что исчезли обозначаемые ими явления, предметы, вещи и т. д. Перешли в разряд историзмов некоторые названия одежды, наименования лиц по общественному положению и должностям, по роду занятий и профессии, наименования военных должностей, а также военная терминология, административная лексика, слова, характеризующие социально-экономическое положение Болгарии в период османского ига, некоторые религиозные понятия; например: *доламá* 'кафтан', *кайк* 'островерхая шапка у дервишей', *пашá* 'паша', *башибозу́к* 'солдат нерегулярных частей турецкой армии', *нишанджия́* 'стрелок', *мехкеме́* 'судебная палата', *хара́ч* 'дань с немусульман', *хамаллия́* 'амулет, освященный в Мекке' и т. д.

Нередко наряду с ТЛЭ-архаизмами в современном болгарском языке употребляются их синонимы из активного пласта лексики. Вытеснение ТЛЭ из активного состава словаря является, видимо, следствием исторических условий, в которых формировался болгарский национальный язык, то есть результатом борьбы с заимствованиями за очищение языка от иноязычных элементов. Примеры: *асла́н* (лъв) 'лев', *базиргя́н* (търговец) 'купец, торговец', *ерфене́* (гощаване) 'угощение', *зорбаджилъ́к* (потискане) 'притеснение', *пайва́нт* (въже) 'пути для ног коня', *терзия́* (шивач) 'портной' и др.

Архаизмы употребляются только с определенной стилистической целью; в других случаях с точки зрения современного словоупотребления их использование не считается оправданным.

К диалектно-ограниченной разговорно-бытовой лексике относятся ТЛЭ, характерные для того или иного региона страны. Такими словами являются, например: *аратлік* 'друг, приятель', *пезевёнк* 'сводник', *потури* 'шаровары, штаны', *яр* 'стремнина', *чул* 'попона' и другие.

В пассивный пласт современного болгарского языка перешли отдельные ТЛЭ общенародной разговорно-бытовой лексики, такие, как: *денк* 'ящик, тюк', *доланче* 'шкафчик', *гюбрё* 'навоз, удобрение', *байрак* 'знамя, флаг', *дувар* 'стена', *кадъна* 'женщина' и др.

Пейоризированные ТЛЭ являются еще одной группой слов, перешедших в пассивный пласт современного болгарского языка. Это социально ограниченная по употреблению лексика, эмоционально выражающая понятия, стилистически нейтрально обозначаемые общенародными словами. Арготизмами стали некоторые ТЛЭ языка, замененные народными болгарскими словами, заимствованными из диалектов и из других славянских языков. Характерным для этих ТЛЭ является то, что они имеют уничижительную смысловую окраску и отличаются приобретенным ими в процессе употребления грубоватым, вульгарным характером, что объясняется общим отрицательным отношением к заимствованиям (прежде всего турецким)⁹. Следует учитывать то обстоятельство, что уменьшение влияния турецкого языка на болгарский после завоевания Болгарией независимости привело к тому, что первоначальное значение нелитературных турецких слов быстро стерлось либо исказилось, приобретая новый экспрессивный характер.

Пейоризация становится очевидной при сопоставлении значения таких ТЛЭ в болгарском языке со значением этих же слов в турецком. Например:

ТЛЭ	Значение слова в тюркских языках	Пейоризированный смысл ТЛЭ в современном болгарском языке
<i>аркадаш</i>	товарищ, друг	товарищ (с ироническим оттенком)
<i>капия</i>	присутственное место, должность	чужак
<i>кеф</i>	удовольствие	плотское удовольствие
<i>аршин</i>	мера длины	в смысле: мерить на свой аршин
<i>рахат</i>	спокойствие, мир	личный покой, самоуспокоение

Почти все ТЛЭ, перешедшие в жаргонную речь, не только изменили свое первоначальное значение, но часто не воспринимаются как ТЛЭ, особенно современными носителями языка. Пейоризация ТЛЭ свидетельствует о вытеснении этих заимствований в более ограниченную сферу употребления, что неминуемо ведет к их исчезновению в будущем из болгарского языка.

Наряду с ТЛЭ, перешедшими в пассивный пласт современного болгарского языка, немало оставшихся в активном запасе языка. Активный

⁹ М. Стайнова. За пейоризация на турцизмите в българския език. — В журн.: «Български език», 1964, кн. 2—3, стр. 184.

запас ТЛЭ — это общеупотребительные слова, перешедшие в нейтральный пласт современного болгарского языка в связи с тем, что им не нашлось равноценных исконно-болгарских заменителей. Такие слова в произведениях Л. Каравелова составляют 28 процентов от общего числа ТЛЭ, в романе И. Вазова — 33 процента. Традиция употребления этих ТЛЭ настолько укоренилась, что они уже не могут быть вытеснены болгарскими соответствиями. Ряд заимствованных тюркских слов, обозначающих предметы домашнего обихода, остался и окончательно закрепился в современном болгарском языке: *дюшэк* 'тюфяк, матрац', *капак* 'крышка', *юрган* 'одеяло', *кибрѣт* 'спички', *килим* 'ковер', *чѣрга* 'ковер', *пердѣ* 'занавес, завеса' и другие. К активному пласту современного болгарского языка относятся некоторые ТЛЭ, обозначающие одежду, украшения: *сукман* 'вид женской одежды', *кехлибар* 'янтарь', *елѣк* 'безрукавка', *кесия* 'кошелек', *чанта* 'сумка', *чоран* 'чулки', *халат* 'халат', *яка* 'воротник'; наименования некоторых блюд, фруктов: *зарзала* 'абрикос', *халва* 'халва', *кафѣ* 'кофе', *туришя* 'соления', *чорба* 'суп, похлебка', *кебап* 'мясо, жаренное на вертеле'.

Сохранились и закрепились в современном болгарском языке некоторые ТЛЭ, обозначающие предметы военного обихода: *фишѣк* 'патрон, заряд, гильза, ракета', *куришум* 'пуля', *барѹт* 'порох', *камѣ* 'кинжал', *камшик* 'бич'; некоторые названия частей тела человека и животного: *бѣбрек* 'почка', *бѹза* 'щека', *зѹрла* 'морда', *корѣм* 'живот', *юмрѹк* 'кулак'; названия профессий: *занаятѹя* 'ремесленник', *калайджѹя* 'лудильщик', *хамалин* 'носильщик', *бакалин* 'продавец бакалей'; названия растений и животных: *маймѹна* 'обезьяна', *гарга* 'галка', *люлек* 'сирень', *чемшир* 'самшит'; названия музыкальных инструментов: *гайда* 'волынка', *кавал* 'длинная пастушья свирель', *дайрэ* 'бубен'. Сохранилось в болгарском языке, частично изменив свое лексическое значение, и слово *бай* (кыпчакское).

В болгарском языке закрепились также многие ТЛЭ, относящиеся к самым различным тематическим группам: *бакѣлница* 'бакалейный магазин', *гемия* 'лодка', *дамга* 'пятно', *ергѣн* 'холостяк', *кавга* 'ссора', *катран* 'дѣготь', *таван* 'потолок', *пазар* 'базар', *тѹхла* 'кирпич' и др.

Приведенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Творчество Любена Каравелова по времени совпадает с первым периодом литературной деятельности Ивана Вазова, поэтому вполне объяснимо почти одинаковое количество ТЛЭ и характер их употребления в произведениях обоих авторов. Удельный вес ТЛЭ в лексическом составе произведений (2—3 процента) указывает на сравнительно частое их употребление писателями, а следовательно, и вообще в болгарском языке второй половины XIX века.

2. ТЛЭ можно разделить на два пласта с точки зрения их происхождения: первый, более древний, включает праболгарские и куманские ТЛЭ, а второй — турецкие слова, среди которых арабизмы и персизмы занимают значительное место.

3. Туркизмы в произведениях Л. Каравелова и И. Вазова разнородны, они включают арабские, персидские, греческие, итальянские и другие слова, в проникновении которых в болгарский язык турецкий играл роль посредника.

4. Все ТЛЭ произведений И. Вазова и Л. Каравелова делятся на 23 семантические группы. Как правило, многозначные ТЛЭ в болгарском языке становятся однозначными или теряют часть своих значений.

5. Значительное количество ТЛЭ вследствие изменения общественно-политических и культурно-исторических условий превратилось в ис-

торизмы, архаизмы или диалектизмы. Некоторые из них пейоризировались, превратились в арготизмы. Однако существует еще большее число ТЛЭ, употребляющихся весьма широко в современном болгарском языке.

6. В произведениях Л. Каравелова и И. Вазова встречаются служебные слова (*амá* 'но, а, однако, же'; *де* 'и, а, но, также'; *хем* 'и, также, тоже, и затем'; *зер* 'разве, ибо, так как'; *мигáр* 'разве' и др.), свидетельствующие о значительном влиянии тюркского языка на болгарский.

7. Доля покрытия ТЛЭ в повестях и рассказах Л. Каравелова равна 3% (при объеме текста 154 000 словоупотреблений и накопленной частоте ТЛЭ 4652), в романе И. Вазова — 2% (при объеме текста 11600 словоупотреблений и накопленной частоте ТЛЭ 2181). Иными словами, на каждые 100 слов текста встречается 2—3 ТЛЭ.

Появление в текстах Л. Каравелова и И. Вазова ТЛЭ — достаточно частое явление, примерно равное по частоте употреблению предлога «на» в русских текстах, согласно данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (1977).

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Р. БЕРДИБАЕВ

РОЛЬ СКАЗИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

В сохранении и развитии эпической традиции тюрко-монгольских народов большие заслуги принадлежат сказителям: казахским жыршы, киргизским манасчи, туркменским бакшы, калмыцким джангарчи, якутским олонхосутам, алтайским кайчи и т. д. Хотя фольклор является результатом коллективного творчества, не следует преуменьшать и роль сказителей в создании и совершенствовании того или иного поэтического произведения. Нет сомнений в том, что талантливые безымянные поэты-импровизаторы были первоначальными авторами многих замечательных произведений устного народного творчества.

Роль сказителей в становлении и обогащении эпической традиции фольклора тюрко-монгольских народов отмечали в свое время многие исследователи. Общепризнано, например, творческое участие исполнителей эпических произведений в создании их вариантов, нередко существенно различающихся даже у сказителей одной школы. Однако внимание фольклористов большей частью концентрируется на интерпретаторской стороне творчества сказителей.

Обычно фольклористами выделяются четыре нижеследующих момента, характеризующих исполнителя эпоса как носителя и продолжателя творческой традиции.

1. Использование сказителем традиционных поэтических средств и приемов, прочно вошедших в его поэтический арсенал и характеризующих его творческую индивидуальность. В этом случае варианты эпических сказаний незначительно отличаются один от другого, а расхождения носят в основном стилистический характер. К числу таких сказителей у казахов, например, относятся исполнители мало различающихся между собой вариантов эпоса «Кобланды-батыр»: Биржан Толымбаев и Шапай Калмагамбетов. Исполняемые ими тексты восходят к версии Мергенбая-жырау. Сюда же можно отнести варианты казахского эпоса «Алпамыс-батыр», последовательно перенимавшиеся у Майкота Сандыбаева Султанбеком Аккожаевым и Желеу Жакиповым.

2. Различия в репертуаре сказителей, обусловленные характером локальной эпической традиции, сложившейся в зависимости от местных условий: фольклорной традиции региона в целом, родоплеменной принадлежности певца и других смежных факторов. Это главным образом различия между сказительскими школами. Так, например, в репертуаре присырдарьинских исполнителей эпоса сочетаются богатырские и авантюрно-романтические сказания; в репертуаре западноказахстанских — героические; центральноказахстанских — героические и лиро-

эпические. Соответственно, например, общим оказывается репертуар джетысуйской школы сказителей, восходящей к Суюнбаю Аронову, к которой принадлежат его ученик Джамбул Джабаев и его последователи: Умбетали Карибаев и Кенен Азербаев. Ныне традиции этой школы продолжают Асимхан Косбасаров и внук Джамбула — Алимкул Джамбулов. В присырдарьинских степях существуют целые династии сказителей с общим репертуаром. Среди них — знаменитый сказитель Жиенбай-жырау, его сын Рустембек и внуки: Кошеней и Бидас Рустембековы. То же наблюдается и в западном Казахстане¹.

3. Степень исполнительского мастерства сказителя зависит от его таланта, опыта и пройденной школы. Сказительская школа обуславливает, с одной стороны, характер репертуара сказителя, с другой — вариативность текстов, характеризующую их объемом и степенью разработанности тех или иных сюжетных коллизий. Часто таких исполнителей в народе различают даже терминологически. Например, киргизы выделяют две основные категории исполнителей эпоса «Манас»: *чон манасчы* 'великий манасчи' и *чала манасчы* 'слабый манасчи'. *Чон манасчы* знают целиком всю трилогию и исполняют ее; они излагают генеалогию всех главных героев, имеют учеников. *Чала манасчы* знают и исполняют лишь отдельные сюжеты эпоса².

4. Роль эпического певца как сказителя вариантов, в сюжетном отношении значительно отличающихся от воспринятых им самим, и исполнителя собственных версий того или иного эпического сюжета. Вот что, например, пишет по этому поводу И. Пухов, анализируя творчество якутских сказителей: «Сюжеты олонхо можно совершенно свободно перенести из одного олонхо в другое... Этим усердно в прошлом пользовались олонхосуты, то увеличивая его объем, то сокращая его за счет ввода или сокращения тех или иных сюжетов или описаний. Этим воспользовался и крупный якутский поэт П. А. Ойунский. Будучи сам хорошим олонхосутом, он объединил несколько сюжетов и сравнительно быстро создал крупнейшее из числа известных олонхо „Нюргун Боотур стремительный“, объемом в 36600 стих. строк»³. Указанный метод создания вариантов и версий обусловлен в данном случае спецификой эпической традиции якутов. У большинства же других тюрко-монгольских сказителей новые варианты и версии возникают в результате целого комплекса факторов, среди которых важнейшими являются специфические особенности как региональной фольклорной традиции в целом, так и локальной сказительской школы, а также художественный талант и творческая индивидуальность отдельного эпического певца. Следствием этих причин является, например, существование двух различающихся версий казахского эпоса «Кобланды батыр», созданных Марабаем и Нурпенсом⁴.

Таким образом, исследователи акцентируют внимание в первую очередь на интерпретаторской функции сказителей. Творческая же роль их ограничивается рамками традиций, заключающих в себе веками складывавшуюся систему сюжетов, мотивов, средств и приемов образ-

¹ Қ. Сыдықов. Ақын, жыраулар. Алматы, 1974, стр. 137—138.

² М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас». — В кн.: «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961; В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 26.

³ И. Пухов. Якутские олонхо и калмыцкий «джангар». — В кн.: «Проблемы алтаистики и монголоведения». Элиста, 1974, стр. 63.

⁴ «Кобланды батыр». М., 1975.

ной выразительности. Так, В. М. Жирмунский писал о киргизских эпических певцах: «Во время обучения своему искусству такой певец запоминает не связный текст, а как бы сценарий, сюжетную канву, известную последовательность эпизодов и ситуаций, а также традиционные „общие места“, эпические клише.; в остальном он создает исполняемый им текст в процессе пения, варьируя его в соответствии с характером аудитории, иногда вводя в него те или иные новые подробности или даже эпизоды. Конечно, подобное новотворчество, носящее характер импровизации, возможно лишь в рамках определенной, прочно сложившейся традиции — в построении сюжета, в мотивах и образах, постоянных стилистических формулах, эпитетах, сравнениях, фразеологических оборотах и т. п., которыми поэт-импровизатор пользуется как своего рода готовым поэтическим языком»⁵.

Все это во многом справедливо и отражает конкретные наблюдения фольклористов над традициями живого бытования эпоса.

Но все же, кем является сказитель: интерпретатором или автором? Этот вопрос возникает при исследовании эпической традиции, сохранившейся и продолжающей развиваться и в наше время.

Казахские эпические сказители подразделяются на три категории: жырау, акыны и жыршы⁶. Жырау — собственно эпические певцы, создающие поэтические импровизации и наряду с этим хранящие в своем репертуаре и исполняющие эпические произведения, перенятые ими от других сказителей. Акыны — также поэты-импровизаторы, создающие собственные поэтические произведения как эпического, так и лирического жанра, исполняющие эпические сказания, перенятые от других, и участвующие в поэтических диспутах-айтысах. Жыршы же не импровизируют собственных поэтических произведений, они лишь исполняют тексты, заученные со слов других сказителей. Они, таким образом, самая «нетворческая» категория эпических певцов. Но вместе с тем, в зависимости от степени поэтической одаренности, жыршы вводят в заученные ими тексты изменения, не выходя за рамки заданного сюжета, то есть выступают в качестве интерпретаторов — «стилистов».

Что же касается жырау и акынов, то они не только несравненно свободнее чувствуют себя по отношению к текстам перенятых эпических сказаний, но также — и это чрезвычайно важно! — создают свои, новые, ранее никем не исполнявшиеся тексты героических и лиро-эпических произведений.

Казахская народная традиция упорно считает жырау создателями, авторами конкретных произведений эпоса. Например, казахско-ногайский выдающийся жырау средневековья Сыпыра считается автором эпоса «Ер-Таргын», другому средневековому жырау, Жиенбету, народная молва приписывает авторство эпоса «Енсегей бойлы ер Есім» («Высокорослый витязь Есим»); а жырау Шалкизу — авторство эпоса «Ер-Шобан». Все эти жырау жили в эпоху, предшествовавшую разделению казахов и ногайцев на два отдельных народа.

Мы не случайно употребляем слово «автор». Именно авторами конкретных эпических произведений называет сказителей казахская устная традиция. Насколько это справедливо, судить трудно из-за отсутствия соответствующего исторического материала.

Однако особенности творческой практики казахских акынов прошлого столетия и наших дней вполне подтверждают убежденность на-

⁵ В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 27.

⁶ Е. Исмаилов. Акын-дар. Алматы, 1956.

рода в том, что жырау были авторами эпических произведений, причем именно произведений, а не их вариантов и версий. Не будет преувеличением сказать, что нет ни одного признанного современного казахского акына, который не создал хотя бы одного собственного эпического произведения. Каждый год рукописный фонд Института литературы и искусства Академии наук Казахской ССР пополняется десятками текстов эпических произведений, авторами которых являются акыны прошлого столетия и наших дней. Функции жырау ныне почти полностью перешли к акынам.

Таким образом, казахские акыны выступают одновременно и как авторы, и как интерпретаторы эпических текстов: они создают собственные эпические произведения и исполняют свои варианты и версии перенятых эпических сказаний. И как автор, и как исполнитель эпического сказания акын использует веками сложившиеся средства и приемы, оперируя ими как при создании новых произведений, так и при исполнении традиционных.

Этот арсенал художественных средств передается от одного поколения сказителей к другому и включает не только реестр средств и приемов художественной выразительности, эпическую поэтику в целом, но и сочетание использования традиционных клише с поэтической импровизацией, музыкальным сопровождением, актерской игрой, так что выступление сказителя-акына оказывается одновременно творческим актом и своеобразным театральным зрелищем. Такую же картину представляют выступления калмыцких джангарчи. В. Пюрвеев, например, отмечает синкретичность творческого акта калмыцких сказителей, сочетающих поэтическую импровизацию с музыкальным аккомпанементом и актерскими приемами, вследствие чего исполнитель и слушатели оказываются как бы «соавторами»: джангарчи эмоционально увлекает слушателей, а слушатели, в свою очередь, выражением интереса к повествованию стимулируют творческое вдохновение сказителя⁷.

Сказанное типично для сказителей всех тюрко-монгольских народов. В один ряд с казахскими акынами можно поставить тувинских туульчи, бурятских улигершинов прошлого столетия, киргизских акынов, каракалпакских жырау.

Таким образом, казахские акыны, как и эпические певцы ряда других тюрко-монгольских народов, выступают в русле эпической традиции в трех качествах: автора, интерпретатора и исполнителя текстов, перенятых от других сказителей. Как авторы они создают новые эпические тексты, как интерпретаторы — новые варианты и версии, различающиеся между собой в сюжетном отношении, как исполнители традиционных сюжетов — тексты вариантов, отличающихся от заученных в художественно-поэтическом плане.

Порой авторская и интерпретаторская функции оказываются очень близкими. Это случается тогда, когда акын создает эпическое произведение, героем которого является персонаж уже известного сказания. Так, например, среди джетысуйских казахов бытовали эпические сказания о батырах Отегене, Суранши и Саурыке. Джамбул создал свои эпические сказания об этих богатырях — «Отеген-батыр», «Суранши-батыр» и «Саурык», совпадающие с традиционными сказаниями лишь по

⁷ В. Пюрвеев. «Джангар» как источник драматического искусства. — В кн.: «Проблемы алтаистики и монголоведения». Элиста, 1974.

составу персонажей, но отличающиеся от них по содержанию. Если, например, в эпосе Отеген выступал как защитник родного племени, то у Джамбула сюжет строится иначе: герой ищет обетованную землю для всего казахского народа и находит счастье в краю, обновленном революцией.

Такое эпическое произведение можно признать версией, если исходить из факта переосмысления сказителем-импровизатором образа традиционного эпического батыра. Но в то же время это и новое, самостоятельное произведение, ибо сюжет его полностью отличается от традиционного; общим здесь является лишь арсенал образно-выразительных средств, почерпнутый из одного источника — казахской эпической традиции.

Таким образом, общность средств и приемов эпической традиции является стимулятором, способствующим извечному переходу авторского начала в коллективно-творческое и обратно.

Убедительно подтверждают сказанное факты казахской эпической традиции, продолжающей и в наши дни вполне успешно конкурировать с традициями современной литературы и искусства. В Казахстане регулярно проводятся межрайонные, межобластные и республиканские слеты и айтысы акынов, вызывающие огромный интерес народа. В 70-е годы дважды проводились республиканские слеты-айтысы акынов: в связи с юбилеями Джамбула и К. Азербайева. Ныне идет подготовка к очередному слету, посвященному 60-летию Казахской ССР, проводятся межрайонные айтысы акынов. Впереди — межобластные отборочные состязания. Авторское, интерпретаторское и исполнительское мастерство продолжает активно развиваться.

Проблемы сказительского мастерства, роль традиции и степень импровизации сказителей представляют большой интерес для исследователей фольклора. Изучение искусства и живой практики современных казахских акынов-сказителей — их насчитывается сейчас около пяти-сот — может пролить свет на многие стороны этих проблем.

Изучение творческой биографии отдельных выдающихся исполнителей позволяет глубже раскрыть особенности традиций и новаторства в эпической поэзии. Опыт изучения репертуара крупных исполнителей алтайскими, узбекскими, каракалпакскими и калмыцкими фольклористами показывает важность подобного рода исследований.

Необходимым условием историко-типологического исследования эпического творчества тюрко-монгольских народов является изучение того или иного эпоса на языке оригинала.

Интересные результаты могло бы дать и исследование музыкально-исполнительской стороны эпоса. Ведь известно, что многие эпические произведения исполнялись на определенные мелодии или речитативы. Анализ этих мелодий поможет раскрыть генезис, эволюцию и географию распространения эпического сказания. К сожалению, этот фактор зачастую не учитывается.

Заслуживают внимания также этнографические «свидетельства» эпических произведений.

Все приведенное выше говорит о том, что изучение искусства сказителей относится к важным аспектам фольклористической науки.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Р. ФЕДОТОВ

ОТНОШЕНИЕ ЧУВАШСКОГО И ОБЩЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКОВ К ЯЗЫКАМ ХАЗАР, ДУНАЙСКИХ И ВОЛЖСКИХ БУЛГАР, А ТАКЖЕ ФИННО-УГРОВ

По вынесенному в заголовок вопросу за последние полтора столетия написано и опубликовано много исследований. Однако интерес к нему, судя по вышедшим в свет и готовящимся к изданию работам, несколько не ослабел. Скорее наоборот. Об этом говорит и последняя книга М. З. Закиева «Образование языка татарского народа»¹. Автор этой работы пришел в ней к следующим основным выводам:

а) источником языка татарского народа является язык волжских булгар. Источником языка волжских булгар является язык протобулгар общетюркского типа;

б) в формировании татарского народа главную роль сыграли волжские булгары, хотя в этом процессе участвовали тюркоязычные печенеги, кыпчаки, мишари, сравнительно небольшое число тюрков, пришедших вместе с татаро-монголами, чуваша, говорящие на своеобразном тюркском языке, угро-финны и даже славяне;

в) булгаро-чувашская теория не подтверждается не только материалами этнографии, археологии, антропологии и другими историко-этнографическими данными, но и лингвистическими фактами;

г) хотя чувашский язык в основе своей и является тюркским, он значительно отличается от других тюркских языков. Чувашский язык, по мнению некоторых ученых, образовался на основе финно-угорского языка, однако при этом остается неясным, в какую эпоху и какие тюрки мигрировали и смешались с финно-уграми. Но одно очевидно: к приходу булгар здесь уже существовал язык чувашского типа;

д) в эпоху формирования протобулгар входившие в их состав гунны, авары, акациры, суары (сувары), тюрки, кыуары (кавары), хазары говорили на общетюркском языке. Сохранившиеся от этих языков слова и этнонимы относятся к общетюркскому (огузо-кыпчакскому), а не к чувашскому типу (стр. 187—189);

е) тюркские заимствования в финно-угорских (венгерском, марийском, мордовском, удмуртском) и русском языках не восходят к бывшему территориально близкому им старочувашскому языку, а свидетельствуют о существовавших контактах с племенами и народностями, говорившими на языке общетюркского типа.

Проанализируем фактический языковой материал книги М. З. Закиева и рассмотрим, какими путями пришел автор к указанным выводам.

¹ М. З. Закиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977.

1. Хазары и хазарский язык.

М. З. Закиев, не соглашаясь с включением хазарского языка в болгарскую группу, мотивирует это нижеследующими доводами.

Немногочисленные остатки хазарского языка, дошедшие до нас в виде редких топонимов и антропонимов, в вопросе прочтения и толкования которых к тому же нет единого мнения, не дают достаточно отчетливого представления о хазарском языке. Однако даже эти реликтовые данные позволяют многим советским и зарубежным ученым сближать хазарский язык с языком древних тюркоязычных болгар². Вопрос о том, на каком языке говорили хазары — общетюркском или близком к чувашскому, остается, как пишет М. З. Закиев (стр. 69), спорным. Говоря об утверждении М. И. Артамонова и В. В. Бартольда о том, что хазары говорили на языке, близком к чувашскому, автор пишет, что с этим мнением можно было бы согласиться, если бы имелись веские аргументы (стр. 69).

Вот некоторые этимологические разыскания М. З. Закиева, призванные опровергнуть какую бы то ни было мысль о близости чувашского языка к хазарскому.

1.1. САРКЭЛ, как пишет М. З. Закиев, — название города или крепости, которое можно возвести к двум этимологиям: а) *сары келә*: *сары* 'желтый', 'белый' + *кел* 'крепость', по-арабски *кала*. В современном татарском языке это слово сохранилось в словах *келә* 'замок' и *келәт* 'место, где что-то хранится под замком', б) *сарыг ил*, где *сарыг* — древнетюркская форма современного *сары* и общетюркское *ил* (стр. 71).

О времени и обстоятельствах возникновения этого города В. В. Бартольд писал: «Опасность, которая возникла для хазар из-за переселения народов в IX в., вызвала посольство к императору Феофилу (829—842) и постройку на Дону хазарской крепости Саркел греком Петронасом»³. Греческое название *Σαρκελ*, как видим, состоит из шести букв, и в таком виде оно попало в другие европейские, в том числе русские, источники.

В Хазарии применялось еврейское письмо. Название упомянутого города в еврейском написании состояло из следующих пяти букв, которые называются: *шин*(ш), *реш*(р), *каф*(к), *йод*(и), *ламед*(л). В целом оно произносилось *ш-р-кел* или *ш-р-кил*, что вполне согласуется с чувашскими *шорă*/*шурă* 'белый' и *кил* (< *кел*) 'дом'⁴.

В греческом нет звука ш, соответственно нет и буквы, обозначающей его. Поэтому семитская начальная буква *шин* в греческом написании заменена буквой *сигма*. Относительно спорного названия города (крепости) *Σαρκел* на Дону (*ασπρον οβλιτιον* у Константина Багрянородного и «Белая вежа» в русских летописях) З. Гомбоц писал, что это название отражает как древнечувашскую форму *šarukäl* (= чув. *šură-Gil*), так и общетюркскую *sar-käl*, так как в греческой транскрипции Константина (Багрянородного) как иноязычное *s-*, так и *š-* переданы буквой σ. То, что слово *kil* (< *käl*) 'дом' представлено лишь в чувашском языке, еще не является доказательством того, что чувашский язык хазарского происхождения⁵.

² Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебрянников. Ареальная лингвистика и проблема восстановления некоторых черт исчезнувших языков. — «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 3—12.

³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 599 (далее: Бартольд, Сочинения).

⁴ П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 102; Martti Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen, Helsinki, 1969, стр. 270.

⁵ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Helsinki, 1912, стр. 200 (далее: Gombocz, BTL).

3. Гомбоц всегда считал, что чувашский язык не хазарского, а болгарского происхождения: «Современный чувашский язык, — писал он, — можно считать прямым продолжением волго-болгарского языка, или по меньшей мере его диалектом» (Gombocz, BTL, 201).

Приведенный выше пример не единственный случай передачи греческой «сигмы» буквой *š-* (=ш-). На месте начального *š-* в слове *šübiyi* протоболгарских памятников (обычно встречается в выражении *khan šübigi Omurtag*) в греческом стоит «сигма»: *συβιγι* (№ 56, строка 1; № 60, строка 1; № 64, строка 1); *συβιγη* (№ 55, строка 1f, 30); *συβηγη* (№ 57, строка 1; № 58, строка 1; № 59, строка 1); *συβυγη* (№ 67, строка 1f) и другие⁶. Сюда же относится неславянское слово «шегоре», которое в греческом написании также содержит «сигму»: *σιγορ*⁷. В монографии В. Бешевлиева также *σιγορ* (Beševliev, PBI, 314).

В создании лингвистического термина «сигматизм» сыграло свою роль то же самое обстоятельство: др.-тюрк. *taš* 'камень' (сигматизм, а не *шигматизм!) ~ чув. *t'ol/t'ul id.* (ламбдаизм).

Теперь о слове *келә*, которое, как считает М. З. Закиев, сохранилось в живом языке татар в виде *келә* и *келәт*. Надо думать, что первое слово со вторым этимологической связи не имеет, поскольку тат., башк. *келәт* (*кәләт*), чув. *кәлет*, бараб., кюэрик. *килет* — это новые заимствования, восходящие к русскому «клеть»⁸ со значением «кладовая при избе или отдельной постройке», «амбар», имеющему родственные формы во всех славянских, а также латышском и литовском языках⁹.

Что касается тат. *келә*, то оно представлено не только в татарском, но и в ряде других тюркских языков, в том числе в чувашском: чув. *кәле* 'запор, задвижка', башк. *келә id.* (апокопа -т), кирг., крым. *кәлит* = *килит*, осм. *килид* 'замок' (Радлов, Словарь 11, 1118, 1370), узб. *калит*, карач.-балк. *кирит* 'вход' (народная этимология) и другие < перс. *kilid*, греч. *κλέτς*, *κλειδιον*¹⁰.

Относительно замечания М. З. Закиева о том, что есть основание полагать, что слово *Саркэл* образовалось из *сарыг-ил*, то здесь мы сталкиваемся с фонетической трудностью, ибо *эл* образовалось не из *ил*, а наоборот: *эл* > тат. *ил*, потому что др.-тюрк. *э* > тат. *и*: др.-тюрк. *бәш* > тат. *биш* 'пять', др.-тюрк. *йәт* > тат. *йит* 'доходить, достигать', др.-тюрк. *йәти* > тат. *йиде* 'семь' и т. д.

1.2. АТТИЛА. Предполагая влияние гуннов и наличие их языкового наследия в современных тюркских языках, М. З. Закиев этимологизирует имя вождя гуннов, стремясь убедить читателя в том, что *Аттила* восходит к словосочетаниям *ат-ты*, *ил-ле*, что, по его мнению, обозначает *атлы* и *илле*, а все стяжение соответствует татарскому *аты бар* 'есть конь', то есть 'конный' + *иле бар* 'есть государство', иначе — 'государственный' (стр. 51). Прямо скажем: этимология не кажется нам убедительной.

1.3. КЕРКЭ. Объясняя этимологию данного слова, М. З. Закиев ставит в упрек Н. И. Ашмарину, что он, идентифицируя имя любимой жены вождя гуннов *Керкэ* с чувашским женским языческим именем

⁶ Veselin Beševliev. Die protobulgarischen Inschriften, Berlin, 1963 (далее: Beševliev, PBI).

⁷ Omeljan Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, Wiesbaden, 1955 (далее: Pritsak, Fürstenliste).

⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, 1—4. СПб., 1893—1911 (далее: Радлов, Словарь).

⁹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967, стр. 249 (далее: Фасмер, ЭСл).

¹⁰ Martti Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969 (далее: Räsänen, EW_B).

Хёркке, тем самым якобы стремится доказать сходство гуннского и чувашского языков. М. З. Закиев противопоставляет этому свое мнение: антропоним *Керке* как в общетюркском, так и в татарском языке связан с названием рыбы *керка* 'пескарь', поскольку ловкую и красивую девочку обычно ласково называли именем этой рыбки (стр. 51). В связи с этим следует, во-первых, заметить, что тат. *керка* имеет этимологическую связь с чувашским названием *кёрче* или *кёрше* 'пескарь'; во-вторых, чтобы выяснить этимологию *керка*, вовсе нет нужды обращаться к названиям рыб: в татарском языке есть другое слово — *ирка* 'любимая, неженка', родственное алт., тел., леб., тар., чаг. *арка* 'излишне ласковое, нежное обращение, баловство', 'изнеженный'; 'любимец', 'кокетство'; каз., к. кирг., саг. *ерка* 'любимец', 'прекрасный' (Радлов, Словарь 1, 776—777), а также с чув. *хёркке* 'ласкательное обращение, выражающее восхищение'.

М. Рясänen данное слово связывает с гуннским *Hä:g-kä*, *Hä:ra-kä* 'жена Аттилы' < *(h)ä:g(ä)-kä — деминутивный аффикс (*Räsänen*, EW, 48). Тот же пример приводит и Э. В. Севортян¹¹. Как видим, слово первоначально в анлауте имело фрикативное *h*, которое в тюркских языках закономерно было заменено смычным *k*, но в чувашском фрикатив сохранился, что видно и по языческому женскому имени *Хёркке*, восходящем к апеллативу *хёркке* с приведенным выше общетюркским значением¹². Фрикативный анлаут в чувашском языке имеет древнее происхождение.

2. Протобулгарский язык. «Именник» булгарских князей.

«Именнику» дунайских князей посвящена обширная научная литература. М. З. Закиев останавливается лишь на двух работах последних лет, авторами которых являются А. Карасик¹³ и О. Прицак¹⁴. Первый, вслед за Гильфердингом, неславянские выражения «Именника», объяснял с помощью венгерского языка, однако его положения не имеют веского лингвистического обоснования. М. З. Закиев выражает свое несогласие с мнением О. Прицака о том, что протобулгарский язык относится не к общетюркскому типу, а близок к чувашскому (стр. 136).

Несколько слов о структуре «Именника», в котором приведены 13 княжеских имен. Каждое имя сопровождается датами правления соответствующего князя. Дается и название рода, к которому принадлежал князь. А затем следует традиционное славянское выражение «а лет ему» с последующими двумя неславянскими словами, обозначающими дату по 12-циклическому протобулгарскому календарю: первое слово обозначает год по названию какого-либо животного (мышь — 1, корова — 2, тигр — 3, заяц — 4, дракон — 5, змея — 6, лошадь — 7, овца — 8, обезьяна — 9, курица — 10, собака — 11, свинья — 12), а второе — порядковый номер месяца. Схема построения «Именника» видна из первой фразы об Авитохоле: «Авитохоль жыть летъ 300, род емоу Доуло, а летъ ем(у) диломъ твиремъ». По такому же принципу читаются и другие фразы текста «Именника»¹⁵.

¹¹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков, М., 1974 (далее: Севортян, ЭСл).

¹² Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. XVII. Чебоксары, 1950, стр. 47 (далее: Ашмарин, Словарь).

¹³ А. Карасик. Древнейшая болгарская летопись. — «Вопросы истории», 1950, № 5, стр. 114—118.

¹⁴ После исследования О. Прицака вышла в свет еще монография болгарского ученого-византиста В. Бешевлиева (*Beševliev*, РВИ), в которой страницы 306—323 посвящены этому памятнику (№ 79).

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Именник болгарских князей. — «Вестник древней истории». М.—Л., 1946, № 3, стр. 87 (далее: Тихомиров, ИБК).

Особый интерес для нас представляет именно это последнее неславянское выражение, состоящее из двух частей.

2.1. Считая, что О. Прицак односторонне использовал материалы тюркских языков, недооценил значения общетюркского и особенности старославянского языков, М. З. Закиев слово *дохсъ* (*дохсътвиремъ*) читает как сокращенное написание выражения «до Христа»: *до* и *хсъ* (стр. 136). Чтобы убедиться в правильности такого прочтения, следует прежде всего ответить на вопрос, когда создан «Именник» болгарских князей. О. Прицак считает, что памятник охватывает исторические события между II и VIII веками нашей эры, то есть эпоху христианского летосчисления (Pritsak, Fürstenliste, 76—77). В. Бешевлиев выражает твердую уверенность, что «Именник» написан после принятия болгарами христианства, а именно во время княжения (с 893 года) и царствования (925—927) Симеона, но никак не позже, ибо составителю «Именника» знакомо болгарское летосчисление. В период правления царя Симеона оно было не только известно, но и частично применялось, как, например, хронологическое выражение *еть бехти* '5-й месяц года собаки' (Beševliev, PBI, 311).

Выражение *дохсътвиремъ* (запись о князе Гостоне), как и остальные неславянские, состоит из двух слов: первое — *дохсъ* 'свинья' (Pritsak, Fürstenliste, 16, 44—45) (следует читать *дохос*) и второе — *твиремъ* 'девятый'; в целом *дохсътвиремъ* означает «девятый месяц года свиньи». Если же считать, что *дохсъ* представляет собой сокращенную форму выражения «до Христа», то это сочетание не должно выпадать из цельной системы летосчисления, то есть упомянутое «сокращение» должно фигурировать во всех случаях, хотя бы в двух записях, предшествующих записи о князе Гостоне. Но этого в «Именнике» нет. Кроме того, известно, что тюрко-монгольский 12-цикличный «звериный» календарь использовался не в дохристианскую эпоху, а позднее ее. Об этом убедительно свидетельствуют орхонские надписи, содержащие указание на 12-цикличный календарь и датированные VII—VIII веками. Летосчисление, принятое у дунайских болгар в IX—X веках, возникло под влиянием культуры Древнего Востока. По замечанию В. Бешевлиева, «самый ранний протоболгарский памятник (№ 1) примерно на 15 лет старше Орхонской надписи» (Beševliev, PBI, 87). Следовательно, 12-цикличное летосчисление, нашедшее отражение в «Именнике» дунайских протоболгар, относится к христианской эре, ко времени правления царя Симеона.

2.2. В выражении *имашегоралемъ* М. З. Закиев выделяет *имаше*, считая его имперфектом 3-го лица глагола *имати* 'иметь'. Однако в таком случае оставшаяся часть *горалемъ* теряет всякий смысл. Нельзя искусственно отделить слог *ше* от слова *шегоръ*, поскольку последнее в таком виде зафиксировано в трех других местах: *шегоръвечемъ*, *шегорътвиримъ* (записи о Курте, Безмере, Кормисоше).

Перевод выражения *има* или *имашегоръ* словом 'лошадь' не представляется бесспорным (см. подробнейшее доказательство гипотезы болгарского происхождения слова *imā 'лошадь' — Pritsak, Fürstenliste, стр. 67—68), но здесь перед порядковым числительным *алемъ* обязательно должно стоять название животного. Выражения *шегоръвечемъ*, *шегорътвиримъ* переведены О. Прицаком соответственно «третий месяц года коровы» и «девятый месяц года коровы» (стр. 76). Здесь протоболгарское *шегоръ* этимологически связано с древнетюркским *sīyīg* 'корова', что вполне закономерно. Кроме того, в Чаталарской надписи болгарского хана Омуртага (814—831) имеется упоминание об основании города

Преслав и встречается известное по «Именнику» неславянское выражение $\sigma\gamma\omicron\rho\ \epsilon\lambda\epsilon\mu$ (ZDMG, Bd. 190-Heft. Neue Folge, Bd. 34, Wiesbaden, 1959, стр. 92—93). «Сигму» в слове $\sigma\gamma\omicron\rho$ все исследователи транскрибируют буквой *ш*: у М. Н. Тихомирова — *шегоръ* (Тихомиров, ИБК, 87), у О. Прицака — *шегоръ* (Pritsak, Fürstenliste, 79), у В. Бешевлиева — *шегоръ* (Beševliev, PBI, Register). Все авторы придерживаются оригинала, где в анлауте стоит *ш*. О том, чем вызвана передача греческой «сигмы» старославянской «ша», мы уже говорили при анализе прочтения названия хазарской крепости на Дону.

2.3. При определении близкого или отдаленного родства языка протобулгарских памятников с языком общетюркского или чувашского типа важное значение имеют протобулгарские аффиксы порядковых числительных *-омъ*, *-емъ*//*-емь*, *-имь*, встречающиеся в следующих неславянских словах: *твиремъ*//*твирымь* (4 раза), *вечемъ*//*вечемь* (2 раза), *алемъ*//*алемь* (2 раза), *алтомъ*//*алтемь* (2 раза), *читемь*, *шехтемь*, *тутомъ* (в оригинале *тоутомъ*) (Тихомиров, ИБК, 37).

М. З. Закиев не стремится объяснять эти числительные с помощью тюркских форм, но тем не менее признает, что «аффикс порядковых числительных *-м* (если он таковым является) встречается в составе чувашского аффикса порядковых числительных *-мёш*» (стр. 137).

Упомянутый аффикс в современном чувашском языке сохранился не только в составе *-мёш* (< *м-ё+ш*), но и в самостоятельном виде, а именно в числительных *виç-ё-м* 'третий', *тăват-ă-м* 'четвертый' (*виçем кун* 'третьего дня', *тăватăм çул* 'четвертом году'). Кроме того, аффикс *-ăм* (*-ём*) встречается в наречиях, образованных прибавлением к указанной форме аффикса дательного-винительного падежа *-не*: *виçмине* 'послезавтра', *туатмине* 'на четвертый день', *пилĕкмине* 'за пять дней вперед', *олтмине* 'на шестой день после сегодняшнего', *çичмине* 'на седьмой день'. (Все примеры взяты из Словаря Н. И. Ашмарина).

Имеют ли эти примеры сходство с протобулгарскими формами? Ответ напрашивается сам собой, если мы сравним очень характерные, важные для выяснения данного вопроса имена числительные, встречающиеся в дунайско-булгарском, волго-булгарском и современном чувашском языках:

'третий': дун.-булг. *въчемъ*//*вечемь* = волго-булг. وچم **vācēm* = чув. *виçем* (Pritsak, Fürstenliste, стр. 45, 75, 78);

'четвертый': дун.-булг. *тоутомъ* = волго-булг. توازم **tāvātēm* = чув. *тăватăм* (Pritsak, Fürstenliste, стр. 70, 78); во всех трех языках звук *р* исчез, сравните др.-тюрк. *tört*;

'седьмой': дун.-булг. *читемь* (< **žitēm*') = волго-булг. چيازم **žiyātīm* = чув. *siD'Z'э* (Pritsak, Fürstenliste, стр. 55, 78), ср. *çичм-ине*.

Со времен протобулгарского до современного чувашского языка прошло более тысячи лет. За это время чувашский язык сильно изменился, особенно его лексика, но какие-то следы протобулгарского все же остались. Об этом говорят приведенные выше протобулгарские и чувашские формы порядковых числительных.

Что касается замечания И. Бенцинга о том, что булг.-чув. аффикс *-м* имеет иранское происхождение (ZDMG, Bd. 104:2, стр. 386—390), то и в этом случае суть дела не меняется, а лишь подчеркивается древность данного аффикса.

3. Язык булгарских эпиграфий XIII—XIV веков и критика его сближения с чувашским языком.

3.1. Прежде всего следует остановиться на прочтении арабской буквы «ра».

М. З. Закиев пишет, что тюркологи, согласные с булгаро-чувашской теорией, при чтении слов на болгарских эпитафиях используют рота-цизм. Дело в том, что выбитые на камне арабские буквы *з* (ز), *р* (ر), *д* (د) сходны между собой по очертанию. Поэтому слово *جور* (в книге М. З. Закиева дано так. — М. Ф.), по мнению автора, по-татарски мож-но прочесть *жөд*, а по-чувашски — *жөр* (*çër*). Но если предположить, что имевшаяся над буквой точка исчезла, то можно прочитать и *жөз* (стр. 131). Опираясь на такие допущения, автор предлагает свое про-чтение: *سكر* — *сәкер* (*siged*), *وطر* — *уытур* (*utyid*), *طاوحر* — *тухр* (*tuxd*), однако такой «метод» чтения он не распространяет на татарские слова арабского происхождения: *سفر* — *сафар*, *رجب* — *рәжәб*, *تاريخ* — *тарих* и другие (стр. 130).

Как же объяснить, что на одном и том же памятнике, сделанном, вероятно, одним и тем же резчиком по камню, в арабской части текста буква «ра» выбита четко и читается как русское *р*, а в тюркской части может быть прочитана как *р* или *д*.

Попытки доказать, что современному татарскому языку предше-ствовал язык болгарских памятников, предпринимал и Г. В. Юсупов. «Например, — писал он, — представив в *جور, وطر, طحر* корреспондирую-щий *ز*, получим *طحر* (*тохоз* // *токоз*), *وطر* (*отоз*), *جوز* (*жөз*)»¹⁶.

Следует, однако, всегда помнить, что каждый памятник написан на конкретном языке, и тот, кто создавал его, стремился писать ясно и по-нятно для своих современников. Еще Х. Фейзханов, имея в виду изобра-жение арабского *р* (ر) в слове *جور*, отмечал: «на камне вырезано весь-ма ясно: *جور* ...»; «в моих снимках эта фраза очень ясна, что даже при ней и знаки поставлены так: *جيات جور*»¹⁷. Таким образом, нет никакой необходимости исправлять «ра» на буквы «даль» или «заль».

3.2. Перейдем к более подробному анализу языка волго-булгарских эпитафий XIII—XIV веков, который М. З. Закиев относит к языкам общетюркского типа, считая его не имеющим никакого отношения к чу-вашскому языку.

3.2.1. В рассмотренном выше числительном «третий», представлен-ном в дунайско-булгарском, волго-булгарском и чувашском языках, на-личие протетического *в-*, на наш взгляд, не вызывает сомнения, но Г. В. Юсупов, М. З. Закиев, Р. Г. Ахметьянов эту протезу во внимание не принимают. Известно, что «вав» в арабском алфавите передает не только гласные *о*, *ö*, *у*, *ü*, но и согласный *в*. Могут возразить, что *в-* про-износится лишь в тюркских словах арабского происхождения типа *وفات* — *вафат*, но это не аргумент, потому что турки заимствовали арабский алфавит, а не наоборот. Из-за отсутствия протетического звука перед огубленными гласными в языках огузского и кыпчакского типов не было необходимости употреблять «вав» в значении русского *в*. Об этом же свидетельствует отсутствие рунического знака для звука *в* в древнетюркской орхон-енисейской письменности, в которой не было слов, начинающихся с согласного звука *в-*. Таким образом, отсутствие протетического *в-* в общетюркском языке было обусловлено самим язы-ком (его фонетикой).

Рассмотрим чтение слов с начальным «вав», предложенное Г. В. Юсуповым, М. З. Закиевым и Р. Г. Ахметьяновым: № 42 *وان* —

¹⁶ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпитафику. М.—Л., 1960, стр. 74—75. (далее: Юсупов, БТЭ).

¹⁷ Хусейн Фейзханов. Три надгробных булгарских надписи. — «Известия импера-торского Археологического общества», т. IV, СПб., 1863, стр. 404.

уын (у Г. В. Юсупова, БТЭ, 79 — *оон*, Р. Г. Ахметьянова — *ууан* 'десять'¹⁸), № 43 *ونم* — *уынм*, № 44 *وجم* — *үжэм* (у Р. Г. Ахметьянова — *уажим* 'третий' от *уач* 'три'¹⁹), № 45 *وطر* — *уытур* (*утыд*) (стр. 130).

Знакомое слово *вафат* (с начальным «вав»!) М. З. Закиев читает правильно, но в остальных, нетатарских, словах «вав» передает двумя гласными *у + ы-* или гласным *й-*, а у Р. Г. Ахметьянова этот же «вав» передан долгим гласным *уу-* или двумя гласными *у + а*. Наличие долгого гласного в начале тюркского слова представляется закономерным явлением, но никогда еще тюркское слово не начиналось подряд двумя монофтонгическими гласными, то есть *Г + Г*. Структура тюркского слова такова: *Г, ГС, СГ, ГСГ, СГС*. Этот фактор доказывает, что в анлауте приведенных слов должен быть *С*, но не *Г*.

Чувакская протеза *в-* возникла в результате делабиализации долгих губных гласных. Этот процесс совершился, видимо, через восходящий дифтонг якутского типа, например: др.-тюрк. *оп* 'десять' > як. *уон id.*, др.-тюрк. *ол* 'сын' > як. *уол id.*, др.-тюрк. *tört* 'четыре' > як. *түөрт id.* Но перенесение этого явления на болгарские памятники XIII—XIV веков и чтение, скажем, *وان*, как *ууан* (Р. Г. Ахметьянов) или *уын* (М. З. Закиев) непоследовательно. Якутская делабиализация свидетельствует о древнем характере этого процесса, быть может, совпадающего по времени с написанием дунайских протоболгарских памятников или даже протекавшего раньше их появления.

3.2.2. О чувашской протезе *в-* писали многие исследователи, однако нам хотелось бы обратить внимание на высказывание Маргит К. Палло: «Употребление протетического согласного *в-* перед древнетюркским лабиальным гласным в „Именнике“ имеет большое значение: *v'äcät'* < др.-тюрк. **ücät* ~ волго-булг. *väcät* ~ чув. *vizem*. Следует особо отметить и подчеркнуть, что эта *в-*протеза, возникшая вследствие делабиализации, встречается также намного позже, в XIII—XIV вв., на эпитафиях волжских болгар: *van* '10' < *оп*. Исходя из факта, что такое же звуковое явление наблюдается в дунайско-болгарском языке IX века и современном чувашском, можно допустить, что пример *в-*протезы позволяет говорить о тенденциях к звуковому изменению в древнечувашском языке, начавшемся не позже V века»²⁰. Учитывая приведенные соображения и доводы, мы предлагаем следующее чтение волго-болгарских слов с начальным «вав»: № 42 *وان* — *vän* > чув. *von*//*vun* 'десять', № 43 *وانم* — *vänm* > чув. *vonäm*//*vunäm* + *ëш* 'десятый', № 44 *وجم* — *vжм* > чув. *viçëm* (-з'-) 'третий', № 45 *وطر* *втр* > чув. *vätär* 'тридцать'.

3.3. Исследователи болгарских надгробных памятников давно отмечали, что как по исполнению (почерку), так и по языку они неодинаковы. Г. В. Юсупов прав, когда пишет, что «из языковых особенностей памятников I стиля мы здесь должны отметить хорошо выраженное „йоканье“, например: *يكتلار، يتي، بوز، يكرمي*. Кроме некоторых архаизмов ... язык этот обнаруживает большое сходство с современным казан-

¹⁸ Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978, стр. 43, 85 (далее: Ахметьянов, СИТЧЯ).

¹⁹ Там же.

²⁰ Margit K. Palló. Hungaro-Tschuwaschica. — UAJb., Bd. XXXI, Wiesbaden, 1951, стр. 240—241.

ско-татарским». В этих надписях «нет и сегодня ничего непонятного для татарина»²¹.

Иначе обстоит дело с памятниками II стиля. Они, во-первых, многочисленны. Согласно подсчету Г. В. Юсупова, «их известно более 200, в процентном соотношении они составляют 90%» (Юсупов, БТЭ, 19); во-вторых, сплошь насыщены чувашизмами, что составляет их характерную черту, отличающую от огузско-кыпчакских форм.

Следует подчеркнуть, что при оценке эпитафий XIII—XIV веков Г. В. Юсупов, М. З. Закиев и Р. Г. Ахметьянов резко расходятся во мнениях. М. З. Закиев, например, болгарским языком считает язык общетюркского типа без каких-либо чувашизмов. Г. В. Юсупов, наоборот, пишет, что «существование двух стилей эпиграфических памятников, исполненных на двух языках (курсив наш. — М. Ф.), говорит о таком языковом явлении, как смена древнеболгарского языка новоболгарским», усматривая в этом «преемственную связь ., прослеживаемую как в типологическом и языковом отношениях, так и в их географическом распространении и топографии». Г. В. Юсупов не сомневается, что «сохранившиеся в крае древнейшие надгробия XIII—XIV вв. принадлежали только народу, называвшемуся волжскими булгарами, что видно из неоднократного повторения данного этнонима в надписях этих надгробий» (Юсупов, БТЭ, 164—165). Между тем Р. Г. Ахметьянов в результате сравнительного исследования татарского и чувашского языков пришел к совершенно другому выводу: «Чувашский язык в области фонетики все же имеет больше древнетюркских черт, чем татарский» (Ахметьянов, СИТЧЯ, 90).

В книге М. З. Закиева красной нитью проходит мысль, что язык волжских булгар представляет собой общетюркский тип, без какого бы то ни было ротацизма, ламбдаизма и других чувашских признаков, свойственных памятникам II стиля.

«Наличие в эпитафиях двух стилей, — пишет М. З. Закиев, — следует объяснить следующим образом. Представители общетюркского (*гадәти төрки*) диалекта были булгарами, пришедшими с Северокавказских степей, а тех, кто говорил на диалекте, близком к чувашскому, следует рассматривать предками чувашей. Можно думать, что они жили там еще в гуннскую эпоху или даже раньше гуннов. Использование с середины XIV века лишь I стиля говорит, пожалуй, об ассимиляции носителей II стиля в составе Булгарского государства носителями языка I стиля. Надо полагать, — заключает автор, — чувашский язык в основном сохранился в тех местах, которые не были подвластны Булгарскому государству» (стр. 132).

Итак, если болгарский язык — это тюркский язык общего типа и представлен только на камнях I стиля, то как же быть тогда с надгробиями II стиля, составляющими 90% от их общего числа и резко отличающимися от надгробий I стиля? Ведь памятники с чувашизмами обнаружены как в центре, так и на периферии Булгарского царства. Чьи же они, если не болгарские? На эти вопросы ответ дан еще С. Е. Маловым: «Всего вероятнее подверглась татарскому влиянию и ассимилировалась с монголо-татарами та часть болгарских чуваш, которая жила в городах и издавна исповедовала ислам; поэтому памятников XV века с чувашскими элементами не встречается, памятники с того времени составляют уже только на татарском (и арабском) языке. Часть же чуваш,

²¹ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпитафику. М.—Л., 1960, стр. 57—58 (далее: Юсупов, БТЭ).

жившая вдали от центров, в лесах, осталась вдали от татаризации и ислама, т. е. осталась язычниками, принявшими, затем, частью, христианство»²².

3.4. М. З. Закиев как бы не замечает чувашско-булгарские соответствия на памятниках XIII—XIV веков. Более того, он, возражая Н. А. Баскакову, считает невозможным причислить чувашский язык к болгарской группе и отмечает по этому поводу: «Выделение болгарского, хазарского, чувашского языков в так называемую „болгарскую группу” не соответствует действительности и не подтверждается фактами языка» (стр. 150).

Неправомерность такого утверждения можно опровергнуть именно фактами языка, взяв их в таком виде, в каком они были зафиксированы в языке болгарских надписей и продолжают существовать в современном чувашском языке.

4. О болгаро-тюркских заимствованиях в венгерском языке.

4.1. Говоря «о лингвистических противоречиях болгаро-чувашской теории», М. З. Закиев в принципе верно отмечает, что у сторонников этой теории самым главным аргументом являются тюркские заимствования в венгерском языке и среди них особенно те слова, которые обладают свойственными чувашскому языку ротацизмом и ламбдаизмом (стр. 137—138). Все дальнейшие рассуждения автора сводятся, однако, к отрицанию этого тезиса. Он пишет, что «венгры с чувашами никогда не вступали в прямые контакты». Возникает вопрос: если это так, то как могли тюркские слова с чувашскими признаками попасть в венгерский язык? На это М. З. Закиев отвечает следующим образом. Венгры с VII до второй половины IX века (до 830 г.) жили в зависимости от хазар. В состав хазарского царства входили и болгары. Значит, венгры усвоили слова с чувашскими приметами от болгар (или, возможно, от хазар, ибо их языки в основном совпадали). На основании этого делают вывод, пишет М. З. Закиев, что болгарский и чувашский языки были одинаковыми, а чуваша произошли от болгар. «На первый взгляд, — продолжает он, — этот вывод логически обоснован и ему верят многие ученые, но он верен только на первый взгляд. Если подойти объективно, то открывается другая картина» (стр. 138).

Главное возражение М. З. Закиева сформулировано так: метод анализа фактов З. Гомбоца весьма далек от материалистической диалектики. Стремление абсолютизировать идею болгаро-чувашской общности носит метафизический характер. З. Гомбоц «выдумывает» так называемый старочувашский язык. Он существовал давным-давно, но проблема не в этом. Старочувашский язык не оставил письменных следов, и о нем мы ничего не знаем, но З. Гомбоц «знает» (кавычки М. З. Закиева. — М. Ф.). «Вот как он работает, — продолжает М. З. Закиев. — Начинает исследовать тюркские заимствования в венгерском языке (а их непременно надо найти в чувашском!). В реальном чувашском языке он их не находит. Что же делать? Гомбоц не теряет. Совершив несколько превращений с ротацизмом и ламбдаизмом заимствованных слов (автор здесь имеет в виду некоторые реконструкции З. Гомбоца. — М. Ф.), он выдумывает мифическое чувашское слово, сопоставляет его с тюркским заимствованием в венгерском, и глядь: они совпадают. (Как же не будут совпадать, если З. Гомбоц сам подстроил это совпадение!). Словом, — заключает М. З. Закиев, — З. Гомбоц приходит к выводу, что тюркское

²² «Известия Северо-восточного археологического и этнографического института в г. Казани», т. II. Казань, 1921, стр. 130.

слово в венгерском заимствовано из болгарского языка, сходного с чувашским» (стр. 138—139).

4.2. Что касается конкретного языкового материала, способного опровергнуть «булгаро-чувашскую теорию», то здесь внимание автора сосредоточивается на одной реконструкции З. Гомбоца. «В венгерском языке, — пишет он, — есть так называемое тюркское заимствование *кагó*, оно соответствует тат. *казык* (*кадык*), чув. *шалса*. Почему *кагó* принимают за тюркское заимствование? Правильно ли это? Правильно, — подтверждает М. З. Закиев, — и это легко объяснить. *Казык* (*кадык*) благодаря финно-угорской артикуляции в венгерском потеряло конечное *-к*, а *з* (или *д*) перешло в *р*, и таким образом получилось венгерское *кагó*. В чувашском языке в этом значении существует слово *шалса*. Чтобы доказать, что венгерское *кагó* чувашского происхождения, З. Гомбоц выдумывает совершенно мифическое слово *кагуу*» (стр. 139).

Рассмотрим, насколько справедливы эти утверждения М. З. Закиева. Чувашское слово *шалса*, к которому он апеллирует, появилось в тексте в результате сделанного автором перевода русского «кол» на чувашский язык, и к древнетюркскому *qazyuq*, *qazyñuq*, *qazyq* 'кол', башк. *казык*, азерб., туркм., тур. *газык* id. оно никакого отношения не имеет и не должно иметь, поскольку *шалса* финно-угорского происхождения (*Rä-sänen*, *SLC*, стр. 263). В чувашском языке есть слово *хосăк*/*хусёк* (-з-) 'заступ', родственное приведенным тюркским формам и образованное от *хус*- 'копать лопатой' (Ашмарин, Словарь XVI, 237) ~ др.-тюрк. *qaz*- 'рыть, копать, выкапывать'.

Что касается «мифического *кагуу*» З. Гомбоца, по поводу которого иронизирует М. З. Закиев, то оно вполне реально. И вот почему. Существует фонетическое явление, связанное с апокопой, то есть с выпадением древнетюркского ауслаутного (конечного) *-к* в чувашском языке: др.-тюрк. *qopuq* 'гость' ~ чув. *хăна*, др.-тюрк. *sinäk* 'муха' ~ чув. *шăна*, др.-тюрк. *tapuq* 'свидетель' ~ чув. *тын(ă)* и многие другие. Языковед, учитывая определенные фонетические закономерности, воссоздает (реконструирует) предполагаемую форму, которая должна была когда-то существовать. Таким словом является **кагуу*, и оно в венгерский язык попало в апокопированном виде. Г. И. Рамстедт реконструировал точно таким же образом, однако *г* считал палатализованным: *karó* < **kaŕ'uy*, тюрк. *qazyu* 'кол' (G. J. Ramstedt. *Zur Frage nach der Stellung des Tschuwaschischen*, Helsinki, 1922, стр. 19).

В современном чувашском языке есть слово *кара* 'большое долото', 'полукруглая стамеска', 'пазник' (Ашмарин, Словарь VI, 93), которое, как нам кажется, близко к венгерскому *кагó*.

В подтверждении вполне реальных реконструкций З. Гомбоца можно сослаться на такой пример: др.-тюрк. *inäk* 'корова', представленное во многих тюркских языках с конечным *-к*, в чувашском и венгерском языках существует в апокопированной форме: чув. *ёне*, венг. *inő*. Языковед, учитывая законы фонетики, для старочувашского языка обязан дать предполагаемую, но не мифическую, форму, и ею будет **inău*, что и делает З. Гомбоц (Gombocz, BTL, 136, 150, 171).

Предположение о том, что чув. *ёне* восходит к венгерской форме *inő*, не имеет материальной основы, поскольку в остальных финно-угорских языках нет формы, даже отдаленно напоминающей ее. Что же касается «венгерской ротации тюркских *з* или *д*», как об этом пишет М. З. Закиев, то это не убеждает по той причине, что во всех финно-угорских языках народов Поволжья, Перми, а также обских угров (ханты

и манси) ротация, как и в венгерском, прослеживается лишь в тюркских заимствованиях, которым выдающиеся исследователи этой проблемы, такие, как Вихманн²³, Паасонен²⁴, Рясänen²⁵ и другие, приписывают болгарское происхождение. Оценивая в целом упомянутый труд З. Гомбоца, М. З. Закиев приходит к заключению, что З. Гомбоц, предвзято считавший, что тюркизмы в венгерском заимствованы из языка, близкого к чувашскому, «выдумывает никому неизвестные мифические старочувашские слова» (стр. 139). После ряда статистических подсчетов М. З. Закиев все же признает за пятнадцатью заимствованиями в венгерском языке чувашские черты, что составляет, оказывается, 6,5% всех заимствованных тюркских слов (стр. 142). Однако автор пишет, что эти «несколько слов вошли в венгерский язык не из сходного с чувашским болгарского языка» (стр. 143).

Финский лингвист, профессор Хельсинкского университета Э. Н. Сетяля в рецензии на книгу И. Н. Смирнова²⁶ еще в 1896 году (задолго до З. Гомбоца!) писал, что чувашское влияние на восточнофинские языки в историческом плане представляет гораздо больший интерес, нежели татарское, что влияние чувашского достигло зырянского (коми. — М. Ф.) языка и ведет нас, несомненно, к тому времени, когда пермские племена жили гораздо ближе друг к другу, и связь между ними еще не была прервана. Э. Н. Сетяля еще тогда высказал надежду, что обстоятельное исследование этого факта прольет свет как на историю пермских племен, так и на болгарский вопрос²⁷.

Нельзя пройти мимо высказывания такого выдающегося лингвиста, как Г. Рамстедт. Он был убежден в том, что «современные чуваша как в этническом, так и языковом отношении восходят к жителям Великой Булгарии между Камой и Янком (р. Урал)». Что касается характера чувашского языка, то он считал его «единственным остатком языка древних гуннов, а именно той группы, которая называла себя булгарами. Этот язык сохранил много древних черт, в том числе -l-, -g- против тюркского -š-, -z-, и к тому же развивался самостоятельно, независимо от других тюркских языков. Булгаро-чувашский язык в 900—1300 годы являлся языком высокой культуры и оказал значительное влияние на финно-угорские языки Поволжья, главным образом на черемисский (= марийский. — М. Ф.), а также пермские языки, в особенности на вотяцкий (= удмуртский. — М. Ф.). Кроме того, мордовские и остяцкий (= ханты. — М. Ф.) языки содержат чувашские заимствования»²⁸.

Ни один исследователь не отрицал влияния татарского языка на восточнофинские языки. Оно было гораздо сильнее, нежели чувашское, но относится к значительно более позднему периоду, и поэтому татарские заимствования в финно-угорских языках не содержат таких явлений, которые были свойственны булгарскому. Об этом мы судим исклю-

²³ Yrjö Wichmann. Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903; «Die türkischen Lehnwörter im Tscheremissischen». — FUF, Bd. XVI, Anz. 32—53; Alo Raun. The Chuvash borrowings in zyrian. — «Journal of the American Oriental Society», vol. 77, N. 1, 1957.

²⁴ Heinrich Paasonen. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinische. «Über die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen». — FUF, Bd. II. Helsingfors, 1897.

²⁵ Martti Räsänen. Die tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki. 1920.

²⁶ И. Н. Смирнов. Восточные финны. Историко-этнографические очерки. Черемисы. Вотяки. Мордва. Пермь. Казань, 1889—1895.

²⁷ E. N. Setälä. J. N. Smirnows Untersuchungen über die Ostfinnen. — JSFOu, XVII, Helsingissä, 1900, стр. 36—37.

²⁸ G. I. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I, Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 19—20.

чительно на основании надгробных надписей XII—XIV веков, язык которых, в своей тюркской части, родствен современному чувашскому языку.

5. Булгарский и финно-угорские языки.

5.1. М. З. Закиев попытался по-новому решить задачу, связанную «с булгарскими и татарскими заимствованиями в финно-угорских и русском языках» (стр. 180—186).

Вслед за Г. В. Юсуповым, писавшим, что «глубоко ошибочен применяемый до сего времени в отношении булгарского языка на надгробиях термин „чувашизмы“» (Юсупов, БТЭ, 98), М. З. Закиев несколько иными словами, но по существу также пишет, что в соседние с булгарским и татарским финно-угорские языки (марийский, удмуртский и мордовский) вошло большое число слов из булгарского, татарского, чувашского и башкирского языков (стр. 181). «Можно сказать, — пишет он, — в финно-угорские языки вошло очень большое число слов еще в булгарскую эпоху» (стр. 181).

Этот тезис никем не ставится под сомнение. Тщательное изучение существующих исследований тюркских заимствований в финно-угорских языках позволит решить, ошибались или были правы классики финно-угроведения и тюркологи, находившие одинаковые либо сходные черты вокализма в булгарском и чувашском языках; ошибались они или были правы, видя в ротацизме, ламбдаизме, в протетическом *в-* и некоторых других чертах консонантизма полное или частичное тождество между булгарским и чувашским языками. В монографии М. З. Закиева нет ссылок на капитальные труды Вихманна, Паасонена, Сетяля, Рамстедта, Рясненна и других по данной проблеме, нет и критики их. Имеется единственная ссылка на труд М. Рясненна «Татарские заимствования в черемисском языке»²⁹. Однако следует иметь в виду, что как в этом, так и в других исследованиях последнего времени речь идет главным образом о поздних татарских заимствованиях в финно-угорских языках. Их очень много, много таких заимствований и в чувашском языке, но их фонетический облик, даже если они восходят к булгарской эпохе, несет на себе печать кыпчакско-татарского, но не булгарского влияния, если иметь в виду язык абсолютного большинства (90%) булгарских эпиграфий.

5.2. Прав был А. Н. Самойлович, когда писал, что «казанско-татарский литературный язык вместе с казанско-татарским разговорным диалектом поныне с полной ясностью сохраняет преемственную связь с кыпчакским языком XI—XIV веков»³⁰. Таким образом, под булгарским вкладом в языки финно-угров Поволжья, Перми, обских и дунайских угров следует понимать древнетюркские заимствования, обладающие признаками, отличающими их от огромного большинства тюркизмов кыпчакско-татарского типа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Räsänen CLC* — Martti Räsänen. Die tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki. 1920.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.

²⁹ Martti Räsänen. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki, 1923.

³⁰ А. Самойлович. К истории крымско-татарского литературного языка. — «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1927, № 7, стр. 27.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

М. УСМАНОВ, Г. ГАЛИМОВА

ХУСАИН ФАИЗХАНОВ КАК ТЮРКОЛОГ (К СТОПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Общественная деятельность и научное наследие выдающегося татарского просветителя, ученого-тюрколога, лектора татарского языка Санкт-Петербургского университета Хусайна Фаизханова (1828—1866) всегда привлекали внимание историков отечественного востоковедения и исследователей истории культуры татарского народа¹. Высшая оценка научно-педагогической и исследовательской деятельности Х. Фаизханова-тюрколога была дана его современниками-востоковедами А. К. Казем-Беком, В. В. Григорьевым, П. И. Пашино, В. В. Вельяминовым-Зерновым². Позже заслуги Х. Фаизханова в развитии тюркологии отмечали К. Г. Залеман, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд и другие, работавшие на том же факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, где в

1857—1866 годах преподавал татарский, турецкий, арабский языки и каллиграфию арабского письма Х. Фаизханов³.

Над научной биографией Х. Фаизханова немало поработали дореволюционные татарские историки — Шигабутдин Марджани, написавший

¹ Краткую биографию, список основных трудов Х. Фаизханова, описание основной литературы о нем, изданной до 1971 года, см. в кн.: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». М., 1974, стр. 276—277.

² См. рукописные отзывы А. К. Казем-Бека, В. В. Вельяминова-Зернова, сохранившиеся в архивах, например, в Государственном историческом архиве Ленинградской области (далее — ГИАЛО).

³ См., например, статьи К. Г. Залемана в «Русском биографическом словаре» (т. 21, СПб., 1901, стр. 37), Н. И. Веселовского в энциклопедии Брокгауза и Ефрона (т. 35, стр. 428—429), а также двухтомник «Материалы для истории факультета восточных языков» Санкт-Петербургского университета, опубликованный В. В. Бартольдом в 1905—1906 годах (т. I, стр. 291—295, 313—314, 323—324; т. II, стр. 6, 20—23); В. В. Бартольд. Сочинения, т. IX, стр. 115—118, 142, 151, 164—166.

¹⁶ Хусейн Фейз-Ханов. Краткая учебная грамматика татарского языка. СПб., 1862.

ношений¹⁷; он внес большой вклад в разработку источниковой базы капитального труда В. В. Вельяминова-Зернова¹⁸ и, самое главное, впервые расшифровал тексты болгаро-татарских эпиграфических памятников¹⁹, что его современниками было расценено как крупное научное открытие. Метод, примененный при этом Х. Фаизхановым, до сих пор используется для прочтения многих болгаро-татарских эпитафий. Ученый известен также как автор наиболее смелого для XIX века проекта учреждения светских средних и высших учебных заведений для татар.

Обнаруженные в последнее время документальные источники неопровержимо свидетельствуют, что Х. Фаизханов стоял у истоков такой важной тюркологической проблемы, как этногенез казанских татар (он, наравне с Ш. Марджани, одним из первых начал научную разработку теории болгарского происхождения татар Среднего Поволжья), работал над исследованиями по политической истории Казанского ханства. Совместно с П. И. Пашино — одним из сподвижников революционеров-разночинцев из окружения Н. Г. Чернышевского — Х. Фаизханов пытался организовать издание общеобразовательной газеты на татарском языке и с этой целью сотрудничал с другими передовыми деятелями своего времени. Х. Фаизханов имеет также значительные заслуги в деле собирания и изучения материалов по казахскому языку и фольклору. Он первым из российских ориенталистов дал высокую оценку художественным и познавательным достоинствам тогда еще неизвестного ученым киргизского эпоса «Манас» и т. д.

Все эти аспекты деятельности Х. Фаизханова заслуживают специального и самостоятельного изучения. Настоящая же статья посвящена лишь двум вопросам: истории создания капитального труда «Материалы для истории Крымского ханства...» и судьбе собранных ученым материалов по казахскому языку и фольклору.

Привлечение Х. Фаизханова к работе над «Материалами для истории Крымского ханства...» имеет свою предысторию.

До приезда в 1854 году в Санкт-Петербург молодой Х. Фаизханов учился в медресе татарского историка и философа Шигабутдина Марджани и при его содействии сблизился с ведущими казанскими востоковедами А. К. Казем-Бекон и И. Н. Березиным, помогая им в обработке рукописных материалов на арабском, персидском и тюркских языках. Х. Фаизханов, отлично зная эти языки, свободно владел и русским. Поэтому в 1854 году, когда Восточный разряд Казанского университета был переведен в столицу²⁰, будущий ученый был приглашен А. К. Казем-Бекон в Петербург в качестве преподавателя практических занятий по тюркским наречиям. Однако принадлежность «муллы Хусейна»²¹ к сословию «государственных крестьян» из симбирских татар послужила этому препятствием.

¹⁷ «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. Академии наук из Московского Главного архива Министерства иностранных дел». СПб., 1864.

¹⁸ См.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, тт. I—IV. СПб., 1863—1887.

¹⁹ Хусейн Фейз-Ханов. Три надгробных болгарских надписи. — «Известия имп. Русского археологического общества», т. IV, вып. 5, 1863.

²⁰ Подробнее об этом см.: Н. А. Мазитова. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972.

²¹ Х. Фаизханов никогда не был священником. «Муллой» называли его в знак уважения к его учености (слово *мулла* у татар в прошлом, помимо культового значения, так же как и его фонетический дублет *мелла*, в сочетании с именами собственными выражало почтительное обращение к лицам, известным своей ученостью).

До 1857 года Х. Фаизханов не имел постоянной работы и перебивался случайными заработками. Круг его знакомств к этому времени заметно расширился. Видимо, не без содействия востоковедов университета он входит в деловые контакты с ориенталистами из Академии наук — Б. А. Дорном, М. И. Броссе, А. А. Куником, В. В. Вельяминовым-Зерновым, по поручению которых разбирает и описывает рукописи, копирует редкие манускрипты или составляет указатели к трудам академиков.

Пока факультет восточных языков и совет университета безуспешно ходатайствовали перед Министерством народного просвещения о «приобретении симбирского ученого муллы Хусейна Фейзханова» (ибо «приобретение одного природного ориенталиста, по убеждению факультета, весьма было бы полезно по кафедре турецких наречий»²²), талантливый ученый-исследователь сумел завоевать доверие и уважение ориенталистов из Академии. Ему начали давать уже серьезные поручения. Особо следует отметить его научную командировку в Москву.

Летом 1857 года переводчику Азиатского департамента Д. И. Чубинову в процессе работы в Главном архиве Министерства иностранных дел в Москве довелось обнаружить большое количество средневековых документов на татарском языке, о чем он и сообщил петербургским ориенталистам. По просьбе последних неприменный секретарь Академии наук К. С. Веселовский в сентябре того же 1857 года вступил в переписку с руководством архива и выяснил, что у них хранится 275 татарских грамот. Тогда ученые Академии решают направить в Москву Х. Фаизханова, к этому времени уже принятого на работу в университет, и добиваются специального разрешения министра иностранных дел о допуске «преподавателя татарского языка в Санкт-Петербургском университете муллы Гусейна для снятия копии» к архивным делам²³. Так, в апреле 1858 года Х. Фаизханов оказался в Главном архиве Министерства иностранных дел в Москве. Командирован он был на двухмесячный срок.

Как показывают переписка между Академией и архивом²⁴ и московские письма-отчеты самого Х. Фаизханова, адресованные им академику Б. А. Дорну (письма написаны на фарси)²⁵, ученый относился к своему делу чрезвычайно добросовестно, дорожил каждым часом работы в архиве.

Работать в архиве было не очень удобно: он был открыт «только с одиннадцати до трех часов» и то не каждый день, так как на некоторые дни приходились религиозные праздники. Иногда происходили также задержки с выдачей запрашиваемых дел. Х. Фаизханов, пытаясь

²² ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15270, лл. 1—2. Министерство упорно отказывало в своем согласии, пока дело «муллы Хусейна» не привело к выступлению студентов в его поддержку. В сентябре 1857 года студенты восточного факультета, которым Х. Фаизханов давал частные уроки, подали прошение в ректорат о принятии на работу «муллы Хусейна» (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5616, л. 77). Это было, по определению В. В. Бартольда, «до настоящего времени едва ли не единственным примером инициативы студентов в деле организации преподавания на факультете» (В. В. Бартольд. Сочинения, т. IX, стр. 115). После выступления студентов министерство было вынуждено пойти на уступки и допустить Х. Фаизханова к преподаванию в университете, однако безвозмездно (Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 733, оп. 26, ед. хр. 130, л. 570; разрядка наша. — М. У., Г. Г.).

²³ Центральный государственный архив древних актов (Москва, далее — ЦГАДА), ф. 180, оп. 7, ед. хр. 1913, л. 12.

²⁴ Там же, ед. хр. 1842, 1953.

²⁵ Архив Академии наук СССР (Ленинград), ф. 776, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 1—9.

улучшить условия работы, пишет о своих затруднениях Б. А. Дорну, и по его совету дважды обращается «к сиятельному графу Алексею ибн Сергею Уварову». Последний обещает свое содействие, однако дальше обещаний дело не идет. Наконец, Х. Фаизханов обращается с просьбой к управляющему архивом князю М. А. Оболенскому, и после этого условия несколько улучшаются: «князь дает указание» чиновникам архива открывать его пораньше и закрывать попозже. Однако вскоре все возвращается в прежнее русло. Распоряжение князя фактически соблюдается лишь при посещении архива самим князем (а он обычно ходит туда один-два раза в неделю). Х. Фаизханову удавалось в среднем за день работать лишь по три с половиной — четыре часа и переписать за это время «по два больших листа, равных восьми страницам»²⁶.

И все же Х. Фаизханов выполнил за короткий срок огромную по объему работу — просмотрел около тысячи «дел» и скопировал 378 татарских документов XVI—XVIII веков, посвященных крымско-польским и крымско-русским отношениям. Необходимо отметить, что сами архивисты знали о наличии лишь 275 таких документов. Выявление, предварительная обработка, атрибуция дополнительно более ста документов являются исключительно заслугой Х. Фаизханова.

Ученому нередко приходилось по просьбе сотрудников архива рассматривать и другие «восточные дела», в результате чего было выявлено и систематизировано еще более ста документов на татарском языке, в том числе татарские переложения посланий «русских царей ханам и султанам Крыма, ханам Бухары, Хивы и Калмыкии, правителям Кавказа и персидским шахам»²⁷... И полагаю, — писал Х. Фаизханов в письме к Б. А. Дорну, — что в архиве, кроме этих, будут обнаружены еще другие письма» (л. 5 об.). По этому поводу управляющий архивом М. А. Оболенский в письме к К. С. Веселовскому писал: «...Препроводя оные (копии документов, составленные Х. Фаизхановым. — М. У., Г. Г.) в Академию, долгом считаю присовокупить, что, занимаясь с муллой Гусейном, нам посчастливилось найти в делах архива еще несколько подлинных грамот и копий на татарском языке по сношениям Крыма с Россией и Польшей, не вошедших в прежние реестры. Продолжая заниматься разбором хранящихся в архиве дел по сношению нашего Двора с Востоком, я надеюсь при помощи муллы Гусейна найти еще много неизвестных актов; а поэтому полагаю, что если б Академия продолжила пребывание этого ориенталиста в Москве еще на некоторое время, то сие принесло бы несомненную пользу Академии относительно задуманного ею издания»²⁸.

Учитывая просьбу управляющего архивом и мнение самого Х. Фаизханова, Академия наук продлила срок командировки еще на два месяца²⁹.

Работа Х. Фаизханова над архивными документами на этом не закончилась, а продолжалась и после его возвращения из Москвы в Петербург: он принимал самое непосредственное участие и в дальнейшей судьбе обнаруженных и переписанных им документов — вплоть до их публикации. Позднее, в предисловии к публикации академик В. В. Вель-

²⁶ Архив Академии наук СССР, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 1—5 (обработка этих писем Х. Фаизханова принадлежит Г. Галимовой).

²⁷ О функциональной роли, которую играл татарский язык в русско-восточной переписке, см.: Д. Г. Тумашева, М. А. Усманов, Ф. М. Хисамова. Об особенностях развития старотатарской деловой письменности. — «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 52—54.

²⁸ ЦГАДА, ф. 180, оп. 7, ед. хр. 1953, лл. 5, 5 об.

²⁹ Архив Академии наук СССР, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 6, л. 9 об.

яминов-Зернов писал: «Осенью 1858 г. мулла Хусейн возвратился в Петербург и привез с собою большое собрание переписанных им татарских документов... Историко-филологическое отделение имп. Академии наук, по представлении комиссии, состоявшей из гг. академиков Дорна, Куника и меня, в заседании 15-го октября 1858 г. постановило: документы, привезенные муллой Хусейном, издать отдельной книгой. Издание текстов поручено было мне. В помощь же мне придан был сам мулла Хусейн Фейз-Ханов»³⁰.

Так, в 1864 году появилось монументальное издание — собрание документов под названием «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. Академии наук из Московского Главного архива Министерства иностранных дел», состоявшее почти из 950 страниц. Из них девять страниц (I—IX) занимали титульные листы и предисловие В. В. Вельяминова-Зернова: на 899 страницах располагались наборные тексты 378 татароязычных документов, на остальных 39 (стр. 900—938) были представлены именной, географический и терминологический указатели, составленные Х. Фаизхановым. Все 938 страниц издания — плод кропотливого труда Х. Фаизханова.

Между тем в некоторых исследованиях, ссылающихся на документы из этих «Материалов...», имя истинного публикатора часто забывается. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что сам В. В. Вельяминов-Зернов автором этого издания считал Х. Фаизханова. В развернутом отзыве о деятельности татарского ученого в Академии он в числе одного из основных его трудов называет именно эти «Материалы...», достойные, по его выражению, «особого замечания»³¹.

«Материалы...» представляют чрезвычайную ценность по своему содержанию. В них приводятся в основном тексты крымско-татарских официальных государственных грамот (ханских посланий, договорных грамот, писем великих сановников Крыма и т. д.). Все они адресованы правителям Польши и России. Наиболее ранний документ датируется 1520, а самый поздний — 1742 годами, то есть в целом документы охватывают события, происходившие в Восточной Европе на протяжении более двух веков. Поэтому изучать историю внешней политики стран Восточной Европы без учета этих документов невозможно.

С другой стороны, это издание — подлинный клад для исследователя языка, стиля, особенностей текстового оформления татарских официальных документов XVI—XVIII веков, позволяет ретроспективно судить о форме и содержании более ранних татарских актов, например, дипломатических посланий времен Золотой Орды, Казанского ханства и, конечно, раннего периода в истории Крыма. При условии проведения широкого исторического сравнения эти документы ценны и для осмысления аналогичных тюркоязычных актов, относящихся и к другим регионам.

Отметим, наконец, что это издание требовало не только кропотливого, упорного труда по дешифровке, переписке, сличению документов и т. д., но и глубоких археографических познаний, умения разбираться в сложнейших текстах средневековых грамот и актов, написанных вычурными канцелярскими почерками, имевшими многочисленные разновидности. Эта публикация позволила Х. Фаизханову овладеть всеми сложностями текстологической работы, приобщила его к достижениям русского востоковедения.

³⁰ «Материалы для истории Крымского ханства...», стр. V.

³¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 514, лл. 97—98.

Отмечая заслуги Х. Фаизханова перед Академией наук в деле сбора материалов для названного издания, Восточное отделение Общества археологии 2 октября 1859 года «единодушно постановило ходатайствовать... в избрании... в члены-сотрудники преподавателя при Санкт-Петербургском университете муллы Хусейна Фейз-Ханова», а на общем собрании 22 марта 1860 года он был «избран в члены Общества»³².

Другой не менее важной областью тюркологии, в которой Х. Фаизханов работал долго и увлеченно, является казахская лексикология, делавшая в то время лишь первые робкие шаги.

Постоянные материальные трудности, лишения, сырой климат столицы и требовавшая большого напряжения работа с рукописями губительно сказались на здоровье Хусайна Фаизханова — он заболевает туберкулезом. Первые симптомы болезни появились, видимо, в 1859—1860 годах. Поездка ученого летом 1860 года в Оренбург, где он искал встречи с Н. И. Ильминским³³, была вызвана, очевидно, также необходимостью лечиться кумысом. Это подтверждается и врачебным свидетельством, полученным им 17 декабря 1861 года, в котором ему предписывается поездка «ранней весной в Киргизские степи для питья кумыса». На основании этого свидетельства руководство факультета обратилось с ходатайством в совет университета о предоставлении Х. Фаизханову отпуска для поездки на лечение. А. О. Мухлинский, декан факультета, в связи с этим писал: «Факультет восточных языков, оценивая его (Х. Фаизханова. — М. У. и Г. Г.) весьма полезную деятельность и усердие в службе и принимая живейшее участие в его положении, покорнейше просит совет университета исходатайствовать ему отпуск в Киргизские степи, для лечения кумысом, на четыре месяца и назначения ему в пособие четырехсот рублей из экономических сумм университета, как лишенному совершенно средств для такой необходимой поездки». Ходатайство было подкреплено и более основательными аргументами: «Пользуясь этим случаем, факультет желал бы сделать г. Фейз-Ханову ученое поручение касательно исследования киргизского наречия, так мало нам известного, а также собирания пословиц и поговорок киргизов, чем значительно обогащалась бы восточная филология»³⁴. Получив это прошение, ректор университета обратился с соответствующим ходатайством к попечителю учебного округа. Просьба была удовлетворена³⁵.

Так состоялась первая официально разрешенная поездка Х. Фаизханова в казахские степи, где он лечился и работал. О результатах поездки декан в своем отчете писал: «Факультет восточных языков имеет честь довести до сведения Временной комиссии³⁶, что занятия практического преподавателя Фейз-Ханова во время пребывания в киргизских степях, согласно отзыву профессора Березина..., заслуживают полного одобрения и поощрения, а труды над собранными материалами во время путешествия, по окончании их, могут принести большую пользу при преподавании студентам восточного факультета»³⁷.

Научные результаты, полученные Х. Фаизхановым, позволили ему выезжать в командировки в Казахстан и в последующие годы: в 1863,

³² «Известия имп. Русского археологического общества», II, вып. 4, стр. 266—296.

³³ Об этом см.: М. Госманов. Хөсәен Фәезхан улының бер хыялы, стр. 176.

³⁴ ГИАЛО, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 514, лл. 14—15.

³⁵ Там же, лл. 19, 23, 25.

³⁶ Речь идет о комиссии, созданной для управления университетом после известных студенческих волнений 1862 года.

³⁷ ГИАЛО, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 514, л. 34.

1864, 1865 и 1866 годах. Сям Х. Фаизханов в письме Ч. Ч. Валиханову от 7 апреля 1863 года о своих изысканиях писал: «Собрал я более двух тысяч слов, много фраз, также изустные сказки, пословицы, песни и т. п. Ныне их привел в порядок. Однако невозможно сразу осуществить хорошую работу. Для удачного ее завершения необходимо посоветоваться с подобным Вам знающим человеком. Поэтому очень хотелось бы поехать к Вам, но это вновь не получается. В нынешнем году я намерен заняться повторным рассмотрением материалов, хочу несколько дополнить их»³⁸.

Об основательном знании ученым казахского языка свидетельствует и его анализ областной лексики: «Ильминский в Казани опубликовал небольшой казахский словарь; вполне хороший»³⁹. Но слов не много, что-то около полутора тысяч. Значения некоторых слов отличаются от [значения тех же слов] языка казахов Внутренней Орды. Отсюда ясно, что в казахском языке, между различными областями его [распространения] также имеются [диалектальные] отличия, ибо Ильминский хорошо знает казахский язык и невозможно полагать, что им допущены ошибки. И еще, жители Внутренней Орды „оногаились“ (то есть „отатарились“. — М. У. и Г. Г.) при содействии Джихангир-хана, [поэтому] с подобными нам „ногайцами“ они стараются разговаривать по-татарски. По этой причине Внутренняя Орда не подходит для сбора слов по казахскому лексикону»⁴⁰.

Отметим также, что в то время, когда еще не делали различия между казахами и киргизами, Х. Фаизханов сумел установить самобытность одного из памятников киргизского фольклора: «Сказание о Кокетай-хане, находящееся в Ваших тетрадах, несколько отличается от казахских сказок. Где Вы нашли его? Очень ли оно распространено среди Вашего населения? — Просил бы Вас написать о его преданиях. Кажется, это хорошая вещь!»⁴¹. (Здесь речь идет об отрывке из киргизского эпоса «Манас», записанного казахской арабописьменной транскрипцией).

Х. Фаизханов углубленно занимался казахским языком и намеревался составить его словарь и подготовить учебное пособие по нему. О своих дальнейших планах в этой области в том же письме к Ч. Ч. Валиханову он писал: «Было бы хорошо, если Вы бы сооблаговолили написать о следующем: о древних *судопроизводствах* казахов и о *правах* ханов и бийев, о законодательствах по правонаследию, родственных отношениях, о праздниках и обычаях. Если бы написали на чистом казахском языке, то я включил бы их в *хрестоматию*. От этого была бы двойная польза: и для языкознания, и для этнографии; опубликовал бы я их от Вашего имени. Песен не нужно, их у меня достаточно. Если будут исторические сказания, подобно „Кокетай-хану“, то это, естественно, было бы весьма желательно»⁴².

Что ответил на эти предложения Ч. Ч. Валиханов, пока установить не удалось. Но, видимо, вполне прав А. Х. Маргулан, когда он, комментируя только что процитированные слова Х. Фаизханова, отмечает научную проницательность автора письма, обратившего внимание на наиболее актуальные и малоизученные проблемы казахской этнографии, и до-

³⁸ Э. Х. Маргулан. Указ. раб., стр. 21 (здесь и далее цитаты даны в переводе М. Усманова).

³⁹ Это место (*көп йахшы эмма...* 'вполне хороший, но...') А. Х. Маргуланом ошибочно прочитано: *көп йахшы имэс* 'не очень хороший'. (Там же, стр. 21).

⁴⁰ Там же

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 21—22 (курсивом выделены слова, написанные по-русски).

пускает возможность, что известное исследование Ч. Ч. Валиханова «Записки о судебной реформе» (1864 г.) могло быть своеобразным ответом на предложение Х. Фаизханова⁴³.

Неизвестно, продолжил ли ученый свои исследования по казахскому языку, составил ли словарь и хрестоматию, и если да, то какова была их дальнейшая судьба. Думается, что разыскания Х. Фаизханова в области казахской лексикологии не могли исчезнуть бесследно. По мнению академика А. Н. Кононова, «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова «может быть причислен к общетюркологическим словарям» и занимает «особое, почетное место в истории тюркологии», он «не утратил значения и поныне»⁴⁴. Над этим словарем Л. З. Будагов работал долго и кропотливо. 8 января 1864 года, докладывая ученым факультета о проделанной им работе и поясняя структуру и состав этого большого труда, он подчеркнул, что из тюркских языков и наречий в словарь вошли казанское, киргизское (казахское. — М. У. и Г. Г.), тобольское, башкирское, джагатайское, турецкое наречия, отчасти крымское с ногайским и азербайджанское. «За основание алфавитного порядка слов татарских (тюркских. — М. У. и Г. Г.) я принят наречие казанское, как более развитое практически»⁴⁵.

Что касается материалов по казахскому языку, то в списке использованных Л. З. Будаговым источников значится лишь упомянутый выше словарь Н. И. Ильминского. О работе над казахской частью своего словаря он говорил: «Для киргизского наречия я пользовался материалами г. Ильминского, пометив их в словаре, с немногими исправлениями, доставленными мне муллою Хуссейном Фейз-Хановым. Хотя господин декан нашего факультета словесно и разрешил мне воспользоваться материалами, собранными и самим муллою Хуссейном, но я не мог пока этого сделать, потому что они не приведены еще, как он говорил, в порядок; во всяком случае, чтобы привести труд мой к скорейшему окончанию, я пригласил господина Фейз-Ханова к сотрудничеству в дальнейших моих занятиях»⁴⁶ (разрядка наша. — М. У. и Г. Г.).

После этого Х. Фаизханов работал на факультете еще около трех лет. Следовательно, есть основания полагать, что это сотрудничество продолжалось и дальше. Использование Л. З. Будаговым при подготовке его Словаря к печати материалов, предоставленных ему Х. Фаизхановым, вполне вероятно, так как других данных по казахскому языку в то время в его распоряжении, можно сказать, почти не было. Следует при этом учесть и то, что Словарь печатался с дозволения факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, декан которого «словесно» разрешил Л. З. Будагову пользоваться материалами своего сотрудника Х. Фаизханова.

Возможно и другое. Известно, что после смерти Хусаина Фаизханова его жена Фатима, оставшаяся с малолетними детьми на руках без каких-либо средств к существованию, продавала отдельным востоковедам и научным учреждениям по частям рукописи покойного мужа⁴⁷, и

⁴³ Э. Х. Маргулан. Указ. раб., стр. 18.

⁴⁴ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Доктябрьский период. Л., 1972, стр. 107, 199, 200.

⁴⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15503, л. 3.

⁴⁶ Там же, лл. 4 и 4 об.

⁴⁷ Об этом сохранились сведения в архивах; например, список сказания о Кокетайхане был приобретен Восточным отделением Общества археологии у Фатимы Фаизхановой (Архив востоковедов, р. II, оп. 4, № 36 и др.).

не исключено, что материалы по казахскому языку, собранные Х. Фаизхановым в течение 1860 и 1862—1865 годов, могли оказаться в распоряжении Л. З. Будагова и были использованы им при работе над Словарем, первый том которого вышел в свет лишь в 1869 году. Окончательное решение этого вопроса требует проведения дальнейших изысканий в архивах, кропотливого исследования состава Словаря. Не следует также забывать о том, что Л. З. Будагов никогда специально казахским языком не занимался и всецело полагался в этом вопросе на данные, собранные другими учеными.

Таковы некоторые, остававшиеся до последнего времени неизвестными или малоизвестными, аспекты деятельности Х. Фаизханова. Думается, что приведенное выше небесполезно для правильной оценки действительного значения его научного наследия. Надо полагать, что при дальнейшем изучении архивных материалов, в особенности личных архивов других востоковедов середины XIX века, будут обнаружены новые документы, раскрывающие многогранность личности Хусайна Фаизханова — замечательного ученого и просветителя*.

* Авторы выражают свою признательность Ф. Д. Ашнину за советы и замечания по ряду затронутых в настоящей статье вопросов.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Х. Г. НИГМАТОВ, А. А. ЦАЛКАЛАМАНИДЗЕ

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ И ЗНАЧЕНИЕ ЗАЛОГОВЫХ АФФИКСОВ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Зависимость объектного управления глаголов и значений залоговых образований от семантики глагольной основы — явление общепризнанное¹. В настоящей статье рассматриваются особенности значений залоговых аффиксов при различных семантико-синтаксических группах глаголов.

Ниже классы, группы глагольных лексем с общим семантическим признаком и с одинаковым управлением именуются семантико-синтаксическими группами. При выделении семантико-синтаксических групп глаголов следует учитывать только особенности их объектных связей, так как различные виды обстоятельства (обстоятельства места, времени, меры и степени, орудия-средства², так называемые обстоятельственные дополнения при глаголах движения и др.) выступают как неуправляемые, независящие непосредственно от глаголов самостоятельные детерминирующие члены предложения³ и занимают в структуре предложения периферийное место⁴, а изменение залоговой формы глагола не влияет на способности глагола сочетаться с теми или иными типами таких распространителей предложения.

Заметим, что при выделении семантико-синтаксических групп мы основываемся на конструкции с максимальным числом приглагольных управляемых дополнений, образуемых глаголами данной группы. Отсутствие в конкретных речевых конструкциях некоторых дополнений, потенциально возможных при данном глаголе, не переводит глагол из одной группы в другую⁵.

¹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 488—544; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 393; А. Ф. Фуломов. Фезл. Тошкент, 1964, стр. 63; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Ташкент, стр. 121—122.

² Об отношении так называемого орудийного объекта к обстоятельству см.: В. Г. Адмони. Синтаксис современного немецкого языка. М., 1973, стр. 279.

³ См.: Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6; «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, §§ 1140—1160.

⁴ Ср. классификацию членов предложения по синтаксическим уровням (или рангам) в грамматиках Л. Теньера и О. Есперсена: И. Б. Долинина. Способы представления синтаксической структуры предложения. — В кн.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». Л., 1969, стр. 305.

⁵ Ср. замечание А. А. Потебни о том, что отсутствие прямого дополнения в конструкциях с переходным глаголом не делает данный глагол непереходным (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. IV. Глагол. Л., 1941, стр. 200).

При образовании залогов и для реализации тех или иных типов значений залоговых аффиксов релевантным является деление глаголов на нижеследующие семантико-синтаксические группы.

1. Общеизвестное деление глаголов на переходные и на непереходные. В тюркских языках переходность/непереходность глагола является лексической категорией⁶. Непереходность глаголов типа *оз-* 'худеть', *чоп-* 'бежать' и переходность глаголов типа *ёз-* 'писать', *ич-* 'пить' определяются лексическим значением самой основы, не содержащей в своем составе никаких морфологических показателей.

2. Непереходные глаголы подразделяются на медиальные и немедиальные. К медиальным относятся глаголы, обозначающие действия, приводящие к изменению в состоянии субъекта и протекающие в нем самом без активного вмешательства извне (глаголы типа *қури-* 'сшить', *иви-* 'мокнуть', *қизар-* 'краснеть', *оз-* 'худеть' и др.). Конструкции с медиальными глаголами не имеют в своем составе управляемых дополнений. Поэтому модель субъектно-объектной конструкции с медиальным глаголом в вершине имеет структуру S_1-V_1 ⁷: *қўйлак қуриди* 'платье вышло'.

3. Непереходно-немедиальные глаголы в свою очередь подразделяются на две подгруппы:

а) на глаголы движения (типа *кел-* 'приходить', *ёт-* 'ложиться', 'лежать', *тур-* 'вставать', 'стоять', *чоп-* 'бежать');

б) на глаголы, обозначающие различные эмоциональные, душевные, психические состояния и переживания, верования и убеждения (глаголы типа *қувон-* 'радоваться', *кул-* 'смеяться', *қўрқ-* 'пугаться', *йиғла-* 'плакать', *ишон-* 'верить', *сиғин-* 'поклоняться' и т. д.).

Общее между этими двумя группами глаголов заключается в том, что субъект (подлежащее) конструкций, образуемых этими глаголами, активен; он либо производит действие (при глаголах движения), либо испытывает его (при глаголах состояния, переживания, верования и убеждения). Этим немедиальные глаголы противостоят глаголам медиальным. Различие между глаголами движения и глаголами состояния, переживания, верования и убеждения заключается в том, что первые образуют, подобно медиальным глаголам, конструкции типа S_1-V_1 (*мен келдим* 'я пришел', *Карим қочди* 'Карим бежал'), а вторые — конструкции типа $S_1-O_1^{obl}-V_1$ и сильно управляют дательным или исходным падежом⁸: *биз ўлимдан қўрқмаймиз*, *чуңки ғалабага ишонамиз* 'мы не боимся смерти, так как верим в победу'.

4. Переходные глаголы подразделяются на переходно-рефлексивные и переходно-нерефлексивные. К переходно-рефлексивным глаголам от-

⁶ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Том II, часть I. М., 1952, стр. 333; Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 456—477.

⁷ Здесь и далее в моделях используются общезвестные символы: S — подлежащее (субъект), Oгес — прямое дополнение, Oobl — косвенное дополнение, V — глагольное сказуемое. Цифры 1, 2 при этих символах указывают на конструкции, образуемые глаголами основного (цифра 1) и косвенных (цифра 2) залогов.

⁸ Поэтому в работах А. Н. Кононова эти глаголы классифицируются как косвенно-переходные (А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 243; ср.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, стр. 13—15; А. А. Потенция. Указ. раб., стр. 199—200). О сильном и слабом управлении см.: Ю. Д. Апресян. О сильном и слабом управлении. — «Вопросы языкознания», 1964, № 3; Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 175—203; Х. Г. Нигматов. Семантическая и синтаксическая функции падежей в языке восточнотюркских памятников XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1975, № 4.

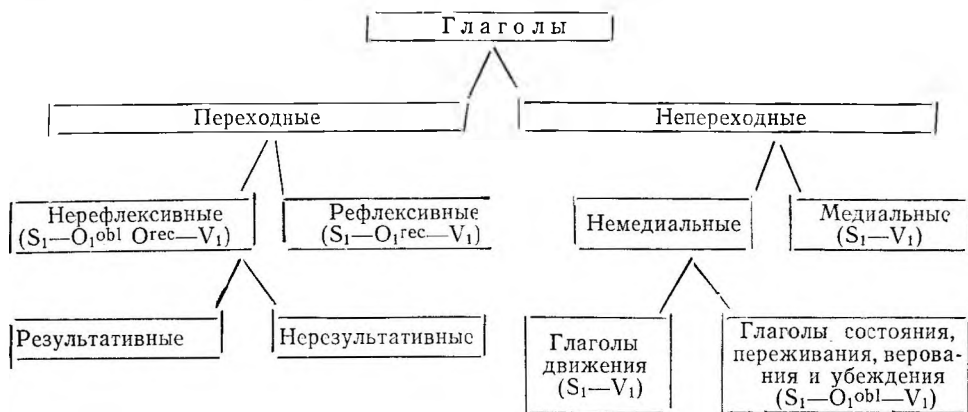
носятся глаголы, обозначающие действия в интересах самого субъекта, производимые для него. Данная группа глаголов не сочетается с адресатным косвенным дополнением в форме дательного падежа (глаголы типа *кўр*- 'видеть', *ич*- 'пить', *кий*- 'надевать', *е*- 'есть'). Модель субъектно-объектной конструкции, образуемой этими глаголами, имеет структуру: $S_1-O_1^{гес}-V_1^9$ — *мен сув ичдим* 'я пил воду', *Раҳим пальтосини кийди* 'Рахим надел свое пальто'.

Переходно-нерефлексивные глаголы (глаголы типа *ол*- 'брать', *бер*- 'давать', *ёз*- 'писать', *бўя*- 'красить' и т. д.), в отличие от переходно-рефлексивных, могут сочетаться с адресатным косвенным дополнением и образуют конструкции по модели: $S_1-O_1^{obl}-O_1^{гес}-V_1$ — *мен Салимга хат ёздим* 'я писал письмо Салиму', *Гулноз китобни Лолага берди* 'Гюль-наз дала книгу Лоле'.

5. Переходно-нерефлексивные глаголы по семантическим признакам распадаются на переходно-результативные и переходно-нерезультативные. К переходно-результативным относятся глаголы, обозначающие действия, в результате совершения которых создается (или уничтожается) объект (предмет) или же изменяется его форма, качество, свойство (глаголы типа *оч*- 'открывать', *ёр*- 'колоть', *кес*- 'резать', *бўя*- 'красить', *ёз*- 'распространять', 'расстилать' и др.).

К переходно-нерезультативным относятся глаголы, обозначающие действия, не влияющие на форму, вид, качество и свойство предмета (объекта) (глаголы типа *сот*- 'продавать', *бер*- 'давать', *ол*- 'брать', *гапир*-/айт'- 'говорить, сказать'). Среди переходно-нерезультативных глаголов особую подгруппу образуют переходно-адресивные глаголы (глаголы давания), сильно управляющие дательно-адресатным (глаголы типа *бер*- 'давать', *сот*- 'продавать', *узат*-/чўз'- 'протягивать' и др.). При остальных переходно-нерефлексивных глаголах адресатное дополнение является слабоуправляемым.

Таким образом, семантико-синтаксическое деление глаголов и модели субъектно-объектных конструкций, образуемых глаголами каждой группы, можно изобразить следующей схемой:

⁹ Косвенное дополнение в форме исходного падежа при этих глаголах является либо оппозитивным их прямому дополнению по семантическому признаку «полнота/неполнота перехода действия на объект» — ср.: *у чой ичди* 'он пил чай', *у чойдан ичди* 'он выпил чаю' (см. подробнее об этом: М. Иминов. Функциональная замена падежных конструкций в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1976, стр. 23), либо обозначает материал, источник (*у драпдан пальто кийди* 'он носит драповое пальто'). Залоговые преобразования глагола не влияют на это косвенное дополнение. Поэтому оно не включено в модель конструкций, образуемых данными глаголами.

Остановимся на значениях залоговых аффиксов при глаголах той или иной семантико-синтаксической группы. Лексико-грамматическая сущность категории залога, а также принципы выделения лексического (словообразовательного) и грамматического (словоизменительного) в каждой залоговой форме, типы и классификация значений залоговых образований были рассмотрены в работах С. Н. Иванова и одного из авторов данной статьи¹⁰. Поэтому на этих вопросах останавливаться не будем.

1. Для реализации типов значения аффиксов **п о н у д и т е л ь н о г о** залога является релевантным деление глаголов на следующие семантико-синтаксические группы: 1) медиальные глаголы, 2) непереходно-немедиальные глаголы, 3) переходно-рефлексивные глаголы, 4) переходно-нерефлексивные глаголы.

В зависимости от того, к какой группе исходных основ присоединяется аффикс понудительности, он может иметь следующие типы значений: 1) активности, 2) активно-понудительности, 3) адресивно-понудительности, 4) собственно-понудительности.

Значение активности реализуется в конструкциях с производными основами от исходных медиальных глаголов: *онам овқат пиширди* 'моя мать варила обед', *укам нон синдирди* 'мой младший брат ломал лепешку'.

Значение **активности** в аффиксах понудительности является по своей сущности словообразовательным, так как в результате присоединения этих аффиксов от медиальных исходных основ образуются переходно-нерефлексивные глаголы, то есть глагол из одной семантико-синтаксической группы переходит в другую. Рассмотрим отношение объекта и субъекта действий (*синдир-* 'ломать', 'разломать' и *кес-* 'резать') к этим действиям:

- 1) *укам нон синдирди* 'мой младший брат ломал лепешку',
- 2) *укам нон кесди* 'мой младший брат резал хлеб'.

Как субъект конструкции с производным переходным (активным) глаголом *синдир-*, так и субъект непроизводного переходного глагола *кес-* являются реальными производителями действия. Отенок значения побудительности (каузации) в этих конструкциях связан с лексическим значением переходного глагола (субъекты всех конструкций с переходными глаголами при наличии прямого объекта выступают как каузирующие, подвергающие объект какому-нибудь воздействию¹¹).

Значение **активно-понудительности** реализуется в конструкциях с производными основами от исходных переходно-немедиальных глаголов. Сопоставим две пары примеров:

- 1) *от чопди* 'лошадь гналась'; *мен қўрқдим* 'я пугался',
- 2) *чавандоз отни чоптирди* 'всадник гнал лошадь', *у мени қўрқитди* 'он пугал меня'.

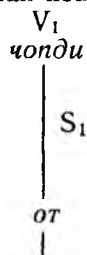
В конструкциях с производными основами субъект (подлежащее) (*чавандоз, у*) выступает и как побуждающий, каузирующий субъект исходной конструкции (*от, мен*) к выполнению действия, и как реальный

¹⁰ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 117—134; *его же*. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах. — «Ученые записки Ленинградского госуниверситета. Серия востоковедческих наук», вып. 12. Л., 1961, стр. 3—11; Х. Г. Нигматов. Залоги глагола в восточнотюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1973, № 1.

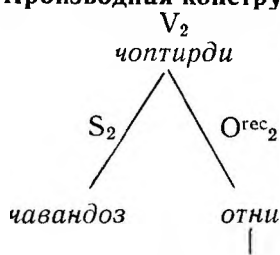
¹¹ См.: «Типология каузативных конструкций», стр. 5—19, 22; Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974, стр. 72.

производитель активного (переходного) действия¹². Благодаря значению активного действия, присутствующего в лексическом значении непереходно-немедиального глагола, связь прямого дополнения активно-пону-дительных глаголов с субъектом исходной конструкции является более прозрачной, что можно наглядно представить следующей схемой:

Исходная конструкция

Производная конструкция

В самом деле, отношения субъекта и объекта к действию в конструкциях типа *укам нон синдирди/укам нон кесди*, с одной стороны, и *шофёр машинани юргизди/шофёр машинани ҳайдади* 'шофер завел машину' с другой — мало чем отличаются друг от друга.

Если прямой объект производной конструкции с активно-пону-дительным глаголом порывает свою связь с субъектом исходной конструкции, то производный глагол, утратив залоговое грамматическое (каузирующее) значение, употребляется в переносном значении и реализует лексическое значение выражения активного действия, приобретая новые оттенки значения и соотносясь со своей исходной основой как переходный глагол с непереходным: *қизим хатни қўчирди* 'моя дочь переписала письмо' (но ср.: *корвон қўчди* 'караван перешел на другое место'; *сардор корвонни қўчирди* 'сердар перевел караван на другое место', то есть по указанию, побуждению, приказанию и т. д. сердара караван перешел на другое место).

Глаголы **адресивно-пону-дительного** значения образуются от исходных переходно-рефлексивных основ и могут управлять косвенным дополнением в дательном падеже: *ўқитувчи болаларга расмни қўрсатди* 'учитель показал детям картинку', *бой юзбошига тўн кийдирди* 'бай надел халат на сотника'.

Словоформы *болаларга* и *юзбошига* в этих конструкциях выступают не столько как субъект действия, выраженного исходными основами (глаголами *қўр-* и *кий-*), сколько как адресат действий *қўрсат-* и *кийдир-*. Реальным исполнителем действия в этих конструкциях выступает их субъект (подлежащее) (*ўқитувчи*, *бой*)¹³. Связь адресатного дополнения этих конструкций с субъектом конструкций, образуемых исходными основами этих глаголов, является очень слабой.

Таким образом, в результате присоединения аффиксов понудительности к переходно-рефлексивным основам последние переходят в группу переходно-нерефлексивных, и в таких производных основах словообразовательное начало (сочетаемость/несочетаемость с адресатным дополнением) превалирует над грамматическим залоговым (наличие при производной основе характеристики субъекта исходной конструкции как побуждаемого и отношение действия к своему субъекту как к каузирующему, побуждающему).

¹² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 239.

¹³ «Узбек тили грамматикаси». Том I. Тошкент, 1975, стр. 449—450.

Собственно-понудительное значение аффиксов понудительности выступает при производных основах от исходных переходно-нерефлексивных глаголов, которые могут управлять не только прямым, но и косвенным дополнением в форме дательного падежа. Поэтому в максимальной субъектно-объектной структуре понудительных конструкций от исходных переходно-нерефлексивных глаголов теоретически должны быть два косвенных дополнения, одно из которых является адресатным дополнением исходной конструкции, а второе — субъектным дополнением (новым дополнением) понудительного глагола, которым вводится субъект исходной конструкции. Однако в узбекском языке такие понудительные конструкции с двумя косвенными дополнениями в дательном падеже не встречаются¹⁴. В составе понудительных конструкций косвенное дополнение в дативе альтернативно выражает либо адресат (чаще), либо субъект исходной конструкции (реже). Если данное косвенное дополнение обозначает адресат действия, то субъект исходной конструкции становится имплицитным (невыраженным, но подразумеваемым), и наоборот. Поэтому такие конструкции могут быть поняты двояко (а). Однако чаще всего косвенное дополнение в дативе в понудительных конструкциях полностью отсутствует (б)¹⁵:

а) *дадам Темирга хат ёздирди* — 1) 'мой отец побудил (приказал, просил и т. д.) Темира написать письмо (для кого-то)', 2) 'мой отец побудил (кого-то) написать письмо Темиру';

б) *дадам хат ёздирди* 'мой отец (посредством кого-то) написал письмо'.

Как явствует из последнего примера, и в конструкциях с опущенным косвенным дополнением субъект (подлежащее) понудительной конструкции связан с действием опосредствованно¹⁶, он не становится реальным исполнителем производимого действия и, таким образом, выступает как каузирующий. В этом заключается существенное различие между конструкциями типа *дадам хат ёздирди*, с одной стороны, и конструкциями типа *ўқитувчи болаларга расми кўрсатди, у мени қўрқитди, укам нон синдирди* — с другой.

Если классифицировать производные основы по степени проявления словообразовательного и словоизменительного значений аффиксов понудительности, то словообразовательное значение этих аффиксов ослабевает в направлении от основ типа *синдир-* к основам типа *чоптир-, қўрқит-, кўрсат-, ёздир-*, а словоизменительное значение, наоборот, возрастает в этом направлении. Это подтверждается и тем, что:

а) в результате присоединения к основам типа *син-, чоп-, қўрқ-, кўрсат-* показателей понудительности эти глаголы из одной семантико-синтаксической группы переходят в другую, что не наблюдается при основах типа *ёздир-*;

б) в конструкциях с глаголами типа *синдир-, чоптир-, қўрқит-, кўрсат-* субъект конструкции, сохраняя в той или иной степени характеристику побуждающего, является реальным производителем действия и связывается с действием непосредственно, но в конструкциях типа *дадам хат ёздирди* субъект всегда связан с действием опосредствованно.

¹⁴ Теоретически в понудительных конструкциях возможны замена адресатного дополнения в дативе послеложной конструкцией с *учун* и введение в понудительную конструкцию субъектного дополнения в дативе. Однако такие построения, как *Раис котибга колхозчилар учун мурожаатнома ёздирди* 'Председатель побудил (приказал, просил и т. д.) секретаря написать обращение к колхозникам', в узбекском языке почти не употребляются.

¹⁵ «Узбек тили грамматикаси», стр. 450.

¹⁶ См.: А. Г. Шанидзе. Глагольная категория акта и контакта на примерах грузинского языка. — «Известия Академии наук СССР», т. V, вып. 2, 1946, стр. 265—272.

Сказанное подтверждается также тем фактом, что образования с аффиксами понудительности от непереходных и переходно-рефлексивных основ легко лексикализуются, приобретают новые оттенки значения, причем, и это очень важно отметить, лексикализованные производные основы семантически развиваются в пределах той семантико-синтаксической группы глаголов, в которую переносят их аффиксы понудительности. Образования же от переходно-нерефлексивных основ, как правило, не лексикализуются, а в редких случаях опрошения понудительного аффикса с корнем историческая понудительная форма дублирует значение исходной основы, то есть остается в пределах той же самой семантико-синтаксической группы, в которую входит ее исходная основа. Ср.: *айт-* 'говорить', древнетюрк. *aj-* — то же самое¹⁷, *ajit* 'позволять (просить, дать, заставить) говорить'¹⁸, *тарқат-* 'распускать', 'разгонять', 'рассеивать', древнетюрк. *tar-* — то же самое¹⁹, *йиқит-* 'валить, разрушать', древнетюрк. *jīq-* — то же самое²⁰.

С реализацией, при разных семантико-синтаксических группах глаголов различных типов значения, аффиксов понудительности теснейшим образом связаны две особенности этих аффиксов:

1) наличие в составе одного слова двух неопрошенных аффиксов понудительности. Такое явление встречается главным образом в образованиях от непереходных и реже от переходно-рефлексивных исходных основ. Первый аффикс понудительности переносит исходную основу из одной семантико-синтаксической группы в другую (то есть выполняет словообразовательную роль), а второй сообщает словоизменительное залоговое значение: *жўна-* 'отправляться', *жўнат-* 'отправлять', *жўнатир-* 'побудить (кого-нибудь) отправлять';

2) сосуществование в системе языка разнообразных формальных показателей понудительности. Преимущественный словообразовательный характер аффиксов понудительности, легкая лексикализация производных основ, а также возможность одновременного присоединения двух продуктивных аффиксов понудительности к одной основе требовали наличия более одного формального показателя понудительности.

II. Для реализации типов значения показателя страдательного залога [афф. (-)л/н-] в узбекском языке релевантным является следующее деление глаголов: 1) переходно-нерезультативные, 2) переходно-результативные, 3) непереходно-немедialьные, 4) медialьные.

К исходным основам последнего (четвертого) типа афф. (-)л/н- не может присоединяться. В производных основах остальных трех групп реализуются три типа значений этого аффикса: 1) собственно-страдательное, 2) медialьно-страдательное, 3) неопределенно-личное (безличное).

Собственно-страдательное значение афф. (-)л/н- выступает в конструкциях, образуемых производными основами от исходных переходно-нерезультативных глаголов: *вазифа бажарилди* 'задание выполнено', *қўйлар сотилди* 'овцы проданы'. По всеобщему признанию лингвистов, такие конструкции служат для выражения устраненности деятеля (то есть субъекта исходной конструкции).

Глаголы собственно-страдательного значения не лексикализуются. Поэтому на языковом уровне при реализации собственно-страдательного

¹⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 25.

¹⁸ Там же, стр. 29.

¹⁹ Там же, стр. 537.

²⁰ Там же, стр. 268.

значения глаголы из одной семантико-синтаксической группы в другую не переходят, а образуют страдательную форму переходного глагола (ср.: конструкции с собственно-понудительным значением).

В производных основах на $(-)\text{л/н-}$ от переходно-результативных глаголов **медialное** и **страдательное** значения²¹ сосуществуют нерасчлененно: *эшик очилди* 'дверь открылась' ['дверь открылась (стихийно, без активного вмешательства субъекта)] — медialное значение, 'дверь открылась (кем-то)' — страдательное значение].

Если в качестве субъекта производной конструкции выступает слово, которое потенциально может занимать позицию прямого объекта исходной конструкции (*эшик очилди* ~ *кимдир эшикни очди*), то разграничение медialного и страдательного значений выражается контекстом или путем использования косвенного дополнения, которым вводится субъект исходной конструкции²². Ср.: *ййин бошланди* 'игра началась / была начата', но *уйин «Пахтакор» командасининг футболчилари томонидан бошланди* 'игра была начата футболистами команды «Пахтакор»'. Если слово, занимающее позицию субъекта производной конструкции, не может выступать в качестве прямого дополнения исходной глагольной основы, то производная основа реализует только медialное значение: *гул очилди* 'цветок раскрылся'.

Медialное значение по своей природе является словообразовательным, так как при сообщении этого значения исходный переходно-нерефлексивный (переходно-результативный) глагол переходит в группу глаголов медialных. Поэтому производные основы на $(-)\text{л/н-}$ с медialным значением быстро подвергаются семантическим изменениям, легко лексикализуются, приобретая все новые и новые оттенки значения. Этим медialно-страдательные глаголы напоминают производные понудительные основы, образованные от исходных непереходно-немедialных глаголов.

Неопределенно-личное (безличное) значение афф. $(-)\text{л/н-}$ всегда выступает в конструкциях с производными основами, образованными от исходных непереходно-немедialных глаголов (а). Однако в специфическом контексте данное значение может реализоваться и при образованиях от некоторых переходных глаголов (б)²³:

- а) *ғалабага бу ййлдан борилади* 'по этому пути идут к победе',
- б) *чекилмасин!* 'не курить!'

Поскольку неопределенно-личное (безличное) значение афф. $(-)\text{л-}$ вплотную приближается к значению словоизменительной категории лица/числа, производные основы с этим значением не могут лексикализироваться.

Таким образом, из трех рассмотренных типов значений афф. $(-)\text{л-}$ только одно — медialное — имеет отношение к словообразованию. Остальные типы значения этого аффикса носят словоизменительный характер.

²¹ О медialном значении и его отличиях от страдательного см.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 482—486; Х. Г. Нигматов. Залоги глагола., стр. 54—55.

²² Ср. замечание С. Н. Иванова о том, что страдательное значение «безусловно преобладающим становится только при описательном выражении действующего лица» (С. Н. Иванов. О соотношении грамматического и лексического., стр. 6).

²³ См.: М. М. Муждабасев. Безлично-страдательные конструкции в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963; «Узбек тили грамматикаси», стр. 452—453.

III. Анализ сочетаемости и типов значений показателей в обратного и взаимного залогов показал, что аффиксы —(-)н- и —(-)ш- не обладают продуктивными значениями, свободно воспроизводимыми при всех глаголах определенной семантико-синтаксической группы. Связывать те или иные типы значения самого многозначного залогового форманта — афф. —(-)н- с определенными семантическими группами невозможно, так как из двух глаголов одной и той же группы один сочетается с этим аффиксом, а другой — не сочетается. Например, глаголы *тара-* 'расчесывать (волосы)' и *тирна-* 'царапать', *сила-* 'гладить' выражают действия, которые могут быть выполнены субъектом над самим собой. Однако афф. —(-)н- может сочетаться с глаголом *тара-*, но с *тирна-* и *сила-* не сочетается. Это свидетельствует о том, что сочетаемость афф. —(-)н- с теми или иными основами носит лексический характер, и что этот аффикс находится либо в стадии утраты продуктивности, либо только развивается.

Единственным значением афф. —(-)ш-, которое может быть воспроизведено при всех глаголах, является значение множественности действующих лиц: *улар бақиришди* 'они кричали'. Данное значение является словоизменительным, соприкасается со значением категории лица/числа и на семантику глагола не влияет. Остальные значения этого аффикса реализуются при отдельных лексических единицах.

Таким образом, семантико-синтаксическое деление глаголов оказывается значимым только при определении и классификации типов значений понудительного и страдательного залогов, обладающих в современном узбекском языке продуктивными типами значения, воспроизводимыми при всех глаголах определенной семантической группы.

Все это позволяет сделать вывод, что учет семантико-синтаксического деления глаголов при изучении залоговых аффиксов позволяет точнее определить условия реализации тех или иных типов значения этих аффиксов, выявить долю словообразовательных и словоизменительных в каждом из этих типов, объяснить причины лексикализации производных залоговых основ от определенных типов исходных глаголов, разграничить продуктивные и непродуктивные типы значений залоговых аффиксов.

Г. А. КЛИМОВ, Д. И. ЭДЕЛЬМАН

К ЭТИМОЛОГИИ Albasty // Almasty

В настоящей статье исследуется этимология имени, выступающего в двух основных разновидностях и засвидетельствованного в чрезвычайно широком ареале тюркских, иранских, северокавказских, а также в целом ряде других, территориально смежных с ними языков. В древних народных сказаниях и верованиях Albasty//Almasty обычно изображается демоническим существом женского пола, наносящим вред главным образом роженицам и новорожденным при родах и в последующие дни (количество дней в разных источниках различно; чаще всего это три, семь или сорок дней)¹. Описания внешности Albasty//Almasty, варьирующие от одноглазой многогрудой (или вислогрудой) отталкивающей внешности женщины до темно-рыжей и длинномордой собаки, приводятся в работах по языку, фольклору и этнографии целого ряда народов. Этому демоническому существу приписывались различные действия. Согласно одним представлениям, оно бьет или похищает младенца, либо дает ему грудь, что ведет к смерти ребенка; оно также вырывает внутренности (сердце, печень, легкие) у роженицы или насылает на нее родильную горячку и т. п. По некоторым поверьям, это существо наносит вред также самкам животных (главным образом домашнего скота) и их приплоду. В других фольклорных источниках говорится, что Albasty//Almasty способно наносить ущерб даже праху покойника как до похорон, так и в первые дни после них². Иногда отмечается возможность компромисса с ним, и тогда оно покровительствует удобному ему человеку, нанося одновременно ущерб другим³. Согласно некоторым верованиям, присутствие Albasty//Almasty при родах бывает даже необходимым (по мнению М. С. Андреева, последнее обстоятельство может служить указанием на то, что некогда в прошлом оно выступало в роли богини рождения). Для борьбы с этим существом люди обращались не только к заклинаниям и помощи амулетов, но и к огню, железным орудиям, а

¹ Ср., например: М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Ташкент, 1927, стр. 89—90; *его же*. Таджики долины Хуф. I. Сталинабад, 1953, стр. 53 и сл., 78 и сл.; U. Johansen. Die Alpfrau. Eine Dämonengestalt der türkischen Völker. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 109, H. 2 (Neue Folge, Bd. 34). Wiesbaden, 1959, стр. 303 и сл.

² Ср.: *Shahzada Hussam-ul-Mulk*. Chitral Folklore. — «Cultures of the Hindukush». Wiesbaden, 1974, стр. 98.

³ Ср.: М. С. Андреев. По этнологии Афганистана..., стр. 89—90; А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972, стр. 143 и сл.

иногда использовали собак, в зависимости от региона указанного ареала⁴.

Название этого демонического существа в разных языках фонетически варьируется.

В тюркских языках оно встречается в турецком, крымско-татарском, кумыкском, казахском, киргизском, казанско-татарском, узбекском, каракалпакском, туркменском, чагатайском, чувашском, тувинском и других, см., например, чагат. *albasti*, узб. *albasti*, *alvasti*, туркм. *ālbasty*, балкарск., карачаевск. *almasty*, ногайск., кумыкск. *albasly*, кирг. *albasty*, каз.-тат. *albasty*, чуваш. *alBast(a)*, уйг. *albasty*, *alwaste*, вост.-тюрк. *albaskan* (зафиксировано в лобнорском в значении «леший»)⁵.

В иранских языках данное слово имеет весьма сходный фонетический облик: ср. тадж. *алмасти*, *албасти*, *алвасти*, шугнанск., язгулямск., ваханск., ишкашимск. *almasti*, рушанск., хуфск. *alamasti*, сарыкольск. *albasti*, мундж. *ālmāstəyika*, ягнобск. *olbasty*, ol⁶ и т. д. (в памирские языки лексема, очевидно, проникла из таджикского, местных разновидностей фарси или через их посредство; иногда, как, например, в сарыкольском языке — это скорее всего тюркское заимствование). Особого внимания заслуживает курдское женское собственное имя *Almast*, несущее в себе, вопреки всему остальному экстралингвистическому контексту, оттенок положительного эпитета⁷.

Наконец, рассматриваемая лексема встречается в самых разнообразных вариантах как заимствование из тюркских или иранских языков также в целом ряде других сопредельных языков и диалектов. В первую очередь это северокавказские (абхазско-адыгские и нахско-дагестанские) языки. В абхазско-адыгском ареале рассматриваемое слово

представлено в абазинском (*алмасты*), а также в адыгейском (*кѳуылбасты*, ср. также записанную Н. С. Трубецким форму *кѳалыбасты*⁸) и кабардинском (*алмэсты*, *алмэстын*, *Іэлмэстын*) и толкуется как заимствованное из тюркского источника. При этом возникновение формы с

начальным *кѳуы-* И. Кноблах объясняет аналогией с формой, имеющей анлаутную гортанную смычку, которая в свою очередь обусловлена народноэтимологическим сопоставлением с 'al 'сумасшедший'⁹. В нахском ареале эта лексема засвидетельствована чеченскими разновидностями *албасты*, *алмасы* и *алмаз*, переводимыми обычно как «колдунья», «женский дух», и, возможно, ингушским *гларбаш* (?)¹⁰. Согласно И. Ю. Алироеву, чеченское слово, внешне особенно близкое к соответствующему монгольскому (см. ниже), восходит к тюркскому источнику. По мнению

⁴ Ср., например: Г. Ф. Чурсин. Култ железа у кавказских народов. — «Известия Кавказского Историко-Археологического Института», тт. V—VI. Тифлис, 1927, стр. 75—76.

⁵ См., например: M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki, 1969, стр. 14; U. Johansen. Указ. раб., стр. 14.

⁶ Подробнее об этом слове в иранских языках см.: И. М. Стеблин-Каменский. О ваханском этимологическом словаре. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». X годовичная научная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. М., 1974, стр. 157—158; ср.: H. Sköld. Materialien zu den iranischen Pamirsprachen. Lund, 1936, стр. 72 и др.

⁷ На это авторам указал Ч. Х. Бакаев.

⁸ N. Trubetzkoy. Erinnerungen an einen Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse. — «Caucasica». Fasc. 11. Leipzig, 1934, стр. 14.

⁹ См.: А. К. Шагиров. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. I. А — Н. М., 1977, стр. 60; J. Knobloch. Probleme der Nordkaukasischen Etymologie. — «Zeitschrift für Mundartforschung». Beihefte (Neue Folge). № 4. Verhandlungen des zweiten internationalen Dialektologenkongress. II. Wiesbaden (1969), стр. 467.

¹⁰ Ср.: И. Ю. Алироев. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975, стр. 273.

Б. А. Алборова, нахские лексемы отражают в своем начальном компоненте название «древнекавказского» божества *el//al*, ныне большей частью забытого и перешедшего в разряд «низших богов, злых богов, которые причиняют страдания роженицам»¹¹ (последующий отрезок основы автором не этимологизирован). Необходимо заметить, однако, что подобное разъяснение — особенно в его экстралингвистической части — трудно признать удачным (не вполне ясно также, почему отнесена сюда форма *алмаз*, переводимая иногда как «дух скал»). Наконец, среди дагестанских соответствий термина можно назвать аварское *албастли* 'сказочное страшное существо в образе женщины', рутульское *албасди*, *алмастли* 'баба-яга', 'колдунья' (в целом слово представлено здесь реже, чем это казалось П. К. Услару¹²).

Беглый обзор севернокавказского материала позволяет заключить, что данное слово засвидетельствовано, как правило, в тех языках, носители которых имеют наиболее тесные контакты с тюрками. Это указывает на локальный источник слова (о чем говорит и характер его ударения), с одной стороны, и на сравнительно небольшую хронологическую глубину заимствования — с другой.

Ср. далее крымско-армянское *albasə*, марийск. *alβasta*, *ləβasta*¹³, удмуртск. *alvasta*, а также примыкающие к последним русские диалектные формы *албаст(а)*, *албастый* и др.¹⁴ На Востоке слово прослеживается в кетском (в виде *kalbesəm*, *kalmesəm*), монгольских языках (ср. монгольское письменное *alməs//almäs* 'дьяволица, ведьма')¹⁵. К тюркскому источнику восходит арабское (бухарское) *albastija*, тогда как собственно арабская лексема *umt-us-sabijan* 'мать детей' может, по-видимому, рассматриваться как полная народноэтимологическая переработка иранского обозначения демона. Зафиксировано слово и в отдельных дардских языках (ср. *halmasti* в языке кховар¹⁶).

Известные этимологии данного слова существенно отличаются одна от другой. Среди тюркологов преобладает мнение о его тюркском происхождении. Так, М. Ряснен выводит данную лексему из сочетания основы **āl* 'красный' (?) и *basty* 'задавил', 'задушил', что соответствует одной из моделей тюркских описательных имен¹⁷. С различными оговорками и расхождениями это толкование принимают и некоторые другие авторы (ср., в частности, точку зрения И. Кноблоха, сопоставляющего вариации интересующего нас слова с глаголами *алмак* 'брать' и *бастмак* 'давить'¹⁸). У Г. Дёрфера, склонного допустить тюркскую этимологию рассматриваемой лексемы, вызывает настороженность ее начальный слог¹⁹.

¹¹ Б. А. Алборов. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» (К вопросу об осетинско-ингушских культурных взаимоотношениях). — «Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения». I. Владикавказ, 1928, стр. 74.

¹² См.: П. К. Услар. Аварский язык. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Тифлис, 1889, стр. 28.

¹³ М. Räsänen. Указ. раб., стр. 14.

¹⁴ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. I. М., 1964, стр. 69.

¹⁵ См.: В. Н. Топоров. О следах старого иранского культурно-исторического переживания у енисейских кетов. — «Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тезисы докладов». М., 1970, стр. 21—22; Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском. — «Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V. Л., 1930, стр. 75.

¹⁶ Shahzada Hussam-ul-Mulk. Указ. раб., стр. 98.

¹⁷ М. Räsänen. Указ. раб., стр. 14.

¹⁸ I. Knobloch. Указ. раб., стр. 466—467.

¹⁹ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. II. Wiesbaden, 1965, стр. 109—110.

Существует также мнение о связи слова с тюркским *alp* 'герой, богатырь', которого придерживались Н. И. Ашмарин, К. Менгес и С. Е. Малов²⁰ (высказывалось, впрочем, и совершенно невероятное предположение о родстве слова с германским *Alp* 'кошмар, удушье'²¹). В кавказоведении по существующей традиции соответствующие кавказские лексемы обычно возводятся к тюркскому источнику. Наконец, в иранском языкознании на этот счет также высказывались различные мнения. Так, М. С. Андреев усматривал в слове контаминацию имени древнего божества *Al* и тюркского *bastı* 'задавил', отмечая при этом, что в северных таджикских говорах данное название превратилось «в народном произношении» в *алмасты* и его вариации²². Аналогичного мнения придерживался и Э. Бенвенист, трактовавший слово как сложение индоиранского обозначения демона **Al* с тюркским *bastı*. Он полагал, что такое решение имплицитно в основном сопоставлением области распространения простого термина *Al* и производного *Albastı* с ареалом иранских и тюркских языков соответственно (разновидность *Almastı* не принималась во внимание)²³. Вообще чаще всего слово толкуется в иранистике как тюркское заимствование. Известен, по-видимому, лишь один случай квалификации его как собственно иранского образования: О. Олуфсен предположил его преемственную зависимость от имени бога *Ормузда* (др.-иранск. *Ahura Mazda*), не доказуемую ни с фонетической, ни с семантической точек зрения, но, как ни странно, встретившую поддержку у некоторых других авторов²⁴.

Необходимо подчеркнуть, однако, что ареал интересующего нас названия (особенно его вариантов) далеко не всегда позволяет апеллировать к фактору тюркского воздействия на нетюркские языки. В целом ряде случаев слово фиксируется в таких районах, где тюркское влияние либо недоказуемо, либо могло быть лишь лишь поверхностным, и поэтому оказалось бы неспособным породить столь интимный местный культ. Это относится, например, к иранским языкам Западного Памира, к дардскому языку *кховар*, в которые соответствующая лексема должна была проникнуть из таджикских диалектов или из местных форм фарси. С другой стороны, нельзя не отметить, что ареальным выкладкам Э. Бенвениста противоречит факт наличия формы с срединным *m* как в некоторых тюркских языках, так и в крайней северо-восточной зоне распространения слова, также предполагающей тюркское посредство. Думается, наконец, что распространение слова скорее следует связывать не с обычным языковым взаимодействием, а с более глубокими и древними процессами культурной диффузии.

Естественно предположить, что засвидетельствованные по языкам формы слова сложились в результате некоторого преобразования его исходного звукового вида (в соответствии, например, с его локальными народноэтимологическими истолкованиями). При реконструировании его

²⁰ См.: U. Johansen. Указ. раб., стр. 315.

²¹ Там же.

²² М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 78—79.

²³ E. Benveniste. Le dieu Ohrmazd et le démon Albasti. — «Journal Asiatique», t. 248, fasc. 1 (1960), стр. 71—73. Неучет форм с *m* налицо и в гипотезе, возводящей *Албасты* к греческому *Алабастрия* (название женского демонического существа в раннехристианской коптской мифологии, ср.: М. Г. Быстрикова. Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов. — «Вестник древней истории», 1978, № 4, стр. 66 и сл.). Греческое звучание этого имени может быть вторичным, перестроенным по аналогии с названием камня *алебастр*, и восходить к какому-то иному, более раннему звучанию.

²⁴ O. Olufsen. Through the unknown Pamirs. London, 1904, стр. 199; его же. The Emir of Bokhara and his country. London, 1911, стр. 367 и сл.; ср.: W. Lentz. Pamir-Dialekte. I. Materialien zur Kenntnis der Schugni-Gruppe. Göttingen, 1933, стр. 153.

прототипа существенными представляются следующие обстоятельства. Во-первых, очевидно, что практически почти всем ареалам бытования слова (кавказскому, иранскому, тюркскому, енисейскому, монгольскому и др.) известны формы, инвариантом которых является Almasty. Поскольку их наличие едва ли может быть объяснено конвергенцией в пределах огромной территории, следует думать, что они скорее архаичны. Во-вторых, налицо высокая частотность вариантов типа albasty в тюркских языках, где согласный *b* синхронно мотивирован народной этимологией, связывающей это название с *basty*, и высокая частотность вариантов с *m* в иранских языках, где согласный немотивирован и, следовательно, может служить признаком более древней неинтерпретированной формы.

В связи с этим необходимо учесть наличие в древней переднеазиатской (в частности, аккадской) традиции женского божества Lamastu//Lamaštu²⁵, на что уже указывалось в имеющейся литературе²⁶. В древней Месопотамии это имя носило демоническое существо — дочь божества Ану, изображавшаяся страшной и уродливой женщиной с головой львицы или птицы, с когтистыми пальцами, распущенными волосами и свисающими грудями. Она якобы могла проникать в дом через двери, окна и небольшие отверстия, кормила ребенка грудью, после чего тот погибал²⁷.

Это существо не может быть отнесено к «мелкой нечисти». В одном из заклинаний говорилось: «Она свирепая, она ослепляющая, она волчица, она дочь Ану»²⁸. Ей приписывались семь имен (одно из них — «Ламашту, или Ламасту, дочь Ану», остальные были табуистическими, оберегавшими от причиняемого ею зла). Все эти имена следовало знать, чтобы помешать ей проникнуть в дом под одним из них²⁹. Среди средств борьбы с Ламашту или Ламасту упоминаются собаки, которых она якобы остерегается, а также амулеты, изображавшие ее же и, очевидно, собаку и, наконец, заговоры³⁰.

Божества или демонические существа, приносящие смерть, несчастья, засвидетельствованы во многих верованиях пантеистического толка, в том числе в мифотворчестве древней Месопотамии. Интересно следующее обстоятельство: известно, что в ряде регионов Азии отрицательные мифологические персонажи одних этносов часто трактуются как положительные в мифологии враждующих с ними соседних (ср. др.-инд. *dēva*- 'бог', *dēvi*- 'богиня' как положительные понятия и авест. *dae-va*- 'див' как отрицательное; др.-инд. *Indra*- — имя бога и авест. *Ind-ga*- — имя дива)³¹.

В поисках прототипа «антихранительницы» Ламасту//Ламашту естественно обратиться к соседней культурной традиции. В этой связи обращает на себя внимание одна особенность религии древнего Элама. К богатому эламскому пантеону богов относятся и два известных духа или божества-покровителя женского пола, имена которых транскриби-

²⁵ О трудности фонетической интерпретации клинописных обозначений сибилантов и о возможности их различных хронологических соотношений см., например: И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, стр. 94, 268 и др.

²⁶ См.: E. Lichty. Demons and population control. — «Expedition», vol. 13, № 2. Philadelphia, 1971. Указанием на эту статью и ряд других работ авторы обязаны И. М. Стеблин-Каменскому.

²⁷ E. Lichty. Указ. раб., стр. 23—24.

²⁸ Там же, стр. 23.

²⁹ Там же, стр. 25; те же свойства приписывались Умм-ус-Сабиян, имевшей двенадцать имен (см.: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 81).

³⁰ E. Lichty. Указ. раб., стр. 24—25.

³¹ См.: И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 85.

руются В. Хинцем как *Ламассу* и *Карибату*³². При этом, по мнению В. Хинца, у соседних ассирийцев и вавилонян именно Ламассу считалась отвратительным демоническим существом, виновницей родильной горячки и гибели новорожденных. Как известно, Ашшурбанипал при завоевании Суз в 646 году до нашей эры особенно безжалостно разрушал статуи Ламассу, что засвидетельствовано в письменных памятниках. С другой стороны, в урукском заклинании против Ламассу прямо говорится о ее эламском происхождении³³.

Следует сказать и о том, что ассирийцы низвели до уровня духов не только Ламассу, но и другие эламские божества. Так, эламскую богиню Нарунди они называли «сестрой семи злых духов»³⁴.

Таким образом, напрашивается вывод, что именно враждебная эламитах аккадская интерпретация эламского божества вместе с ассирийской передачей его имени распространилась на соседние с Двуречьем области Древнего Востока, а затем — и за его пределы.

Возможно, впрочем, и другое объяснение ассирийского имени Ламасту, Ламашту. Как указал авторам И. М. Дьяконов, в аккадских документах упоминаются два разных божества: *Lamassu* — дух-защитник отдельного человека, реже — храмов, городов, стран и т. д. и *Lamaštu* — демон болезни в женском обличье³⁵. Смещение обоих божеств начинается в позднеассирийский период, когда *-št-* стало произноситься как *[-st-]* и затем как *[-ss-]*.

Во всяком случае именно позднеассирийское Ламасту, Ламашту в значении женского божества родов, а также болезней роженицы и новорожденного должно было послужить прототипом Алмасты — Албасты.

Вероятно, как это, в частности, предполагал В. Радлов, широкая диффузия рассматриваемого имени была обусловлена последовавшим позднее распространением ислама³⁶ и связанной с ним миграцией населения. Фонетическое преобразование формы *Ламашту*, *Ламасту* или *Ламассу* в *Almastī* могло быть вызвано ее псевдоарабизацией или первоначальной контаминацией в том же семитоязычном ареале с именем *al* 'мираж, *Fata Morgana*', на что указывал еще И. Гольдциер³⁷. Возможна, конечно, и относительно ранняя контаминация слова в иранском ареале с основами *āl*, обозначающими в персидском: а) ведьму, колдунью, б) красноватое (не отсюда ли красная одежда образа?), в) родильную горячку, вызываемую колдовством (а также краснуху, scarlatinu и пр., ср. талыш. *ala žep* 'ведьма, колдунья'). Не исключена, наконец, и возможность еще более поздней контаминации тюркских лексем с основами типа *al*, *āl*, *'al*, встречающимися в тюркских языках в отрицательных значениях³⁸. Позднейшие изменения слова в локальных традициях могут, по-видимому, быть связаны с дальнейшей ассимиляцией самого образа сугубо местными поверьями.

³² В. Хинц. Государство Элам. М., 1977, стр. 61—62. Транскрипция автора основана, очевидно, на аккадской передаче, поскольку в опубликованных эламских текстах эти имена как будто не встречаются (ср.: F. W. König. Die elamischen Königsinschriften. Graz. 1965).

³³ В. Хинц. Указ. раб., стр. 61.

³⁴ Там же, стр. 44—45.

³⁵ «The Assyrian dictionary of the University of Chicago». L. Chicago, 1973.

³⁶ W. Radloff. Versuch eines Wörterbuches der Türkdialekte. Bd. I. St.-Petersburg, 1893, стр. 434; U. Johansen. Указ. раб., стр. 305.

³⁷ I. Goldziher. Abhandlungen zur arabischen Philologie. I. Leiden, 1896, стр. 116; U. Johansen. Указ. раб., стр. 315.

³⁸ Ср.: M. Räsänen. Указ. раб., стр. 14; Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, стр. 125 и сл.

Особого комментария заслуживает упомянутое нами выше курдское женское имя *Almast*, не только не связанное с уничижительной семантикой, но, напротив, служащее положительным эпитетом. При возможности поздней контаминации этого имени с названием алмаза (*almast*) трудно исключить и его связь с общими концепциями распространенного у части курдов езидства с особым пантеоном последнего, сохранившим, наряду с трансформацией ислама, элементы древних верований. На фоне общей антропонимии курдов-езидов, отличной от обычной мусульманской, это имя может быть признано развитием соответствующей более старой формы имени, контаминированной с названием алмаза лишь в позднейшую эпоху. Положительный оттенок (благодаря которому и стала возможной такая контаминация) данного имени может указывать на то, что оно наследовало не позднеассирийскую отрицательную трактовку образа, а более раннюю (эламскую или аккадскую) положительную.

Каковы возможные истоки соответствующего культа древности? Если отвлечься от поздних напластований, то остается практически общее для всех народов, где этот культ был распространен, представление об *Алмасты*//*Албасты* как о женщине со звериным (или безобразным) лицом, когтистыми пальцами, многогрудой, появляющейся при родах, стремящейся накормить ребенка грудью и т. д., что позволяет предположить отражение в этом мифическом образе древнего женского божества родов и плодородия, изображавшегося в виде многогрудой женщины³⁹. С другой стороны, небезынтересно отождествление этого образа с волчицей, бытовавшее в древней Месопотамии⁴⁰ и, возможно, отразившееся в поверьях, согласно которым *Алмасты* боятся собак. Этот факт может свидетельствовать о том, что данный культ, в свою очередь, отразил более древний культ тотема-волчицы, кормящей человеческих детей. Это объяснило бы многое в облике и действиях божества и перекинуло бы мост к некоторым средиземноморским и иным верованиям (волчице Древнего Рима, Уструшаны в Средней Азии и, возможно, некоторым другим образам).

³⁹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 79—80.

⁴⁰ E. Lichty. Указ. раб., стр. 23.

М. И. ИСЛАМОВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ МЕТОДОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Изучение диалектов и говоров методом лингвистической географии, составление диалектологических атласов национальных языков, а также создание общедиалектологического атласа тюркских языков Советского Союза — одна из узловых проблем советской тюркологии.

Отмечая большое значение применения метода лингвогеографии в изучении диалектов и говоров тюркских языков, академик В. М. Жирмунский писал: «Методика лингвистической географии, примененная к тюркским языкам, открывает широкие перспективы для изучения истории тюркоязычных народов, создателей и носителей этих языков и диалектов»¹.

В последние годы в нашей стране развернулась широкая работа по изучению диалектов тюркских языков методом лингвистической географии. Сейчас практически во всех тюркоязычных республиках и областях составляются диалектологические атласы, а в некоторых регионах эта работа уже выполнена. Так, в 1975 году было завершено составление диалектологического атласа азербайджанского языка, охватывающего все диалекты и говоры на территории Азербайджанской ССР. Это явилось результатом семнадцатилетнего кропотливого труда диалектологов Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР.

Метод лингвогеографии в изучении диалектов и говоров начал применяться в тюркологии в основном с конца 50-х годов, причем пионерами этого научного направления были азербайджанские диалектологи. По инициативе и под непосредственным руководством академика М. Ш. Ширалиева диалектологи Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР с 1958 года приступили к сбору материала для диалектологического атласа азербайджанского языка.

Поскольку в тюркологии отсутствовал опыт составления диалектологических атласов и применения методов картографирования, было решено вначале составить атлас одной диалектной группы, а именно — восточной группы азербайджанских диалектов. Выбор этот был не случаен: в отличие от других диалектных групп, восточная группа в то время была наиболее изученной. В 1958 году была подготовлена и издана специальная программа², концентрировавшая внимание на наиболее

¹ В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков СССР. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968, стр. 20.

² М. Ш. Ширалиев, Р. Ә. Рустамов. Азәрбајҹан дилинин диалектологи атласынын тәртиби үчүн топланан материалларын програмы. Бақы, 1958.

важных для изучения истории азербайджанского языка явлениях, по которой начался сбор материалов.

Программа атласа включает 197 вопросов, из них 56 относятся к фонетике, 47 — к грамматике и 94 — к лексике.

Вопросы по отдельным разделам программы диалектологического атласа азербайджанского языка были своевременно опубликованы³.

Были установлены также 50 изоглосс из 197 по программе для перенесения их на карты опытного атласа⁴.

Картографировались материалы, собранные в 235 населенных пунктах восточных районов Азербайджанской ССР.

При создании атласа использовался опыт составления русских, украинских, белорусских, молдавских и некоторых зарубежных (румынского, венгерского и т. д.) диалектологических атласов. В процессе работы над атласом готовые карты демонстрировались и обсуждались на диалектологических совещаниях и конференциях тюркологов, проводившихся в Баку.

В 1965 году было завершено составление опытного диалектологического атласа восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. Каждая карта сопровождалась соответствующими комментариями.

С 1966 года продолжался сбор диалектологического материала по другим районам республики.

Следует отметить, что перед сбором материалов для общего атласа, включающего все диалектные группы азербайджанского языка на территории Азербайджанской ССР, некоторые пункты программы были вновь пересмотрены, уточнены и откорректированы.

В общей сложности материал был собран в 500 населенных пунктах республики, в среднем в 7—8 (в крупных — в 10—12) по каждому району. Расстояние между селениями составляло в среднем 10—15 км. При картографировании число объектов было сокращено до 409 пунктов.

Диалектологический атлас азербайджанского языка в настоящее время включает 128 карт: из них 43 — по фонетическим явлениям, 31 — по морфологии, 4 — по синтаксису, 50 — по лексике. Каждая карта снабжена отдельным комментарием. К атласу приложены географические карты, относящиеся к разным периодам истории Азербайджана, карты современного административного деления республики, списки населенных пунктов, указаны фамилии и возраст информаторов.

На картах атласа нашли отражение фонетические, грамматические и лексические особенности азербайджанских диалектов, имеющие важное значение для изучения истории языка и т. д.

На картах, посвященных фонетическим явлениям, отражены такие характерные изоглоссы, как *e ~ i* (*de- ~ di-* 'говорить', 'сказать'; *g'ej- ~ g'ij-* 'одевать'; *je- ~ ji-* 'есть'); *o ~ u* (*odun ~ udun* 'дрова', *gojun ~ gujun* 'баран', *goşun ~ guşun* 'армия, войско'); *ö ~ ü* (*g'öz ~ g'üz* 'глаза', *öz ~ üz* 'сам', *öküz ~ üküz* 'бык, вол'); *ä ~ è* (*äl ~ el* 'рука', *ät ~ et* 'мясо', *säs ~ ses* 'голос'); *u ~ y* (*pul ~ pyl* 'деньги', *bu ~ by* 'это', *buşda ~ byşda* 'пшеница'); *g' ~ g* (*g'üllä ~ güllä* 'пуля', *g'özäl ~ gözäl* 'красивый', *g'ül ~ gül* 'роза', *g'äl ~ gäl* 'приходи'); *b ~ m* [*biz ~ miz* 'шило', *burun ~ murun* 'нос', *banla- ~ manla-* 'петь, кричать (о пегухе)']; *d ~ t ~ č* (*diş ~ tiş ~ čiş* 'зуб', *düş- ~ tüş- ~ čüş-* 'падать, спускаться'), и др.

³ См.: М. Ш. Ширалиев. Диалектологический атлас азербайджанского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 53—58.

⁴ См. М. Ш. Ширалиев. Азербайджанская диалектология на новом этапе. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1960, стр. 49—56.

Составлены также карты по вставлению и выпадению звуков, дифтонгизации и т. д.

На картах, отражающих морфологические особенности диалектов, представлены особенности, связанные с категориями падежа и принадлежности существительных, степенями прилагательных, употреблением местоимений, категориями времени и наклонения глагола, деепричастными формами и т. д.

В диалектах и говорах азербайджанского языка зарегистрировано около десяти форм настоящего времени, свойственных и огузским, и кыпчакским группам тюркских языков, например: *-a durur*, *-ā durur* (ala durur, g'älā durur), *-a + du*, *-ā + dü* (aladu, g'älādū), *-ad*, *-ād* (alad, g'älād), *-a var*, *-ā var* (ala var, g'älā var), *-aj*, *-ej*, *-ij* (alaj, alej, alij), *-er*, *-or*, *-ör* (aler, duror, g'örör), *-y*, *-i*, *-u*, *-ü* (aly, g'ali, duru, g'öru) и т. д. Встречаются также 15 форм дательного падежа личных местоимений (например: *maṅa*, *saṅa*; *maṣa*, *saṣa*; *maṇa*, *saṇa*; *maḥa*, *saxa*; *maḥa*, *saha*; *maṇa*, *sana*; *mānā*, *sānā*; *mājā*, *sājā*; *mijā*, *sijā*; *miā*, *siā*; *māyā*, *sāyā*; *mäg'ā*, *säg'ā*; *mā*, *sā* и др.).

Все эти особенности и их ареалы обозначены на соответствующих картах отдельными знаками.

Лексические карты отражают термины родства, названия конкретных предметов, различных понятий, реалий и т. д.; на них указаны границы распространения отдельных диалектных лексем. Лексические карты содержат богатейший материал не только для исторической лексикологии азербайджанского языка, но и для сравнительного изучения тюркских языков вообще. В числе подобных лексических единиц можно указать такие древние слова, как *uṅu*, *uṅu-tuṅu* 'племя, род', *juyla* 'плакать', *damu* 'ад', *tuṅ* 'знамя', *ozan* 'ашуг', *aḡaly* 'горный баран', *guyt* 'настроение', 'характер', 'намерение', 'желание' и др.

Азербайджанские диалекты богаты синонимами. Например, для выражения одного лишь понятия скупости в азербайджанских диалектах существует более двадцати различных слов (не считая фонетических вариантов): *mysgy*, *simiž*, *xumys*, *zällä*, *myzy*, *kyrṇas*, *gyrči*, *nyrgyz*, *g'öj*, *хуму*, *myggy*, *čilis*, *maljemāz*, *gyjmaz*, *gätrā:m* и т. д. Частотность употребления этих слов на территории республики различна. В одних населенных пунктах употребляются из них 4—5 слов, в других — лишь 1—2. В то время как некоторые слова (например: *mysgy*, *kyrṇas*...) распространены в большинстве сел, другие (например: *g'öj*, *gätrā:m*, *gytmyr* и т. д.) отмечены только в нескольких населенных пунктах.

Карты, посвященные семантике, дают представление о значении того или иного слова в разных ареалах.

Как известно, в памятниках древнетюркской письменности⁵ и в некоторых современных тюркских языках (туркменском⁶, казахском⁷, киргизском⁸, уйгурском⁹) слово *bälḡ'ā* имеет значение «признак, примета». В диалектах же и говорах азербайджанского языка это слово зарегистрировано еще в целом ряде других значений: 1) знак (обручения); 2) плотная материя или кожа, надеваемая на руку во время боя, схватки; 3) дубильное вещество, экстракт; 4) сушеный персик; 5) межа, чересполосица; 6) предлог, отговорка и т. д. Каждое из этих значений имеет свою зону распространения.

⁵ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 93.

⁶ «Русско-туркменский словарь». М., 1956, стр. 569.

⁷ «Русско-казахский словарь». М., 1954, стр. 610.

⁸ «Киргизско-русский словарь». М., 1940, стр. 82.

⁹ С. Е. Малов. Уйгурский язык. М.—Л., 1954, стр. 141.

Проведенное исследование показало, что не только некоторые диалектные явления, но и отдельные фонетические варианты слов имеют свой определенный ареал.

Изоглоссы, полученные на картах атласа азербайджанского языка, весьма разнообразны. Некоторые из них имеют чисто локальный характер и ограниченное распространение. Например, употребление звука *ɛ* в начале слов перед закрытыми гласными (*çiš, çüš, çüšmān*) отмечалось в казахском диалекте азербайджанского языка. Это явление, редко встречающееся в тюркских языках, характерно для уйгурского языка. Употребление заднеязычного согласного *g* вместо среднеязычного звонкого *g'* в литературном языке в начале слов (*g'üllä ~ güllä* 'пуля', *g'ül ~ gül* 'роза', *g'äl ~ gäl* 'приходи'), характерное для юго-западной группы тюркских языков, отмечено также в закатало-кахском и айрумском говорах азербайджанского языка в небольшом количестве населенных пунктов. Примечательна также карта, на которой нашло отражение явление *g ~ g' ~ j* в середине слова: *dügü ~ düg'i ~ düjü* 'рис', *dügmä ~ düg'mä ~ düjmä* 'пуговица', *ägri ~ äg'ri ~ äjri* 'кривой'. Употребление *g* в интервокальной позиции отмечено в Кедабекском и Закатало-Кахском районах, а *g'* — в восточных и *j* — в западных, северных и южных областях республики (на большей части ее территории).

Привлекает внимание ареал звука *g*. Кедабекский и Закатало-Кахский районы находятся на противоположных концах территории республики: Кедабекский район относится к зоне, богатой чертами огузских языков, а Закатало-Кахский — кыпчакских.

Известно, что употребление согласного звука *g* в интервокальной позиции — одно из древних фонетических явлений. Оно встречается в енисейских письменных памятниках (*igirme, jegirme*)¹⁰, в тюркских текстах Восточного Туркестана X—XIII веков (*ogut, dagul, agnuma*)¹¹, а также в современных тюркских языках (например, в узбекском языке: *jigirma*, в каракалпакском языке: *žigirma*, в туркменском: *jigirmi*, в уйгурском: *žigirmä*)¹².

Озвончение начального *t*, характерное для азербайджанского языка, считается одной из древних особенностей огузских языков. А в западных районах Азербайджанской ССР (особенно в казахском диалекте) встречается употребление в начале слов звука *t* (*tiš* 'зуб', *tiši* 'самка', *tüš* 'сойди', *tüšmān* 'враг' и т. д.), что характерно для кыпчакских языков. В этом отношении диалекты и говоры западной группы отличаются от литературного языка оглушением начального звонкого звука *d*. Таким образом, эта кыпчакская особенность является как бы «островком» в зоне так называемых огузских особенностей.

Подобное ограниченное распространение изоглосс наблюдается и на картах, посвященных морфологическим и лексическим явлениям. Форма настоящего времени на *-y, -i, -u, -ü*, характерная для диалектов Южного (Иранского) Азербайджана, выявлена только в некоторых селениях Шемахинского и Апшеронского районов. Следует отметить, что в письменных памятниках азербайджанского литературного языка XIV—XVI веков, а также в языке последующих веков форма на *-y, -i, -u*,

¹⁰ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 75.

¹¹ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 38, 47, 66, 163.

¹² К. Аширалиев. Древние тюркские элементы в современных языках. — «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири». Фрунзе, 1966, стр. 61.

-й употреблялась как в функции деепричастия, так и в функции настоящего времени. Существует мнение, что здесь выступает архаическая форма настоящего времени¹³.

Аффикс винительного падежа *-ju, -ji, -ju, -jü* (в существительных, оканчивающихся на узкие гласные) и форма настоящего времени глагола на *-er, -or, -ör* представлены на территории казахской зоны.

Слово *aĵama* в значении «прозвище», «кличка» употребляется только на территории Нахичеванской АССР; распространение слова *juŋla* 'плакать' ограничено лишь северо-западной частью республики (закапало-кахский говор, шекинский диалект); вместе с тем это слово встречается в памятниках древнетюркской письменности¹⁴ и широко употребляется в современных тюркских языках кыпчакской группы.

Определенная часть изоглосс, полученных на картах атласа, занимает обширные территории, например, явление *b ~ v* в середине слов (*bava ~ baba* 'дед', *java ~ jaba* 'вилы', *davan ~ daban* 'пятка') распространено по всей территории западных и северных районов республики. Явление же *ž ~ ž* (*bažu ~ bažu* 'сестра', *g'ežā ~ g'ežā* 'ночь', *baža ~ baža* 'дымоход') характерно в основном для западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. Однако оно встречается и в северной группе диалектов и в переходных говорах.

Одним из широко распространенных явлений, имеющих четкий ареал, является *u ~ y* (*pu ~ pu* 'деньги', *bu ~ bu* 'этот', *buŋda ~ buŋda* 'пшеница'). В южной (Нахичеванская АССР) и восточной зонах Азербайджанской ССР наблюдается сплошное употребление звука *y*, а в северных и западных районах — звука *u*. Карта, посвященная этой изоглоссе, дает весьма ясное представление о распространении данного явления.

На картах атласа представлены также изоглоссы, образующие как бы островки. Эти островки различны по размерам. Например, употребление звука *p* в начале слова (*pičip* 'жатва', *paltā* 'топор', *pütö* 'целый', *putax* 'ветвь', *pišmiš* 'вареный') в Апшеронском, Сальянском, Ильичевском и Варташенском районах образует маленькие островки, а в казахско-карабахской зоне — достаточно большие.

Слово *zig* (в значении «блюдец») употребляется в Нахичевани и отдаленных от нее Таузском и Кедабекском районах на небольших территориях.

Размещение некоторых диалектных особенностей на территории республики носит смешанный, пестрый характер. Аффикс 2-го лица единственного числа повелительного наклонения *-g'ynan, -g'inān* (*alg'ynan, verg'inān*) распространен почти по всей территории республики, однако весьма неравномерно: в одних местах сравнительно плотно, в других — заметно разряженно.

Смешанным, не имеющим четких границ, является распространение форм определительных словосочетаний второго типа (*golxoz sädri ~ golxoz sädrisi*) и поэтому установление их ареалов не представляется возможным.

Некоторые изоглоссы на определенных территориях имеют весьма четко выраженные ареалы, на других — границы ареалов стираются, и изоглоссы смешиваются с другими. Например, в западных, южных и северных районах Азербайджанской ССР широко распространен звук *-x* в конце слов после заднерядного гласного (*uŋax* 'ребенок', *budax* 'ветвь'), что образует большой, четко выраженный ареал. В некоторых же местах восточных районов, где в основном преобладает звук *γ*, оба звука *-γ* и *-x* смешиваются и поэтому не поддаются выделению.

¹³ М. Ш. Ширәлијев. Бақы диалекти. Бақы, 1957, стр. 91.

¹⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 391.

Характер распространения языковых явлений нередко связан с различными историческими, общественно-политическими событиями. Поэтому изучение этих явлений имеет большое значение, ибо может пролить свет на многие факты прошлого народа.

Смешанное распространение отдельных изоглосс может быть объяснено, в частности, следующими причинами: 1) влиянием литературного языка, 2) взаимовлиянием диалектов и говоров, 3) переселением в данную местность носителей других диалектов или говоров, 4) неоднородностью этнического состава населения.

В настоящее время влияние литературного языка на диалекты и говоры во много раз усилилось. Литературные слова и формы постепенно вытесняют диалектные особенности, тем самым стирая диалектные различия. Под влиянием литературного языка происходит также унификация разных вариантов диалектного слова. Особенности, охватывающие большие территории, вытесняют синонимы, употребляемые на меньших территориях, и заменяют их¹⁵. Возникновению смешанных ареалов способствует также расширение контактов между носителями разных диалектов.

Переселение носителей тех или иных диалектов и говоров из одного района в другой также может привести к смешиванию диалектных фактов. «Перенесенные» особенности, оставаясь некоторое время устойчивыми, со временем вытесняются местными особенностями. Отметим, что следы «перенесенных» элементов в течение длительного времени сохраняются в речи местного населения.

Как известно, в формировании азербайджанского общенародного языка основное место принадлежит огузским и кыпчакским языковым особенностям. Наряду с этим в данном процессе определенную роль сыграли языковые элементы других тюркоязычных племен, исторически вошедших в состав азербайджанского народа. Все это способствовало возникновению смешанных ареалов.

Диалектологический атлас азербайджанского языка дает ясную картину распространения огузских и кыпчакских языковых особенностей на территории республики. Карты атласа указывают на то, что кыпчакские языковые особенности распространены в основном в северных и отчасти в восточных районах Азербайджанской ССР, например, такие кыпчакские явления, как $\ddot{o} \sim \ddot{u}$ ($\ddot{o}k\ddot{u}z \sim \ddot{u}k\ddot{u}z$ 'бык', $g'\ddot{o}z \sim g'\ddot{u}z$ 'глаз'), $o \sim u$ ($gojup \sim gujup$ 'баран', $gopay \sim gupay$ 'гость', $gol \sim gul$ 'рука'), в первом слове слов встречаются в северо-восточных районах Азербайджанской ССР.

Аналогичным ареалом характеризуются и кыпчакские формы настоящего времени глагола *-a durur* (*ala durur*), *-a + dy* (*alady* 'он берет', 'возьмет'). Эти формы употребляются главным образом в северо-восточной и северо-западной зонах Азербайджанской ССР и в некоторых восточных районах (в отдельных населенных пунктах Апшеронского, Шемахинского и Али-Байрамлинского районов). Указанные формы настоящего времени широко употреблялись в литературном языке XIV—XV веков в виде *-a + dyr*.

Форма *-a durur* встречается в памятниках древнетюркской письменности¹⁶, в том числе у Махмуда Кашгари¹⁷, а в ряде современных

¹⁵ «Лингвогеография, диалектология и история языка». Кишинев, 1973, стр. 33.

¹⁶ А. М. Щербак. Огуз-наме, Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 28.

¹⁷ Mahmud Kaşgarî. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, İc., Ankara, 1939, стр. 73.

тюркских языков и их диалектов сохраняются различные рефлексy этой формы¹⁸.

Следует отметить, что все это не исключает факта существования кыпчакских особенностей на территориях, для которых характерны огузские особенности, и наоборот.

Одной из определяющих черт кыпчакской группы тюркских языков является употребление звука *m* в начале слова. Вообще это не очень частое в азербайджанских диалектах явление встречается в основном в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка (например, *biz ~ miz* 'шило', *buz ~ muz* 'лед', *buɣnuz ~ muɣnuz* 'рог', *baɣla- ~ maɣla-* 'кукарекать'), а также частично в северо-западной области республики.

Диалектологический атлас азербайджанского языка является ценным источником для выяснения некоторых вопросов истории азербайджанского языка, исторической диалектологии, этнографии и т. д. «...Диалектологическая карта вскрывает динамику социально-лингвистического процесса, смещения языковых границ, языковые напластования различной древности, и тем самым подводит нас к конкретной истории языка данной территории»¹⁹.

Мы знаем, что диалекты со временем «умирают», диалектные различия постепенно стираются. Однако диалектные факты сохраняются в диалектологических атласах и написанных текстах. Поэтому диалектологические атласы представляют исключительную ценность для будущих исследований как наиболее надежные письменные источники. Р. И. Аванесов на координационном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков особо подчеркивал: «Лингвистическая география даст бесконечно много не только для историков языка и для диалектологов, но также и для историков народов, так как лингвистическая география представляет собой важный исторический источник»²⁰.

В связи с общепризнанным важным значением диалектологических атласов в современной лингвистической науке, особенно в тюркологии, необходимо распространить лингвогеографическое изучение диалектов и говоров азербайджанского языка и за пределы республики — на территорию Армянской ССР, Грузинской ССР и Дагестанской АССР. Поэтому диалектологами Института языкознания им. Насими намечается составление атласа, охватывающего диалекты и говоры, распространенные на указанных территориях. «Не будет преувеличением, — пишут видные советские лингвисты М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин, — если скажем: без атласа невозможно построить историю языка на прочных научных основах»²¹.

¹⁸ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология». М., 1956, стр. 286—287; А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 50; М. Н. Хыдыров. Туркмен дилиниң тарыхындан материаллар. Ашгабат, 1958, стр. 80.

¹⁹ В. М. Жирмунский. Методика социальной географии. — «Язык и литература», вып. VIII, 1932, стр. 84.

²⁰ «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1958, стр. 181.

²¹ М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.—Л., 1949, стр. 30.

РЕЦЕНЗИИ

«ИЗЫСКАННЫЙ ДАР ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКУ» (ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ XIV В. НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ)

ВВЕДЕНИЕ, ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК, ПЕРЕВОД, ГЛОССАРИЙ,
ГРАММАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ Э. И. ФАЗЫЛОВА И М. Т. ЗИЯЕВОЙ.
ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1978, 450 стр.

Новое издание «Китаб ат-тухфа аз-закияа фил-лугат ат-туркийя» (сокращенно «Ат-тухфа...») в переводе на русский язык Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой — примечательное событие, свидетельствующее о растущем интересе советских тюркологов к средневековым арабоязычным филологическим трактатам, посвященным тюркским языкам.

Вводная часть к новому изданию включает: очерк истории изучения и публикаций памятника; обзор высказываний специалистов о месте, времени создания памятника и его авторе; описание рукописи; общую характеристику содержания; замечания о графике, орфографии, различных пометах и т. д.

Начало изучения «Ат-тухфа...» датируется временем выхода в свет одной из статей М. Ф. Кёпрюлю-заде (1922), в которой этот памятник был впервые упомянут¹. В 1942 году Т. Халаши-Кун издал факсимиле «Ат-тухфа...», сопроводив его статьей с некоторыми сведениями о рукописи², а в 1945 году Б. Аталам была осуществлена публикация текста в переводе на турецкий язык (с факсимиле)³. В 1968 году появился

узбекский перевод С. М. Муталлибова⁴. Несколько позднее М. Т. Зияева, длительное время занимавшаяся уточнением перевода текста и специально исследовавшая тюркские материалы «Ат-тухфа...», защитила кандидатскую диссертацию, обобщившую результаты этих исследований⁵. В ряде работ вопросы, связанные с изучением трактата, освещались попутно. Почти все они названы в рецензируемой книге, за исключением лишь одной из статей Т. Халаши-Куна⁶. Напомним также, что к изданию арабо-кыпчакского словаря «Bulğat al-Muštāq...» приложен небольшой список слов с указанием параллелей и соответствий из «Ат-тухфа...»⁷. К сожалению, в ссылках на статью М. Ф. Кёпрюлю-заде 1922 года и факсимильное издание «Ат-тухфа...» допущены неточности. Кроме того, нам представляется неправомерным замечание относительно нарушений в факсимиле последовательности текста (стр. 7): очевидно, использовался дефектный экземпляр, ибо в нашем экземпляре нарушений,

⁴ «Аттухфатуз закияту филлугатит туркия [туркий тил (кипчок тили) ҳақида ноёб туҳфа]». Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1968. См.: А. Шукюрли. Об узбекском переводе «Ат-тухфат-уз-закияа фил-лугат-ит-туркийя». — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 100—105.

⁵ М. Т. Зияева. Исследование памятника XIV века «Китаб ат-тухфат уз-закияа фил-лугат-ит-туркийя» (лексика, морфология, словообразование). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972.

⁶ Т. Halasi Kun. Die mameluk-kiptschakischen Sprachstudien und die Handschriften in Stambul. — «Körösi Csoma-Archivum», Budapest, 1940, III, 1, стр. 77—83.

⁷ См.: А. Zajaczkowski. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de l'État Mamelouk Bulğat al-muštāq fi lughat at-turk wa-l-qifāq, I. Le nom. Warszawa, 1958, стр. 57—63 (Addenda).

¹ См.: М. F. Köprülü-zade. Anatolische Dichter in der Seldschukenzeit, I. — «Körösi Csoma-Archivum», Budapest, 1922, I, 3, стр. 190.

² Т. Halasi Kun. La langue des Kiptchaks d'après un manuscrit arabe d'Istanbul. Partie II: Reproduction photographique. — «Bibliotheca Orientalis Hungarica IV». Budapest, 1942.

³ «Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lûgat-it-türkiyye». Çeviren Besim Atalaya. Istanbul, 1945.

отмеченных Э. И. Фазыловым и М. Т. Зияевой, обнаружено не было.

По мнению Б. Аталая и С. М. Муталлибова, «Ат-тухфа...» написан в Египте. Дополнительный аргумент в пользу этого предположения, убедительно обоснованного Б. Аталаем⁸, — упоминание в тексте видов рыб, обитающих в Ниле (şawab и sartaban, 7al). Некоторые специалисты местом создания этого произведения считают Сирию⁹, Х. Данияров — Дешт-и кыпчак, хотя он и допускает возможность его написания в Египте¹⁰.

Предположения, касающиеся личности автора трактата, являющиеся, как правило, очень неопределенными. Примером может служить высказанная Х. Данияровым версия о том, что «Ат-тухфа...» «написан человеком, имевшим связи с узбеками „Дешт-и кыпчак“»¹¹.

Язык памятника — мамлюкско-кыпчакский, или старокипчакский, со значительным числом огузских элементов, обычно относимых к огузскому субстрату языка мамлюков. Так определил его Т. Халаси-Кун¹², что, в общем, не вызывает возражений. Сам автор трактата назвал описываемый им язык кыпчакским. Э. И. Фазылов и М. Т. Зияева воздерживаются от суждений по поводу атрибуции содержащихся в «Ат-тухфа...» языковых материалов и не приводят сведений ни о мамлюках, ни об их языке. Между тем пестрота фонетических черт, состава форм и лексики «Ат-тухфа...» может быть правильно понята лишь с учетом конкретных исторических условий формирования тюркского этноса на территории Египта и Сирии.

Как известно, мамлюки были выходцами из Золотой Орды¹³ и перенесли в Египет и

Сирию традицию литературного языка, который сложился на территории Хорезма в результате синтеза огузских, кыпчакских и уйгурских элементов и который впоследствии сыграл важную роль в развитии старотуркменского литературного языка. Таким образом, это был смешанный язык, причем его своеобразие не исчерпывалось взаимопроникновением названных выше элементов. Египетско-кыпчакская литература, зародившаяся в XIV веке, безусловно, имела также свои языковые особенности, которые были связаны с перенесением литературной традиции Золотой Орды в новую языковую среду, являвшуюся далеко не однородной¹⁴.

Приведенные фонетические особенности дают достаточно полное представление о языке «Ат-тухфа...». Назовем некоторые из них, ср.: 1) изменение *ḡ* в *ḡ*: *barḡa* и *barḡa* 'все', *ayāḡ* 'палка', 'дерево', *ḡākūḡ* 'молоток', *iḡ* и *iḡ* 'пить', *ḡayur* 'вино', *ḡak* 'время', *ḡātūk* и *ḡātūk* 'кот', *ḡanak* 'глиняный сосуд'; 2) изменение *ḡ* в *ḡ*: *kīcī* 'человек', *bāḡ* 'пить' и *bā-ḡinḡi* 'пятый', *oḡ bu'vot* 'этот', *oḡ ol* 'вот тот'; 3) переход *b* в *m*: *mīn* 'садиться верхом', *bojup* 'шея', *muḡuz* 'рог' (в др. диал. *bojupuz*), *mānzā* 'быть подобным', *mān* 'я', *māḡ* 'родинка'; 4) переход *y* в *w*: *jaḡ* и *jaḡ* 'масло', 'жир', *ayū* и *awū* 'яд', *baḡur* и *bawur* 'печень', *ayuz* и *awuz* 'рот', *ayur* и *awur* 'тяжелый'; 5) почти полное сохранение *ḡ*, без перехода в *n*: *oḡ* 'правый', *māḡ* 'родинка', *soḡ* 'конец', 'последний', *saḡ* и *sān* 'ты', *jūḡ* и *jūn* 'шерсть', *tāḡ* 'равный, одинаковый', *kāḡ* 'широкий'; 6) выпадение конечного увулярного (заднеязычного): *aḡ* 'медведь', *kaḡ* 'дверь', *ḡāḡū* 'воин', *jīḡ* 'острый', *ḡaḡu* 'желтый', *aḡu* ~ *aḡu* 'чистый'; 7) выпадение начального увулярного (заднеязычного): *uḡutka* 'старуха' (ср. ног. *kurtka*), *ḡāḡāḡin* и *kōḡāḡin* 'голубь'; 8) эпизодические случаи перехода *k* в *t*, появления протетического *w* и лабиализации широких гласных под влиянием губных согласных: *taj-* 'скользить', *wajna-* 'забавляться, играть', *kowup* 'дыня', *kowur-* 'жарить'. Такие особенности, как, например, изменение *ḡ* в *ḡ*, переход *k* в *t*, выпадение начального *k*¹⁵, носят характер четкого выраженных кыпчакских черт.

Далее следует описание морфологии с кратким анализом отдельных форм. Обращает на себя внимание наличие трех разновидностей лично-указательного местоимения 3-го лица множественного числа —

⁸ «Ettuhfet-üz-zekiyye...», стр. XIII.

⁹ См.: О. Pritsak. Das Kiptschakische. A. Mamluk-Kiptschakisch. — В кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 76. Здесь же — сведения об «Ат-тухфа...» и истории изучения трактата.

¹⁰ Х. Дониёров. Эски ўзбек адабий тили ва кыпчак диалектлари. Тошкент, 1976, стр. 32—33.

¹¹ Там же.

¹² Т. Halasi Kun. Die mameluk-kiptschakischen Sprachstudien und die Handschriften in Stambul, стр. 78; *его же*. Kipchak philology and the Turkic loanwords in Hungarian, I. — «Archivum Eurasiae Medii Aevi», I, 1975, стр. 158—159. См. также: Э. Н. Наджип. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарая и его язык, I. Алма-Ата, 1975, стр. 44—45.

¹³ О мамлюках и их связях с Золотой Ордой см.: А. Н. Полиак. Le caractère colonial de l'État Mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or. — «Revue des Études Islamiques», Paris, 1935, III, стр. 231—248.

¹⁴ См.: А. Zajczkowski. Vocabulaire arabe-kiptchak., стр. IX—X; Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 14 и сл., 89; *его же*. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 87—92.

¹⁵ См.: Т. Halasi Kun. Orta-Kıptçakça q-, k- ~ O meselesi. — «Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar». Ankara, 1950, I, стр. 45—61; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 78.

alar, allar, onlar, двух форм 1-го лица множественного числа повелительно-желательного наклонения — на *-alyt* и *-alyk*, формы настоящего времени типа *kālājūgūr ~ kālājūr*, причастий на *-myš*, *-yan*, *-asy*, *-ažak*, субстантивного глагольного имени типа *ölät* 'смерть, мор', составных глаголов, представляющих собой сочетания имен с вспомогательным глаголом *äjlä*, например: *assv äjlä* 'извлекать выгоду, пользу', *buluš äjlä* 'помогать', *tamyä äjlä* 'ставить клеймо'. Примечательная особенность — употребление условного союза *ägär* с формой прошедшего категорического: *ägär mäs a'dum* 'если я взял'. В заключение вводной части представлен обширный список слов, распределенных по тематическим группам. Отдельно помещены слова с пометой «туркменское» (167 слов), «татарское» (2), «[встречающиеся] в другом диалекте», «в другом языке» и т. д. В отдельную группу выделены также заимствования из персидского (65 слов) и арабского (12) языков. Завершается лексико-грамматический очерк перечнем словообразовательных аффиксов.

Основной и наиболее значительной по объему частью является русский перевод текста, первая половина которого — словарь, а вторая — грамматика. К переводу приложены два указателя: лексический («гlossарий») и морфологический.

Сопоставление рецензируемого издания с изданиями Б. Аталая и С. М. Муталлибова не оставляет сомнений в том, что сделан большой шаг вперед по пути к прояснению темных мест.

Замеченные нами погрешности незначительны и немногочисленны. Их можно подразделить на несколько групп: 1) пропуски слов в тексте или в гlossарии; 2) неточные прочтения; 3) сомнительные толкования; 4) несоответствие прочтений или толкований слов в тексте и в гlossарии.

Пропущены: а) в тексте: *kyčykla* 'щеко-тат' (18a4), *kābīn* 'книга', 'письмо' (3063); б) в гlossарии: *katy* 'становиться крепким' (56M), *bākič* 'сердиться, гневаться' (567), *jītkār jītkir* 'Большая Медведица' (6611), *ak ajuur* 'Сириус' (19613); в) в тексте и в гlossарии: *šāgū* 'воин' (25a2), *šok* 'много' (30a4) (данное слово приводится лишь в составе сочетания *šok bol*-, встречающегося в другом месте).

Неточно или недостаточно обоснованно прочитаны: а) в тексте: *kağa kuz* 'баклан' (3161), надо *kağa kaz*; б) в тексте и в гlossарии: *toquz(dan) kurty* 'жук навозный' (14aM), вероятнее *tyfyrdan kurty* (такое

чтение предлагает Т. Халаш-Кун¹⁶; *tušaw* 'пути' (20a12), вероятнее *tušar* (от *tuša* 'слутывать', ср.: ас- 'открывать', асар 'ключ'); *töl* 'платить' (26613), вероятнее *tölä*; *öw* 'тереть' (27613), надо *u*- или *uw*-; *üw* 'давить' (31a1), надо *u*- или *uw*-; *to'dyg* 'наполнять' (35a8), надо *toldug*.

Предпочтительнее также прочтения: *jurup* 'прилипать' вместо *jubup* (964); *jarak* 'лист' вместо *jabrak* (14a1); *örkä* 'легкое' вместо *öbkä* (16a8); *alrawut* 'испорченный, неисправный' (?) вместо *albawut* (33a2); *räki* 'брита' вместо *bäki* (33612); *oñ* 'правый' вместо *öñ* (3869).

Говоря о толкованиях, прежде всего необходимо указать на необычное значение глагола *baju* 'становиться счастливым' (186M, 83a10). Во всех тюркских языках, современных и древних, *baju* означает «становиться богатым». Именно это значение приводят Б. Аталай и С. М. Муталлибов. Возможно, Э. И. Фазылов и М. Т. Зияева не учли редкого значения арабского

بخت *baxat*? Необычным является также значение *albawut* (resp. *alrawut*) — 'испорченный, неисправный' (33a2). Учитывая своеобразное написание соответствующего арабского слова, мы рассматриваем *lam* как слившиеся *алиф* и *ра* и вместо *مختل* 'испорченный, неисправный' предлагаем читать *مختار* 'избранный', 'деревенский предводитель', 'староста'.

Приведем несколько случаев расхождения в тексте и в гlossарии: в тексте — *šabakly* 'подслеповатый' (367), в гlossарии — *šarakly*; в тексте — *kür* 'сахарный тростник' (4a5), в гlossарии — 'отважный, храбрый' (?). На странице 101 осталась неисправленной досадная опечатка: *šowurup* 'быть излеченным' (6a7), надо 'быть извлеченным' (ср. гlossарий).

При более внимательном чтении книги и сопоставлении текста перевода с гlossарием и факсимиле будут, возможно, обнаружены и другие мелкие погрешности. Но как бы придирчиво не относиться к рецензируемому изданию, нельзя не признать того, что качество перевода, глубина филологической обработки текста и уровень технического оформления отвечают самым строгим требованиям, предъявляемым к публикации старописьменных памятников.

А. М. Щербак

¹⁶ Т. Halasi-Kun. Kipchak philology., стр. 167. Не исключено, что здесь и в ряде других мест допущены описки.

Х. И. СУЮНЧЕВ. КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ И МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

ЧЕРКЕССК, КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА, 1977, 174 стр.

Более ста лет изучается проблема родства тюркских и монгольских языков. Однако вопрос о том, является ли это родство генетическим или же носит типологический характер, все еще остается спорным. Трудности в разрешении этой проблемы обусловлены тем, что в хронологическом отношении важнейшие элементы этой общности должны быть отнесены к очень отдаленной эпохе, не оставившей письменных памятников¹. Поэтому основные выводы базируются на сопоставлении материалов лишь современных языков.

К сожалению, ученые, занимающиеся вопросами родства алтайских языков, до сих пор не обращались к материалам карачаево-балкарского языка, а между тем привлечение их имеет немаловажное значение, ибо карачаево-балкарский язык, в отличие от тюркских языков Средней Азии и Сибири, на протяжении многих веков развивался в условиях полной изоляции от монгольских и почти полной от тюркских языков, что исключает возможность позднейших заимствований.

Поэтому рецензируемая монография Х. И. Суюнчева, посвященная исследованию лексических параллелей в карачаево-балкарском и монгольских языках, представляет несомненный интерес для ученых-алтаистов.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и карачаево-балкарско-русско-монгольского словаря.

Во введении дан краткий обзор основной литературы по проблеме родства алтайских языков, проанализированы существующие точки зрения по этому вопросу.

В первой главе рассмотрены общие карачаево-балкарско-монгольские существительные, составляющие, по мнению автора, большинство лексических параллелей в сопоставляемых языках. В работе Х. И. Суюнчева они разделены на шестнадцать тематических групп (названия частей тела человека и животных, продуктов питания, растений и т. д.), в каждой из которых существительные приводятся в алфавитном порядке. Вначале дается карачаево-балкарский литературный вариант слова, затем — вариант малкарского диалекта карачаево-балкарского языка как более близкий фонетически к монгольским вариантам, а в конце следуют ногайский и монгольский варианты. Материалы из других тюркских язы-

ков привлекаются по мере необходимости для более наглядной иллюстрации общности вариантов слова.

Автор при этом не ограничивается простым сопоставлением лексических параллелей, а дает их фонетический и семантический анализ. В результате сопоставления с монгольскими языками ему удается прояснить семантику целого ряда слов, практически непонятных современным носителям карачаево-балкарского языка. Например, интересна этимология карачаево-балкарского слова *атуг*, употребляющегося только во фразеологизмах *атугум тартмайд*, *атугум тутмайд* 'мне не хочется, у меня нет желания, любви к какому-либо делу'; ср. монг. *амгаг* 'любовь', *амгаглах* 'любить', 'влюбляться'; бур.-монг. *амага* 'любимый'.

При изучении вопроса о генетическом родстве языков особое значение, как известно, придает названиям частей тела человека и животных, так как эти слова реже заимствуются из одного языка в другой. Х. И. Суюнчев находит много общих монгольских и карачаево-балкарских вариантов имен существительных этой тематической группы, например: *кбалк*, *азау* 'клык', бур.-монг. *агаа* 'коренной зуб', *кбалк*. *böskün/böksün*, монг. *böksi* 'зад' и т. д.

Сопоставляя во второй главе имена прилагательные, автор устанавливает, что общими в карачаево-балкарском и монгольских языках являются в основном слова, относящиеся к характеристике человека: «храбрый», «красивый», «богатый», «заносчивый», «избалованный» и т. д. Затем следуют прилагательные, обозначающие масть животных, цвета спектра, геометрические понятия (круглый, прямой и т. д.).

Лексические параллели имен прилагательных интересны тем, что в сопоставляемых языках совпадают почти все, даже переносные значения этих слов. Ср. *кбалк*. *қаға* 'черный, темный, физический, грубый, злой, коварный, зловерный, вороной', монг. *хаг*, бур.-монг. *хага*, калм. *хаг* — в тех же значениях; *кбалк*. *қаға іш* 'черная работа, физический труд', бур.-монг. *хага худәлмегі* — то же; *кбалк*. *қаға зүрек* 'злой умысел, коварство', бур.-монг. *хага һаһаһ* — то же; *кбалк*. *қаға суи* 'родник, ключ', бур.-монг. *хага иһаһ* 'чистая вода'. По мнению автора, такое сплошное совпадение значений говорит о том, что *қаға/хага* не заимствовано ни одним из языков, так как слова заимствуются преимущественно в каком-то одном значении.

На наш взгляд, особенно ценна в научном отношении третья глава, посвященная анализу личных местоимений, относящихся

¹ О. П. Суник, Д. М. Насилов. Предисловие. — «Проблема общности алтайских языков». Л., 1974, стр. 3.

к заимствуемым лексическим группам. Разработка автором этого вопроса выходит далеко за рамки частных проблем карачаево-балкарского и монгольских языков, приобретая общетюркологический характер. Не ограничиваясь формой именительного падежа, Х. И. Суюнчев дает глубокий анализ склонения этих местоимений. Если на основании анализа других частей речи автор не решается делать вывод об общности алтайских языков, то на материале личных местоимений приходит к заключению о существовании этой общности.

Тюркское местоимение 1-го лица единственного числа имеет формы: *bān*, *ben*, *mañ*, *mān*, *men*, *mīn* (чуваш. *äbe*). Автор монографии поддерживает мнение о том, что звук *n* в местоимениях всех лиц — позднего происхождения, а звук *b* в начале местоимения 1-го лица единственного числа более древний. Изменение *b > m* (*be + n > men*) произошло в связи с наращением звука *n* к историческим корням местоимений: *be-*, *bä-*, *me-*, *mī-*, *ma-* 'я'; *se-*, *si-*, *sā-*, *sa-* 'ты'; *o-*, *u-*, *a-* 'он'. Ср. монг. *bi* 'я', *či* < *ti* 'ты', *i*, *ānā* 'он'. В монографии дается подробный разбор всех доводов, свидетельствующих о развитии звука *s* в начале *sen* из *t*. Автор не только присоединяется к существующему мнению (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, В. Котвич) о том, что звук *n* в личных местоимениях исторически не является элементом корня, но и приводит совершенно новые факты в подтверждение этого.

В тюркологической литературе имеются различные точки зрения о звуке *l* в составе местоимений *ol*, *bul*, *šul*. По мнению одних исследователей, формы с *l* в конце слова являются более древними, и, следовательно, в современных языках продолжается процесс утраты звука *l*. Другие, напротив, считают формы местоимений *ol*, *bul*, *šul* поздними образованиями.

В результате тщательного анализа с привлечением фактов из многих тюркских языков автор монографии приходит к выводу, что звук *l* в составе местоимений *ol*, *bul*, *šul* —

результат ассимиляции звука *n*: *on + lar > onlar > ollar*. Местоимения 1-го и 2-го лица тоже имели бы в исходе *l*, если бы формы множественного числа от них образовались не присоединением звука *z* (*bi + z*, *si + z*), а с помощью аффикса *-lar*, *-ler*: *men + ler* звучало бы *mel + ler // meler*; *sen + ler* — *seller // seler*. Ср. орфоэпические формы *кбалк. mel + lej < men + lej* 'как я', *sellej < sen + lej* 'как ты', а также каракалпакские формы множественного числа: *seller*, *siller < sen // sin + ler*.

Немало заслуживающих внимания фактов приводит Х. И. Суюнчев и в следующих главах, посвященных глаголам, числительным, частицам и послелогам. Всего в работе проанализировано около 800 лексических параллелей.

Хочется отметить, что рецензируемая книга тесно связана с большой работой, предложенной автором в качестве составителя и редактора «Русско-карачаево-балкарского словаря» и подготавливаемого им «Карачаево-балкарско-русского словаря».

Монография Х. И. Суюнчева содержит дополнительные и весьма убедительные факты, говорящие о генетическом родстве тюркских и монгольских языков, проливает свет на ряд вопросов исторической лексикологии тюркских языков.

К недостаткам монографии следует отнести наличие трудно соотносимых параллелей, например: *кбалк. bağamta* 'задержание' и монг. *barimta* 'доказательство'; *кбалк. qajyu* 'тревога' и монг. *xaix* 'разведка'; *кбалк. qaqa* 'кровоточить' и монг. *хапах* 'пускать' и др. На наш взгляд, в книгу не следовало включать карачаево-балкарские и монгольские слова арабского и персидского происхождения.

Однако эти недочеты несколько не умаляют ценности книги Х. И. Суюнчева, которая, несомненно, сыграет свою роль в области алтаистических исследований и разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

И. М. Отаров

Л. М. ӘУЕЗОВА. М. О. ӘУЕЗОВ ТВОРЧЕСТВОСЫНДА ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫНЫҢ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

«МЕКТЕП» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1977, 272 стр.

В последние годы исследованию творчества выдающегося казахского советского писателя Мухтара Ауэзова уделяется особенно большое внимание.

Существенным вкладом в изучение художественного и научного наследия классика многонациональной советской литературы является рецензируемая книга Л. М. Ауэзо-

вой «Проблемы истории Казахстана в творчестве М. О. Ауэзова», в которой органически сочетаются исторический анализ и литературоведческое исследование. Исторические материалы и документы, привлеченные автором в процессе изучения романа-эпопеи М. О. Ауэзова «Путь Абая», так или иначе касаются личности Абая, его общественной и литературной деятельности, поэтому рецензируемую работу следует рассматривать и как определенный вклад в абаяведение. Книга обогащает казахское литературоведение новыми данными, полученными в результате анализа большого числа архивных, исторических и литературных источников. К литературоведческому плану относятся и затрагиваемая в книге важная проблема о соотношении исторической и художественной правды, имеющая актуальное значение для развития современной литературы. Эта проблема непосредственно связана с общей философско-эстетической проблемой отношения искусства к действительности.

Совершенно очевидно, что только в работе, находящейся по своей проблематике на стыке двух научных дисциплин — истории и литературоведения, можно глубоко исследовать вопрос об историзме в художественной литературе.

Литературоведческий и исторический подход к изучению темы обогащают и дополняют друг друга. В процессе анализа романа-эпопеи автор привлекает большой исторический материал, широко освещает социально-исторические условия общественной жизни Казахстана прошлого века. Характер и особенности этой жизни и событий того времени определили своеобразие содержания и структуры романа-эпопеи. Именно многоплановостью романа-эпопеи, многообразием выведенных в нем человеческих образов и судеб, сложностью и глубиной описанных явлений общественной жизни и обуславливается широта охвата в книге проблем истории: социального строя современного Абая общества, классовой борьбы, феодальных междоусобиц, борьбы крестьян за пахотные земли и пастбища, деятельности русских политических ссыльных и т. д.

Многопроблемность работы Л. М. Ауэзов характеризуется не большим числом рассмотренных в ней вопросов, а исследованием поставленной проблемы одновременно в нескольких аспектах, то есть углубленным изучением ее.

Автор справедливо подчеркивает, что использование обширного исторического материала обогащает содержание романа «Путь Абая», служит богатой базой для художественного повествования. Воссозданные М. О. Ауэзовым художественными средствами картины жизни казахов в XIX веке позволяют читателю лучше понять историю Казахстана и его народа. Рецензируемая монография дает наглядное пред-

ставление о связи исторической художественной литературы и исторической науки, о влиянии истории на развитие литературы, с одной стороны, и о роли литературы в более полном постижении явлений общественной жизни — с другой. Автор книги исходит из своеобразия художественно-образного отображения жизни, присущего литературе и заключающегося в необходимости выделения типического, создания обобщенных образов. В литературном произведении исторические факты и события, равно как и документальные данные, используются автором лишь как первичный материал, который необходимо творчески осмыслить и художественно отобразить.

Писатель при этом опирается на собственные впечатления, свой жизненный опыт, чтобы изобразить полнокровные образы героев произведения, раскрыть их мысли, мотивировать их поступки и поведение в самых различных реальных ситуациях. Он должен из обычного разрозненных, отрывочных фактов создать стройное целое, показав их живую связь и взаимообусловленность.

Писатель, работая над историческим романом, «воскрешает» людей, «...вливает в их жилы теплую кровь, зажигает их глаза блеском жизни и страстей, и мы слышим их речь, видим их дела, знаем их сокровенные помыслы — сопresentствуем жизни давно кончившейся, созерцаем краски давно поблекшие, формы, давно исчезнувшие...» (В. Г. Белинский).

К достоинствам романа-эпопеи М. О. Ауэзова «Путь Абая» прежде всего относится то, что он неукоснительно следовал этим принципам.

В рецензируемой работе на основе сопоставления описанных в романе реальных событий и фактов с запечатленными в первоначальных опросных записях писателя показано, как Мухтар Ауэзов, не нарушая самого существа исторической правды, порою подходит совершенно по-своему к изображению жизненных явлений. Писатель, создавая образы, исходит из исторических данных, однако художественно дописывает их, включает в сюжет произведения иной раз вымышленных героев, чтобы полнее раскрыть свой идейный замысел. Здесь важно отметить то весьма существенное обстоятельство, что большинство этих данных почерпнуто автором исследования из подлинные уникальные записки самого Мухтара Ауэзова и вводятся в научный обиход впервые. В научной литературе и ранее говорилось (преимущественно на основе слов самого Мухтара Ауэзова) о реальном существовании или выдуманности прототипов тех или иных героев романа «Путь Абая» (Абай, Кунанбай, Абдрахман, Даркембай и др.). Рецензируемая книга проливает свет на этот вопрос, что также следует отнести к ее достоинствам. Автор монографии убедительно показывает, что значение творческого

опыта Мухтара Ауэзова выходит далеко за пределы казахской литературы.

В монографии раскрываются особенности присущего роману-эпопее «Путь Абая» социального историзма. Изображение жизни и быта народа, внутреннего мира своих героев Мухтар Ауэзов органически связывает с поступательным развитием истории, обострением социальных противоречий, зарождением прогрессивных тенденций, многие из которых не утратили актуальности по сей день. И в этом свете вывод автора исследования о том, что Мухтар Ауэзов, художественно изображая эпоху Абая, в некоторых отношениях (описание патриар-

хально-феодалного гнета, межродовой розни и т. д.) сумел предвосхитить многие положения исследований современных историков, глубоко проникнуть в суть исторических явлений и процессов — нам представляется совершенно обоснованным и справедливым.

Монография Л. М. Ауэзовой наглядно свидетельствует о плодотворности сочетания исторического и литературоведческого подхода к явлениям современной исторической художественной литературы.

З. А. Ахметов

А. С. САФАЕВ. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1977, 142 стр.

В отличие от формально-грамматического анализа структуры предложения в рецензируемой монографии рассматривается семантико-синтаксическое его членение с точки зрения функционального синтаксиса.

Книга включает введение и пять глав. Главная концепция автора особенно полно изложена в первой главе, где говорится о синтаксической конструкции, выступающей в качестве основной структурной единицы при семантико-синтаксическом членении предложения. Синтаксическая конструкция содержит два компонента: поясняющий и поясняемый. Оба они не стабильны как по своей структуре, так и по семантическому наполнению слова и словосочетания. Наиболее типичными и распространенными являются синтаксические конструкции, состоящие из сочетания двух знаменательных слов, часто лексико-грамматически связанных.

В роли синтаксической конструкции может выступать и отдельное слово, функционирующее как синтаксема и способное выражать своей структурой логико-грамматические отношения; например, отношение субъекта и его действия (*keldim* 'я пришел'), отношение субъекта и его номинативно-предикативной оценки (*mechanizator pap* 'я механизатор'), отношение субъекта и объекта принадлежности (*kitobim* 'моя книга', *kelganim* 'мое прибытие') и т. п.

В зависимости от количества знаменательных слов, составляющих синтаксические конструкции, последние могут быть

классифицированы как одночленные (однословные), двучленные и многочленные. Кроме того, автором дана также классификация самостоятельных и несамостоятельных синтаксических конструкций, по функции компонентов, по способу их синтаксической связи и по трансформационным вариантам.

Установление и членение синтаксической конструкции начинается с предложения. Само предложение как семантико-синтаксическую структурную единицу А. С. Сафеев считает синтаксической конструкцией и делит его первоначально на два компонента: поясняющий и поясняемый. Затем один из выделенных компонентов рассматривается как синтаксическая конструкция и вновь членится на поясняющий и поясняемый компоненты. Последние также подвергаются дальнейшему членению, и так до тех пор, пока семантико-синтаксическое строение компонента не утрачивает логико-грамматических связей.

Автор сопоставляет и иллюстрирует членение одного и того же предложения на формально-грамматические и семантико-синтаксические элементы. С этой целью он приводит следующий пример из русского языка: «Мы увидели большой старый деревянный дом». При формально-грамматическом членении устанавливаются следующие сочетания членов предложения: 1) «Мы увидели»; 2) «увидели дом»; 3) «большой дом»; 4) «старый дом»; 5) «деревянный дом».

При семантико-синтаксическом членении того же предложения выделяются синтаксические конструкции, каждая из которых состоит из поясняющего и поясняемого компонентов, сохраняющих между собою конкретное и полное смысловое взаимоотношение (знаком + обозначается граница между компонентами): 1) «Мы + увидели большой старый деревянный дом»; 2) «увидели + большой старый деревянный дом»; 3) «большой + старый деревянный дом»; 4) «старый + деревянный дом»; 5) «деревянный + дом».

Сравнение этих двух способов членения указывает на то, что в первом случае элементы лишены конкретной смысловой полноты и членение предложения чисто формальное; во втором же случае более точно учитывается конкретное значение каждого из компонентов и сохраняется смысловая наполненность выделенных элементов предложения.

Еще рельефнее это обнаруживается при членении конструкций типа: *Maişij xizmat+ıjı* 'Дом+бытового обслуживания'. (Трудно построить формально такие сочетания, как *xizmat ıjı* 'дом обслуживания').

Как поясняющий, так и поясняемый компонент синтаксической конструкции может состоять из одного слова, сочетания слов, а иногда и из морфемы — составного элемента слова (синтаксемы).

На основании такой схемы членения предложения во второй, третьей и четвертой главах работы рассматривается структура второстепенных членов предложения.

Большой интерес представляет пятая глава книги. Здесь описываются грамматически лексикализованные комплексы слов. Они могут выступать в роли определения,

подлежащего, сказуемого и других второстепенных членов.

Приводятся примеры, иллюстрирующие динамику функционирования такого комплекса слов, который грамматически лексикализован в определенном языковом окружении и не может быть подвержен разложению на отдельные слова без нарушения данного конкретного смысла: 1) *fartukı bog terimcılar* 'сборщики, имеющие фартуки' (определение); 2) *fartukı borlar pahta terişga boşladılar* 'начали сбор хлопка те, которые имеют фартуки' (подлежащее); 3) *fartukı borlarga ajting* 'передайте тем, кто имеет фартуки' (дополнение) и т. п.

Семантико-синтаксический подход к анализу структуры предложения открывает новые перспективы в его изучении и требует пересмотра отношения к членению как простого, так и сложноподчиненного предложения в тюркских языках. Семантико-синтаксический метод членения может быть использован при анализе предложений и в других языках, например, в русском. Следовательно, данная концепция и сам метод изучения применимы не только к тюркским языкам, а имеют общелингвистическое значение.

Работа не лишена и некоторых недостатков: нет четкого разграничения понятий члена предложения и компонента синтаксической конструкции; высказанная автором точка зрения относительно неполной предикативности сочетаний — названий субъекта и предиката требует более веской аргументации.

Указанные недочеты, разумеется, не умаляют общего значения этого оригинального исследования в области научного синтаксиса.

Ф. Р. Зейналов

«TURCICA. REVUE D'ÉTUDES TURQUES», Т. IX/2—X, PARIS—STRASBOURG, 1978

Вышел в свет объединенный IX/2—X том международного тюркологического ежегодника «Turcica». Сборник открывается некрологом Александра Поповича, посвященным памяти югославского ориенталиста Хасана Калеша (1922—1976). Хасан Калеша, автор много-

численных работ по проблемам лингвистики балканских языков, истории и истории культуры народов Югославии, а также ряда переводов произведений с арабского и турецкого, внес весомый вклад в развитие востоковедческих исследований в Югославии.

Статья Н. Белдичану и И. Белдичану-Штайнерр «Культура риса в Османской империи (XIV—XV века)» посвящена разбору специфики статуса производителей риса в Османской империи, которые были поставлены в особые условия, отличные от условий существования других категорий крестьян, занимавшихся производством зерновых культур. На основе изучения материалов, хранящихся в стамбульском архиве *Başvekalet Arşivi*, авторы статьи прослеживают также состояние производства риса в Османской империи в XIV—XV веках. К статье приложен текст и перевод на французский язык двух документов из *Başvekalet Arşivi*.

В статье «Существовал ли поэт Серви Боснави?» ее автор А. Попович на основании тщательного изучения рукописей «Тезкере», составленного Эсрамом Деде, приходит к выводу, что поэта под таким именем, о котором И. Хаммер говорит как о выходе из Боснии, на самом деле не существовало. По мнению А. Поповича, И. Хаммер, пользовавшийся в своей работе текстом Венской рукописи, допустил ошибку в чтении, которую вслед за ним повторили многие другие исследователи. А. Попович приводит имя поэта *Серви* и указывает, что этот поэт, принадлежавший к дервишескому ордену мевлеви, жил в местечке Бурдур в Малой Азии и умер, предположительно, в 1494 году. К статье приложены три факсимильных текста произведений поэта Серви, выполненных по Венской и Парижской рукописям.

Статья Ц. Керслэйн «„Селим-наме“ Джелаль-заде Мустафы Челеби как исторический источник» посвящена анализу степени достоверности сведений, приводимых автором «Селим-наме», претендующего в своем сочинении на их особую точность. Ц. Керслэйн использовала в своей работе шесть известных ей рукописей сочинения.

В статье Кр. Виллэн-Гандосси дан анализ шифрованных депеш венецианского представителя в Кон-

стантинополе Ветторе Брагадина, относящихся к периоду 1564—1566 годов. Автор статьи оценивает эти документы как источник по истории Османской империи названного периода и подробно комментирует систему шифровки, примененную в каждой из депеш Ветторе Брагадина. К статье приложены три факсимильных текста документов, ключи к их дешифровке, дешифрованный текст, а также текст декрета венецианского «Совета десяти» от 18 августа 1578 года.

И. Белдичану-Штайнерр, М. Бериндеи и Ж. Вайнштейн в своем сообщении, озаглавленном «Предоставление тимара в провинции Требизонд (конец XV века). II», дают перевод целого ряда османских документов, касающихся предоставления тимаров в вилайете Трабзон в связи с переменой их владельцев. Документы датируются 1497, 1498 и 1500 годами. В примечаниях к их тексту комментируются встречающиеся термины. Сообщение завершает краткое послесловие авторов, в котором дается общая характеристика исследуемых документов.

Публикация заметок Ж. Будьера под названием «Заметки по поводу Сирийско-Киликийской кампании. Марашская операция (январь—февраль 1920 г.)» представляет большой интерес как источник по истории Турции периода национально-освободительного движения.

Сообщение И. Ле Ланну «Крушение Османской империи в оценках французской прессы (1918—1923)» посвящено критическому разбору информации, содержащейся во французских газетах в период 1918—1923 годов и освещавшей положение дел в Османской империи в связи с ее фактическим распадом, греко-турецкой войной и кемалистским движением.

За сообщением И. Ле Ланну следует библиография работ, опубликованных в V—VII томах «*Cultura Turcica*» за 1968—1970 годы.

В разделе «Хроника и библиография» помещено сообщение Я. Лан-

дау «Библиография работ по тюркологии, опубликованных в Израиле», заметка Масами Хамада «Библиография работ по тюркологии японских авторов» и обзор М. Х. Сванидзе «К вопросу об исследованиях по истории Турции и Грузии».

Выпуск заключают рецензии: *Луи Базэна* на работу — J. Bastuji. Les relations spatiales en turc contemporain, étude sémantique, Paris, Klincksieck, 1976; *Джеймса Гамилтона* на работу — G. Kara—P. Zieme. Fragmente tantrischer Werke in uigurischer Übersetzung, Berliner Turfantexte VII, Akademie Verlag, Berlin, 1976; *его же* на — K. Röhrborn. Uigurisches Wörterbuch, Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien, Lieferung 1, a-agrig, Wiesbaden, 1977; *Ж.-П. Ру* на исследование — J. Cuisenier. Economie et parenté. Leurs affinités de structure dans le domaine turc et dans le domaine arabe, Paris—La Haye, 1975; *его же* на сборник — «Quatrième congrès international d'art turc». Université de Provence. Études historiques, 3, 1976; *Р. Дора* на исследование — M. Centlivres-Demont. Popular art in Afghanistan: paintings on trucks, mosques and tea-houses, Graz, 1976; *А. Гёкалла* на книгу — P. Boratav. Contes de Turquie, Paris, 1977; *М. Никола* на сборник — I. Başgöz, A. Tietze, Bilmece: a corpus of Turkish riddles, Berkeley-Los Angeles—London, 1973; *ее же* на исследование — M. And. La peinture miniature turque. La période ottomane, Ankara, 1976; *ее же* на перевод романа — S. Ali. Youssouf le Taciturne, Paris, 1977; *П. Н. Боратава* на исследование — H. Özdemir. Die altosmanischen Chroniken als Quelle zur türkischen Volkshunde, Freiburg/Breisgau, 1975; *П. Настурел* и *Н. Белдицану* на — P. Schreiner. Die byzantinischen Kleinchroniken. 1. Teil: Einleitung und Texte, Vienne, 1975. 2. Teil: Historischer Kommentar, Vienne, 1977; *Н. Белдицану* на — D. Bojanić. Fragmenti Zbirnog Vidinskog sangaka iz 1466 godine; Fragmenti opširnog popisa Vidinskog

sangaka iz 1478—81 god. «Mešovita građa», t. II, Belgrade, 1973; Idem, Vidin i vidinskijat sandžak prez 15—16 vek, Sofia, 1975; M. Berindei, M. Kalus-Martin, G. Veinstein. Actes de Murad III sur la region de Vidin et remarques sur les «qanun» ottomans. «Südost-Forschungen», t. XXXV, Munich, 1976; *его же* на монографию — J. E. Woods. The Aqqyunlu: clan, confederation, empire. A study in 15th/9th century turko-iranian politics, Minneapolis—Chicago, 1976; *его же* на статьи — B. A. Cvetkova. Vie économique de villes et ports balkaniques aux XVe et XVIe siècles, «Revue des études islamiques», t. XXXVIII/2, Paris, 1970; Idem. Actes concernant la vie économique de villes et ports balkaniques aux XVe et XVIe siècles dans revue citée, t. XL/2, 1972; t. XLIII/1, 1975; *его же* на — R. Humbsch. Beiträge zur Geschichte des osmanischen Ägyptens nach arabischen Sultans — und Statthalterurkunden des Sinaiklosters, Islamische Untersuchungen, t. XXXIX, Freiburg im Breisgau, 1976; *его же* на книгу — K. Kreiser. Edirne im 17. Jahrhundert nach Evliya Çelebi. Ein Beitrag zur Kenntnis der osmanischen Stadt, Islamische Untersuchungen, t. XXXIII, Freiburg im Breisgau, 1975; *его же* на исследование — H. J. Kornrumpf. Die Territorialverwaltung im östlichen Teil der europäischen Türkei vom Erlass der Vilayetsordnung (1864) bis zum Berliner Kongress (1878) nach amtlichen osmanischen Veröffentlichungen, Islamkundliche Untersuchungen, t. XL, Freiburg im Breisgau, 1976; *Р. Олсона* на монографию — Ç. Orhonlu. Osmanlı İmparatorluğunun güney siyaseti. Habeş Eyaleti, İstanbul, 1974; *А. Беннингсена* на — J. Matuz. Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen—Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchen, Freiburg, Islamkundliche Untersuchungen, Band 37, 1976; *Ж. Обэна* на — «Türk-Macar kültür münasebetleri ışığı altında», II. Râkôdzi Ferenc ve Macar mültecileri sempozyumu, İstanbul,

- 1976; Ж.-Л. Бакэ-Граммона на — W. Müller-Wiener. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion—Konstantinopolis—Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, Tübingen, 1977; *его же* на — (H. G. Yurdaydın), Nasūhü's — ilāhi: (Matrakçı), Beyān-i menāzil-i sefer-i 'Irakeyn-i Sultan Süleymān Hān, Ankara, 1976; *его же* на — I. Soysal, M. Eren. Türk incelemeleri yapan Kuruluşlar (kılavuz), Ankara, 1977; П. Дюмона на книгу — G. Renda. Batılılaşma döneminde türk resim sanatı 1700—1850, Ankara, 1977; *его же* на — J. Thobie. Intérêt et impérialisme français dans l'Empire ottoman (1895—1914), Paris, 1977, *его же* на — I. Tekeli. S. Ilkin, 1929 dünya buhranında Türkiyenin iktisadi politika arayışları, Ankara, 1977.

И. Е. Петросян

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ЯЗЫКИ И ТОПОНИМИЯ АЛТАЯ»

21—22 марта 1979 года в Барнауле состоялась Всесоюзная научная конференция «Языки и топонимия Алтая», организованная Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, Топонимической комиссией Алтайского филиала Географического общества СССР, кафедрой русского языка Алтайского государственного университета.

В работе конференции приняли участие академические учреждения: Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР, Институт языкознания Академии наук Казахской ССР, Алтайский филиал Географического общества СССР, Лаборатория экологии Института географии Сибирского отделения Академии наук СССР; университеты: Алтайский, Кемеровский, Ленинградский, Новосибирский, Ташкентский, Томский, Уральский; педагогические институты: Барнаульский, Бийский, Горно-Алтайский, Горьковский, Кокчетавский, Московский им. В. И. Ленина, Омский, Тамбовский, Ташкентский, Томский; Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, Омский ветеринарный институт, Бийский краеведческий музей.

Программа конференции, кроме двух пленарных заседаний, включала также работу четырех секций: 1) Топонимия Алтая, 2) Тюркские языки Алтая, 3) Русский язык на Алтае, 4) Немецкий язык на Алтае.

На состоявшемся 21 марта пленарном заседании было заслушано пять докладов, освещавших различные аспекты круга проблем, стоящих перед исследователями языков и топонимии Алтая.

Доклад Ю. С. Булыгина (Алтайский университет) был посвящен истории заселения Алтая. Проследив хронологию заселения Алтая, докладчик отметил относительно позднее появление там русских.

А. М. Малолетко (Алтайский университет) в докладе «Топонимия Алтая как ис-

точник изучения его древней истории» рассмотрел алтайские названия рек, оканчивающиеся на *-кем/-хем/-гем*, и указал на их иранское происхождение. Проанализировав ряд других топонимов Алтая, докладчик связал их образование с волной ранних кочевников «скифов», переселившихся в VI—IV веках до нашей эры (в эпоху раннего железа) из Передней Азии и Кавказа и осевших на Алтае.

В докладе «Проблема взаимодействия языков в топонимии Алтая» И. А. Воробьева (Алтайский университет) уделила особое внимание необходимости параллельного изучения сибирской топонимической стратиграфии и взаимодействия языков на топонимическом материале. Автор подчеркнула важность не только выяснения влияния предшествующей топонимии на более позднюю русскую, но и изучения восприятия русских названий коренным населением. Такая нетрадиционная постановка вопроса открывает новые возможности для выявления закономерностей отбора и упрочения географических названий, а также передачи их от народа к народу.

Проблемам исторического изучения лексики русских говоров Сибири и немецких диалектов Алтая посвящались доклады В. В. Палагиной (Томский университет) и Г. Г. Едиг (Томский пединститут).

На двух заседаниях секции «Тюркские языки Алтая»¹ (председатель — Е. И. Убрятова) было заслушано десять докладов о различных аспектах исследований звуковых систем тюркских языков. Доклады Е. И. Убрятовой, В. М. Надеяева и И. А. Оглоблина носили общетеоретический характер, остальные доклады были посвящены конкретным вопросам тюркской фонетики.

Е. И. Убрятова (ИИФФ СО АН СССР) в докладе «Долгие гласные в тюркских языках Сибири» изложила точку зрения

¹ В информации в соответствии с профилем журнала освещается работа только одной секции — «Тюркские языки Алтая».

О. Бётлингк, В. В. Радлова, Л. Н. Харитонов на происхождение долгих гласных в тюркских языках. Уточнив данные Л. Н. Харитонova о количестве основ с долгими гласными в корневом слове и подтвердив его вывод об отсутствии первичных долгих в якутском языке, Е. И. Убратова отметила правомерность предположения Л. Н. Харитонova об образовании долгих гласных на якутской почве.

В докладе И. А. Оглоблина (Барнаульский пединститут) «Сингармонизм как фонологическая проблема» рассматривался один из важнейших вопросов звукового строя тюркских языков. Докладчик интерпретировал сингармонизм как суперсегментное явление, выполняющее в языке и коммуникативную, и делимитативную функции. Вместе с тем он выступил против общепринятой концепции двухсистемности тюркского вокализма, доказывая на материале хакасского языка, что признаки ряда, подъема и огубленности фонологически существенны не только для гласных первых, но и для гласных непервых слогов.

Г. Г. Фисакова (Кемеровский университет) в докладе «Основные особенности консонантизма бачатско-телеутского языка» остановилась на характерных особенностях согласных языка бачатских телеутов, касающихся как состава согласных фонем, так и их своеобразия, проявляющегося, например, в различии шумных согласных по звонкости—глухости в зависимости от комбинаторно-позиционных условий (в интервокальном положении). Фонетика бачатско-телеутского языка отличается от алтайского и других тюркских языков Сибири проявлением ассимиляции согласных, явлением метатезы, выпадением согласных и стяжением комплексов.

Доклад В. А. Исакова (Барнаульский пединститут) «Система гласных алтайского, русского и английского языков в связи с методикой преподавания» был посвящен педагогической фонологии, в основу которой положен принцип педагогической целесообразности избранной формы изложения при фонологическом анализе. Полученные результаты фонологического сопоставления разнотемных языков важны для выявления причин и предупреждения появления характерных произносительных ошибок у студентов алтайской национальности, обучающихся английскому языку на специальном факультете.

В докладе В. М. Наделяева (ИИФФ СО АН СССР) «К типологии артикуляционных баз» рассматривался вопрос об артикуляционной базе как одном из возможных исторических источников выявления этногенетических процессов. При этом артикуляционная база понимается докладчиком не как совокупность артикуляционных настроек, а как их исторически обусловленная система, свойственная этносу, а через этнос —

и языку. В докладе был дан перечень компонентов артикуляционных баз и сделаны некоторые типологические обобщения относительно этих баз в языках и диалектах Сибири.

Обобщения и выводы докладчика были основаны на большом экспериментально-фонетическом материале, собранном, обработанном и проанализированном сотрудниками и аспирантами Лаборатории экспериментальной фонетики Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, много лет работающими над коллективной темой «Фронтальное исследование звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов». Фрагментами этого коллективного исследования и были остальные пять докладов, прочитанных на заседании секции.

И. Я. Семютина (ИИФФ СО АН СССР) в докладе «Ртовые согласные четвертой артикуляции в языке кумандинцев» на основе дистрибутивного и морфологического анализа кумандинских словоформ и словосочетаний выделила три ртовые согласные фонемы четвертой артикуляции, системные отношения между которыми были установлены в результате анализа экспериментальных дентопалатографических, рентгенографических и пневмоосциллографических данных по качественным и количественным характеристикам реализаций этих фонем. Фонема [x] определялась ею как шумная краткая, в отличие от шумной долгой фонемы [x:]; фонема [y] квалифицировалась как сонорная долготонейтральная.

В. Н. Кокорин (ИИФФ СО АН СССР) в докладе «Состав гласных в языке чалканцев» на основе морфологического и дистрибутивного анализа с привлечением аудитивных данных выделил в звуковой системе языка чалканцев (народности, населяющей северные районы Горного Алтая) пятнадцать гласных фонем: [a], [a:], [ə], [ə:], [ɔ], [ɔ:], [v], [v:], [e], [e:], [i], [Ø], [Ø:], [y], [y:]. Как и в большинстве тюркских языков, гласные языка чалканцев делятся на группу твердоядных (8 фонем) и мягкорядных (7 фонем) с последующим подразделением на гласные широкой и узкой настроек, огубленные и неогубленные. Количественно гласные различаются между собой по длительности.

Н. А. Мандрова (ИИФФ СО АН СССР) в докладе «Реестр согласных фонем в языке чалканцев» дополнила описание звукового состава языка чалканцев, данное в прошлом столетии В. В. Радловым, сведениями о современном составе согласных звуков, сделав попытку системного их описания. Проведенные анализы — морфологический и дистрибутивный с использованием квазимонимов — позволили установить предварительно, до экспериментального исследования, в языке чалканцев пятнадцать согласных фонем с подразделением

их на шумные (группы C_1 и C_2): [p]₁, [t]₁, [s]₁, [ʃ]₁, [tʰ]₁, [q]₁, [p]₂, [t]₂, [s]₂, [ʃ]₂, [tʰ]₂ и сонантные (группа C_3): [m], [n], [l], [r], [j], [ŋ], [ŋ], [y].

С. Ф. Сегленей (ИИФФ СО АН СССР) в докладе «Тувинские переднеязычные по данным рентгенографирования» привела результаты анализа артикуляторных настроек переднеязычных согласных тувинского языка по рентгенограммам в твердоярдной и мягкорядной настройках, определила и дала уточненную фоническую транскрипцию этих звуков.

В сообщении «Артикуляторные настройки гласных мягкого ряда в языке чалканцев» В. Н. Кокорин использовал данные статического рентгенографирования, полученные при съемке гласных мягкого ряда этого языка. Артикуляторные настройки были определены им по следующим параметрам: максимальный подъем спинки языка над линией прикуса, индекс наиболее поднятой части спинки языка, индекс ее проекции на твердое нёбо, глубина медиального прогиба, передняя граница ротового резонатора, степень огубления и выброса губ. Все эти данные позволили докладчику уточнить фоническую транскрипцию мягкорядных звуков.

На заключительном пленарном заседании Е. И. Убрятова выступила с сообщением «Об общем состоянии изучения языков народов Сибири». Докладчик подчеркнула, что современные исследователи языков аборигенов Сибири являются преемниками большого и важного дела, начатого В. В. Радловым и продолженного выдающимся лингвистом, автором монографии «Кетский язык» А. П. Дульзоном, который развил и углубил идеи, выдвинутые своим предшественником, привлек к разработке лингвистической проблематики внимание исследователей и подготовил учеников из числа преподавателей иностранных языков вузов Сибири.

Об итогах работы горно-алтайских лингвистов и задачах дальнейших исследований

сообщила М. Ч. Чумакаева (Горно-Алтайск).

На заключительном пленарном заседании были также подведены итоги работы конференции и принято решение.

Конференция «Языки и топонимия Алтая» отметила плодотворную работу Отдела филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР по изучению алтайского языка на всех уровнях языковой системы, особенно на фонетико-фонологическом, в сопоставлении с другими языками. Была одобрена большая работа, проведенная Омским педагогическим институтом по изучению двуязычия советских немцев на Алтае, а также инициатива Алтайского государственного университета в области изучения топонимии и диалектов Алтая.

Основным недостатком в разработке языковедческих проблем на территории Алтая конференция признала разобщенность научных сил. Поэтому Алтайскому университету были даны следующие рекомендации: усилить интенсивность сбора полевого топонимического материала, больше уделять внимания его интерпретации, шире привлекать к топонимическому изучению богатые фонды государственного архива и другие исторические документы; объединить усилия диалектологов алтайских вузов для описания русских говоров Алтая, выявления их членения, изучения их истории и создания диалектного словаря; считать желательным создание при Омском педагогическом институте координирующего центра по изучению немецких диалектов Западной Сибири; расширить круг исследуемых тюркских языков за счет тюркских языков Алтае-Саянского нагорья.

В резолюции указана необходимость регулярного проведения подобных конференций. Следующую конференцию намечено провести через 3—4 года вновь в Барнауле.

И. Я. Селютина

«ИССЛЕДОВАНИЯ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ»

4—6 апреля 1979 года в Новосибирске состоялась I Всесоюзная конференция «Исследования звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов», организованная Лабораторией экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) Института

истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (ИИФФ СО АН). В работе конференции приняли участие 75 языковедов-фонетистов из Новосибирска, Томска, Якутска, Улан-Удэ, Кызыла, Абакана, Горно-Алтайска, Кеме-

рово, Новокузнецка, Барнаула, а также из Москвы, Ленинграда, Таллина, Казани, Алма-Аты, Ташкента, Ашхабада, Фрунзе. На конференции присутствовали также ученые Института языка и литературы Академии наук Монгольской Народной Республики.

Конференция подвела итоги десятилетней работы ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР и фонетических лабораторий научных институтов и вузов Сибири по изучению звуковых систем сибирских языков и наметила задачи на ближайшее пятилетие.

На шести заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 52 доклада по следующим проблемам: 1) звуковой состав языков и диалектов Сибири в синхронии и диахронии — 39 докладов; 2) акцентуация (словесная, синтагматическая и логическая) — 6 докладов; 3) интонация — 4 доклада; 4) тональность — 1 доклад; 5) силабика — 1 доклад.

Общим и частным вопросам тюркской фонетики были посвящены 32 доклада.

Были также заслушаны сообщения ведущих фонетических лабораторий — ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР (Новосибирск), Лаборатории экспериментальной фонетики Бурятского института общественных наук Бурятского филиала (ЛЭФ БИОН БФ) СО АН СССР (Улан-Удэ), Лаборатории экспериментально-лингвистических исследований Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутского филиала (ЛЭЛИ НИИЯЛИ ЯФ) СО АН СССР (Якутск), Фонетической лаборатории Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Лаборатории экспериментальной фонетики Хакасского педагогического института (Абакан). Об экспериментально-фонетических исследованиях, проводимых в Монголии, сообщил ученый секретарь Института языка и литературы Академии наук МНР.

Конференцию докладом «Якутский вокализм в историческом аспекте» открыла ведущая отделом филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР Е. И. Убрятова (Новосибирск). Сопоставив данные О. Бёлингга, В. В. Радлова, Л. Н. Харитонова, Н. Д. Дьячковского с новыми материалами, Е. И. Убрятова показала непрерывность долгих гласных в якутском языке.

Н. Ш. Широкова (Новосибирск) выступила с докладом «Соответствия твердоядных и мягкорядных гласных в сибирских тюркских языках по данным „Диалектологического атласа тюркских языков СССР (ДАТЯ)“». Докладчик выделяет в сибирской зоне три ареала: 1) зона, в которой твердоядные гласные соответствуют мягкорядным гласным других тюркских языков $\text{v} \sim \text{ipek}$; $\text{oys} \sim \text{ogys}$ (якутский, долганский языки); 2) зона, где отмечаются изменения твердоядных вариантов в мягкорядные (все языки Южной Сибири, кроме ту-

винского); 3) тувинский язык, для которого, по материалам «Вопросника», не характерно изменение твердоядных в мягкорядные. Переходы твердоядных $\text{v} > \text{i}$ вариантов в мягкорядные $\text{a} > \text{ä}$ и $\text{y} > \text{i}$ имеют разные зоны распространения, так как вызваны различными причинами. Общая тенденция — количество мягкорядных вариантов возрастает по направлению с востока на запад.

В. М. Надеяев (Новосибирск) в докладе «Уточнения в артикуляционной классификации звуков», опираясь на обширный экспериментальный материал, внес существенные уточнения в артикуляционную классификацию гласных и согласных звуков, разработанную академиком Л. В. Щербой. Докладчик выделил дополнительные группировки согласных (межзубноязычные, надгортанниковые), уточнил группировки сложных согласных и характеристику по пассивным речевым органам, введенную в качестве обязательного элемента в классификации согласных. В основу построения классификационной таблицы гласных докладчиком положен векторный принцип — направленность движения активной части языка и мера ее продвижения; выявлен еще один основной ряд в настройках гласных — центральнозадний, определяемый работой межзубной части языка; внесены уточнения в градацию ступеней подъема гласных смешанного ряда; практически подтверждено существование теоретически предсказанного Л. В. Щербой центрального ряда гласных, определяемого средней частью языка, векторно направленной на пограничную зону твердого и мягкого нёба. В. М. Надеяевым были дополнены также соответствующей символической и диакритической таблицы артикуляционной классификации гласных и согласных.

Д. Г. Тумашева (Казань) в докладе «Формирование вокализма татарских диалектов Сибири» показала на большом фактическом материале, что вокализм татарских диалектов Сибири складывался в процессе взаимодействия исконной и поволжско-татарской систем гласных, причем решающая роль принадлежала передвижению гласных. К настоящему времени в тобольно-иртышском диалекте сложился вокализм поволжско-татарского типа, в барабинском — смешанный (кыпчакского типа), в томском — сосуществуют обе системы.

В докладе Х. Х. Салимова (Казань) «Вокализм барабинского диалекта татарского языка (по данным спектрального анализа)» были изложены результаты исследования формантной структуры гласных барабинского диалекта в сравнении со спектрами гласных татарского литературного и некоторых других языков. Экспериментальное исследование показало, что барабинские гласные [a], [æ], [i], [ɛ], [ɜ], [e] по своим спектральным характеристикам близки к однотипным гласным казахского языка. Однако под влиянием языка казанских татар барабинский вокализм заметно сдвинут в сторону татаро-башкирского вокализма,

что нашло отражение в совпадении спектров гласных [e], [i], [o], [a] с однотипными гласными татарского языка.

Н. Н. Дьяковский (Якутск) в докладе «О расширении дистрибуции согласных в якутском языке под иноязычным влиянием» отметил, что якутский язык в своем историческом развитии испытал сильное влияние языков иной типологии (монгольских, тунгусо-маньчжурских, русского). В области консонантизма это явление проявилось в значительном изменении состава фонем в сравнении с другими тюркскими языками, что, естественно, вызвало смещение и перераспределение их фонологических функций, а также активизацию существовавших ранее согласных в новых или слабых для них позициях.

Результатам рентгенографического анализа долганских долгих твердоядных гласных было посвящено сообщение **Т. М. Кошверовой** (Томск) «Долганские долгие твердоядные гласные по данным рентгенографирования». Тщательное скрупулезное исследование настроек долганских гласных позволило докладчику прийти к выводу, что так называемые заднеязычные гласные, свойственные другим тюркским языкам, в долганском языке существенно продвинуты вперед и, следовательно, определяются как центральнозаднеязычные.

Оживленный обмен мнениями вызвал доклад **А. Джунисбекова** (Алма-Ата) «Состав гласных фонем в казахском языке», в котором докладчик предложил уточнить количество и акустико-артикуляторные характеристики традиционно выделяемых для казахского вокализма девяти фонем монофтонгов. Осциллографический, рентгенографический и спектрографический анализ, а также исследования по восприятию позволили автору выделить шесть гласных монофтонгов: [a], [ā], [y], [i], [u], [ū]. Так называемые широкие гласные монофтонги [e], [o], [ō] представляют собой фонетически сложные звуки, первый компонент которых — сонант [j] или [w], а второй — монофтонги верхнего подъема [i], [u], [ū] (в транскрипции [ji], [wu], [wū]).

Т. Талипов (Алма-Ата) в докладе «К вопросу о возможной интерпретации качественной модификации узких гласных ауслаута в тюркских языках», раскрывая причину происхождения явления расширения ауслаутных узких гласных, высказал предположение, что нейтрализация фонологических корреляций узких гласных по признакам ряда и подъема связана с репласацией древнетюркского ударения. Вследствие изменения в перераспределении силы и других компонентов словесного ударения могли образоваться не только множество слов с лабиально-дисгармонической формой типа уйг. *бора* и *түлкә*, но и соответствующие огласовки формы исходного падежа как в уйгуро-огузских диалектах, так и в других древнетюркских языках Поволжья и Сибири.

Доклад **Ш. Ч. Сага** (Кызыл) был посвящен «Фонетическим особенностям терехольского говора тувинского языка». Такие фонетические характеристики говора, как отсутствие фарингализованных гласных, соответствие кратких гласных долгим гласным литературного языка, наличие назализованных гласных на месте чистых в литературном языке, употребление в интервокальной позиции глухих [-т-], [-с-], [-ш-], [-х-] и другие особенности позволили автору определить терехольский говор как переходный по отношению к северо-восточным и юго-восточным диалектам тувинского языка.

К. А. Бичелдей (Кызыл) в докладе «Назализованные гласные современного тувинского языка» рассмотрел два вида назализации: обусловленную и необусловленную. В отличие от обусловленной полной или частичной назализации, вызванной влиянием соседних сонорных носовых согласных и являющейся оттенковым признаком кратких, долгих и фарингализованных гласных, в современном тувинском языке имеются также необусловленные долгие назализованные гласные, происхождение которых связано исторически с выпадением интервокальных носовых сонорных в процессе образования вторичных долгот. Необусловленная назализация охватывает всю группу долгих гласных и является их дифференциальным признаком, что позволяет выделить в современном тувинском языке не 24, а 32 гласные фонемы.

С. Ф. Сегленей (Новосибирск) в сообщении «Тувинские среднеязычные согласные» информировала участников конференции о проведенном ею анализе и сделанных обобщающих выводах по артикуляционному настройкам реализации всех среднеязычных фонем в тувинском языке, проиллюстрировав сообщение расшифрованными рентгенограммами этих звуков.

М. Б. Мартан-оол (Москва) в сообщении «Явление аспирации в диалектах тувинского языка в ареальном освещении» подчеркнула необходимость проведения ареальных разработок аспирации одного из важнейших фонетических признаков, по которым классифицируются территориальные диалекты тувинского языка. Ареальные разработки позволяют установить характер протяженности изоглоссы «аспирация», источник радиации ее, а также зоны затухания на тех или иных территориях исследуемого региона.

Д. Ф. Патачакова (Абакан) в докладе «Чередование и звуковые соответствия в консонантизме хакасского языка» рассмотрела два вида звуковых изменений в подсистеме хакасских согласных. Докладчик к живому, продуктивному, регулярному процессу перехода одних согласных в другие, называемому ею «чередованием», относит в хакасском языке переход конечных глухих согласных в соответствующие звонкие. Второй тип сопоставляемых согласных по характеру проявления характеризуется по-

нятием «звуковое соответствие», широко распространенным в тюркском языкознании. Работа по сбору и обработке материалов для «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» позволила докладчику пополнить перечень звуков, образующих соотносительные пары или цепь соотносительных согласных.

М. М. Исабеков (Абакан) выступил с докладом «Из опыта исследования длительности гласных в хакасском языке», в котором изложил результаты экспериментально-фонетического обследования хакасского вокализма. По мнению докладчика, в хакасском языке существует не девять, а восемь кратких гласных фонем.

Сообщение К. Ф. Радионовой (Абакан) «Консонантизм шорского диалекта хакасского языка» было посвящено критическому анализу работ по этому вопросу предшествующих хакасоведов. Докладчиком вносятся уточнения в состав согласных фонем шорского диалекта хакасского языка и ставится задача исследовать его консонантизм экспериментально-фонетическим методом.

И. А. Оглоблин (Барнаул) посвятил свой доклад «Модификации гласных фонем хакасского языка под влиянием согласных разного места образования». Путем наложения рентгенограмм сопоставляемых гласных и определения точек наивысшего подъема языка докладчику удалось выявить две зоны разброса уровней подъема языка: 1) для гласных с препозитивным переднеязычным согласным; 2) для гласных с препозитивным губным, заднеязычным либо увулярным согласным.

М. Ч. Чумакаевой (Горно-Алтайск), выступившей с докладом «Алтайские центральные переднеязычные s и $\dot{s}$ », на основании анализа экспериментального материала, учета показаний информантов и аудиовизуальных наблюдений над объектом исследований удалось выделить в подгруппе алтайских шумных согласных долгие фонемы $[s:]$ и $[\dot{s}]$ наряду с ранее установленными автором долгими $[p:]$, $[t:]$, $[t']:]$ и $[k:]$. Таким образом, в подсистеме алтайских шумных согласных выделяются четыре краткие фонемы — $[p]$, $[t]$, $[t']$, $[k]$ и шесть долгих — $[p:]$, $[t:]$, $[t']:]$, $[k:]$, $[s:]$, $[\dot{s}]$.

В докладе И. Я. Селютиной (Новосибирск) «Кумандинский консонантизм в фонологическом аспекте» говорилось о том, что докладчику путем дистрибутивного, функционального и артикуляционно-акустического анализа удалось установить подсистему кумандинских согласных из 17 фонем, распадающихся на шумные (9 фонем) и малозумные (8 фонем). В группе шумных выявлены три подгруппы: 1) три фонемы — $[p]$, $[t]$, $[k]$ четко выделяются по временной характеристике как краткие; 2) три фонемы — $[p:]$, $[t:]$, $[k:]$, попарно гомогранные предыдущим трем фонемам,

определяются как долгие; 3) три фонемы — $[s]$, $[j]$, $[t']]$ — реализуются в оттенках с временной характеристикой в большом разбросе — от предельно кратких до предельно долгих. Таким образом, характеристика времени для последних нерелевантна, что является основанием для определения фонем $[s]$, $[j]$, $[t']]$ как долго-но-неопределенных. Малозумные согласные $[l]$, $[r]$, $[i]$, $[y]$, $[m]$, $[n]$, $[n']$, $[ŋ]$ также характеризуются как долго-но-неопределенные.

Н. А. Мандрова (Новосибирск) в докладе «Чалканские согласные четвертой артикуляции» информировала собравшихся, что, впервые применив метод рентгенографического исследования чалканских согласных, ей удалось установить следующее: 1) мягкорядные реализации фонемы $[k]$ — межуточнорядные заднетвердонёбные смычные ротовые; твердорядные — увулярные предельнозаднерядные смычные ротовые; 2) твердорядные и мягкорядные оттенки фонемы $[y]$ по артикуляторным настройкам существенно не различаются; они определяются как межуточнорядно-переднеязычные щелевые ротовые; 3) локус образования репрезентаций фонемы $[ŋ]$ также не меняется в зависимости от рядности сло-воформы; реализации фонемы $[ŋ]$ определяются как заднеязычные мягконёбные смычные носовые.

В. Н. Кокорин (Новосибирск) в докладе «Артикуляторные настройки гласных мягкого ряда в языке чалканцев» сообщил, что он проанализировал данные статического рентгенографирования по методике, разработанной В. М. Наделяевым, и установил: а) все чалканские мягкорядные гласные являются переднерядными, в основном слабоили умеренноотодвинутыми; б) звуки подразделяются по ступеням, что обуславливает их различие при опоре на слуховое восприятие; в) все звуки — неназализованные; г) для звука y характерно большее, чем для $ø$, огубление; д) гласные звуки, произнесенные разными дикторами, по настройкам в основном совпадают; е) различия, имеющиеся в настройках, обусловлены индивидуальными особенностями в речевых аппаратах дикторов.

Доклад В. А. Исакова (Барнаул) «Сопоставительный анализ консонантизма английского и алтайского языков» был посвящен проблеме использования экспериментальной фонетики в методике преподавания русского и иностранных языков в национальной аудитории. Анализ показал, что системы согласных звуков английского и алтайского языков различаются не только количественно благодаря наличию специфических фонем, но и по дифференциальным признакам, положенным в основу классификаций в этих языках. Констатируя наличие сходных дифференциальных признаков для рассматриваемых систем, автор отмечает, что сходство во многих случаях является относительным.

Г. Г. Фисакова (Кемерово), выступившая с докладом «Состав гласных фонем в языке бачатских телеутов», сообщила, что ею установлены качественно-количественные характеристики гласных фонем при помощи следующих методов: 1) учет особенностей восприятия гласных носителями языка — отождествление и дифференциация гласных в квазиомониммах; 2) учет особенностей слухового восприятия экспериментатора с предварительным определением качества каждого гласного; 3) проведение морфологического анализа с выделением морфем-монофтонов; 4) проведение дистрибутивного анализа. Докладчику удалось выявить восемь кратких фонем — [a], [e], [ɤ], [i], [o], [ø], [y], [ʏ] и семь долгих — [a:], [e:], [i:], [o:], [ø:], [y:], [ʏ:].

С. А. Атамурзаева (Ташкент) в докладе «Делимитативное и кульминативное средства слова в узбекском языке» остановилась на ударении как основном кульминативном средстве слова в современном узбекском языке. Делимитативную же функцию выполняют: а) в большинстве говоров — остатки лабиального, реже — палатального сингармонизма и еще реже — умлаут; б) словесное ударение, когда оно приходится на последний слог; в) оглушение звонких согласных в ауслаутной позиции; г) локальность моделей консонантных сочетаний и диаметрально противоположность этих моделей в пограничных позициях слова; д) ограниченность позиции одного класса гласных; последний фактор ослаблен в связи с поточным заимствованием слов с гласными в свободной позиции.

А. Махмудов (Ташкент) в докладе «Фонетическая система узбекского литературного языка» сообщил о проведенном им тщательном анализе основных особенностей вокалической и консонантной систем по результатам слухового и экспериментально-фонетического исследования, что позволило ему заключить, что, в отличие от других тюркских языков, современный узбекский литературный язык характеризуется отсутствием сингармонизма и развитием оканья; в фонемной системе его доминирующую роль играет система согласных; долгие и краткие гласные фонологически не различаются; вследствие отсутствия сингармонизма звукоорганизующую роль в слове выполняет ударение.

С. Куренов (Ашхабад) в докладе «Краткие сведения о долгих и кратких гласных туркменского языка и их различительных признаках» проанализировал установленные для туркменской вокалической системы 18 гласных фонем по трем параметрам: длительности, высоте, основного тона, интенсивности и выявил основные закономерности функционирования туркменских гласных, а также их зависимость от ряда фонологических условий.

В докладе **Т. К. Ахматова** (Фрунзе) «Спектральные характеристики гласных киргизского языка» была впервые предпринята попытка определить формантную

структуру киргизских ударных и безударных гласных в двусложных и трехсложных словах, записанных от шести дикторов. Результаты проведенного докладчиком анализа показали: 1) в формантной структуре гласного /a/ главную роль играет полоса частот в диапазоне 1290—1760 гц; 2) для гласных /o/ и /u/ характерно усиление в области низких частот; 3) F-картина гласного /i/ определяется тремя формантами: F₁ — 250—320 гц, F₂—453—640 гц, F₃—4560—5750 гц; 4) гласный /e/ характеризуется двумя областями концентрации энергии; 5) основная энергия при /ö/ концентрируется в области F₁ и F₃; 6) гласный /ü/ имеет четыре форманта; 7) определение формантной структуры гласного /y/ является затруднительным.

Различным аспектам словесной акцентуации в тюркских языках были посвящены доклады **С. С. Татубаева**, **Н. В. Шавловой**, **А. Д. Тяпкина**, **А. В. Кабанова**.

С. С. Татубаев (Алма-Ата) в докладе «Ударение в двусложных и четырехсложных словах казахского языка» говорил о проведенном им детальном анализе экспериментально-фонетических данных, что позволило докладчику установить квантитативный характер казахского ударения; в 75 процентах исследованных двусложных слов длительность гласного второго слога превышала длительность гласных предыдущего слога, что указывает на то, что ударение в казахском языке носит квантитативный характер и локализуется на последнем слоге.

Сообщение **Н. В. Шавловой** (Новокузнецк) «Квантитативный компонент словесного ударения в шорском языке» было основано на данных экспериментального анализа длительности кратких гласных в одно-, дву- и трехсложных шорских словах. Длительность гласных находится в зависимости от типа слогов и от характера последующих согласных. Для двусложных и трехсложных слов характерно сокращение длительности гласных в закрытом слоге по сравнению с открытым. Гласный в абсолютном исходе слова обладает наибольшей относительной длительностью. Данные эксперимента показывают, что длительность является составным компонентом словесного ударения в шорском языке.

А. Д. Тяпкин (Новосибирск) в предварительном сообщении «Словесное ударение в тувинском языке» привел результаты проведенного им анализа экспериментально-фонетических данных с точки зрения выяснения природы, локализации и функции словесного ударения на примере отдельных слов, произнесенных изолированно, вне фразы. Докладчик обосновал использование в качестве критерия ударности величины расхождения между регулярно наблюдаемой минимальной разницей полученных значений параметров речи и дифференциальным порогом восприятия; он предложил также математическую формулу для точного вычисления интервалов тона.

А. В. Кabanов (Абакан) в докладе «Место словесного ударения в современном хакасском языке» определил влияние линейного увеличения слова на место ударения. Приняв за показатель ударности или безударности длительность гласного звука, автор пришел к следующим выводам: 1) по мере линейного увеличения двусложной основы с краткими гласными ударение не переносится на какой-либо из последующих слогов, а фиксируется на гласном аффикса множественного числа; 2) по мере линейного увеличения двусложной основы с долгим гласным последний сохраняет свою долготу. С наращением к такой основе аффикса множественного числа длительность гласного этого аффикса приближается к длительности долгого гласного основы или даже превышает ее, что свидетельствует о появлении второго ударения. В четырех- и пятисложных словах основное ударение переходит на гласный аффикса множественного числа.

И. Е. Алексеев (Якутск) в докладе «Интонация якутских вопросительных предложений» сообщил о части проведенного им большого экспериментально-фонетического исследования ритмомелодики якутского предложения и выявлении обобщенных типов мелодем интеррогативов.

Выступивший на заключительном заседании академик А. П. Окладников (Новосибирск) указал на важность проведения экспериментально-фонетических исследований, результаты которых в совокупности с данными истории, археологии и этнографии проливают свет на сложные этногенетические процессы. А. П. Окладников подвел итоги работы конференции и выразил желание, чтобы подобные конференции стали регулярными.

Конференция констатировала, что по экспериментальным исследованиям звуковых систем языков и диалектов Сибири проделана большая работа. В ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР и в других фонетических лабораториях Сибири обследовались различные аспекты звуковых систем языков: тофского, тувинского, хакасского, алтайского, кумандинского, чалканского, шорского, телеутского, долганского, якутского, чулымско-тюркского; бурятского, монгольского;

эвенкийского; энецкого, ненецкого, иганасанского, селькупского; хантыйского, мансийского; кетского (всего 21 язык и диалект).

Было отмечено также, что пока еще не проводится необходимого экспериментально-фонетического исследования звуковых систем по следующим языкам и диалектам Дальнего Востока: чукотскому, корякскому, юкагирскому, ительменскому, нивхскому, нанайскому, удэгейскому, ульчскому, ороческому, орокскому, негидальскому, эвенскому.

Конференция постановила:

1. Считать целесообразным регулярно — один раз в три-четыре года проводить конференции, посвященные изучению звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов. Поручить организацию следующей, второй, конференции Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФФ СО АН СССР.

2. Поручить ЛЭФИ ИИФФ СО АН и ЛЭЛИ НИИЯЛИ ЯФ СО АН принять организационные меры по охвату экспериментально-фонетическим исследованием языков аборигенов Дальнего Востока.

3. Просить РИСО СО АН СССР включить в план редподготовки 1980 года по издательству «Наука» материалы I Всесоюзной конференции «Исследования звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов».

4. Считать целесообразной предварительную публикацию материалов очередной, второй, конференции в виде кратких сообщений с тем, чтобы основное время на заседаниях посвятить обсуждению напечатанных материалов.

5. Конференция обращает внимание на существенные недостатки в экспериментальном оборудовании ЛЭФИ, не соответствующем статусу ведущей фонетической лаборатории Сибири, и поручает Оргкомитету конференции просить Президиум СО АН СССР о техническом оснащении Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФФ СО АН СССР.

И. Я. С.

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ»

29—31 мая в Алма-Ате проходила научная конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения», организованная Президиумом Академии наук Казахской ССР, Институтом языкознания Академии наук Казахской ССР и Отделом уйгуроведения при этом институте. Подобный форум советских ученых, посвященный итогам и определению перспектив дальнейшего развития уйгуроведения в СССР, был проведен впервые.

Конференцию открыл вице-президент Академии наук Казахской ССР, академик *Б. А. Тулепбаев*, коротко остановившийся на огромных социально-экономических изменениях в жизни уйгуров СССР. Уйгуры Советского Союза создали свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру, свидетельствующую о торжестве ленинской национальной политики КПСС в нашей стране и плодотворности братской дружбы народов СССР. Из среды уйгурского народа вышли видные советские ученые, деятели литературы и искусства.

В работе конференции, проходившей по трем секциям — «Языкознание», «Литературоведение и искусствоведение», «История и этнография», приняли участие 520 человек.

На пленарном заседании было заслушано четыре доклада:

1. «Основные вехи развития советского уйгуроведения» (*Н. А. Баскаков*).

2. «Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе. Итоги и проблемы» (*Э. Н. Наджип, А. Т. Кайдаров и Г. С. Садвакасов*).

3. «Расцвет литературы и искусства советских уйгуров» (*М. М. Алиев, У. Маматахунов и К. К. Тохтамов*).

4. «Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров» (*С. Г. Кляшторный, А. М. Решетов, Т. Р. Рахимов, Г. М. Исхаков*).

В работе секции «Языкознание» приняло участие около ста человек. Было заслушано десять докладов и одиннадцать выступлений.

Проблема преемственности в историческом развитии уйгурского языка, его влияния на процесс формирования других тюркских языков все еще остается дискуссионной, требующей дальнейших углубленных исследований. Поэтому большой интерес вызвал доклад *Е. И. Убрятовой* (Новосибирск) «Следы уйгурского языка в тюркских языках Сибири», в котором докладчиком были доложены результаты собственных наблюдений, связанных с сохранением древнеуйгурских элементов в тофском (тофаларском), тувинском и других языках Сибири. *Е. И. Убрятова* остановилась на весьма интересном историческом процессе тюркизации нетюркских племен Сибири и на языке отувизированной группы уйгуров,

проживающих на территории Монгольской Народной Республики.

Т. Талипов (Алма-Ата) в докладе «К вопросу о тенденции соноризации анлаута в истории уйгурского языка» привел ценные сведения, характеризующие своеобразие фонетической системы уйгурского языка, отличающее его от родственных тюркских языков. Исторический аспект постановки вопроса о тенденции соноризации анлаута представляет общетюркологический интерес.

Доклад *М. И. Трофимова* (Ош) «К вопросу о взаимодействии уйгурского и русского языков» был посвящен одному из интересных фонетических явлений в современном уйгурском языке — палатализации гласных в русизмах.

О. А. Мизин (Елабуга), выступивший с докладом «Об обогащении уйгурского языка в современных условиях», остановился на одном из важных источников пополнения его словарного состава — образовании омонимов в результате лексических заимствований — и привел убедительные примеры продуктивности этого явления в эволюции уйгурского языка.

Ш. В. Кибиров (Алма-Ата) в докладе «Некоторые вопросы составления толкового словаря (на материалах толковых словарей русского, казахского и уйгурского языков)» рассказал о специфике работы над «Толковым словарем уйгурского языка» и ее трудностях.

Доклад *И. Исмаилова* (Ташкент) «Изучение системы терминов родства у уйгуров» был посвящен анализу семантических взаимоотношений терминов родства.

К. Мелиев (Ташкент) выступил с докладом «Деепричастные формы -гилл/-гини и -гач/-гаш в современном уйгурском языке», в котором попытался дать новую интерпретацию этой грамматической категории.

В докладе «Способы выражения степеней сравнения имен прилагательных в современном уйгурском языке» *А. Г. Хамитова* (Ташкент) сделала попытку по-новому истолковать образование степеней сравнения имен прилагательных.

Доклад *Х. А. Насырова* (Ленинабад) «О некоторых грамматических особенностях таджикско-персидских заимствований в системе уйгурской фразеологии» посвящался выяснению роли таджикско-персидских заимствований в обогащении уйгурской фразеологии.

К. А. Шарипова (Ташкент) в докладе «Аффиксальная синонимия в системе имен существительных в современном уйгурском языке» на основе сравнительного анализа фактов родственных языков дала новое толкование некоторым достаточно уже изученным грамматическим категориям, к которым относится и аффиксальная синонимия в системе имен существительных.

В выступлениях *Р. Ф. Тарасенко* (Москва) и *М. Зайди* (Ташкент) были затронуты вопросы развития уйгурского литературного языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в связи с великоханьской политикой маоистов, проводящих насильственную ассимиляцию в области языкового строительства. Приводились конкретные примеры навязывания уйгурам и другим нацменьшинствам рекомендаций, направленных на выхолащивание национальной специфики их языка.

Взаимодействию и взаимовлиянию уйгурского и казахского языков в регионах их столетнего контактирования на территории Казахстана посвящалось совместное выступление *О. Накибекова* и *А. Иманбаева* (Алма-Ата). Этот вопрос представляет значительный интерес с точки зрения лингвогеографического изучения языков народов Казахской ССР.

Выступления *О. Джамалдинова* и *Ш. Баратова* (Алма-Ата) были посвящены характеристике роли профессионализмов и этнографизмов в обогащении литературного языка уйгуров.

О. Султаньяев (Кокчетав) в своем выступлении говорил о титулах и чинах в произведениях Чокана Валиханова, посвященных Восточному Туркестану, *В. Махпиров* (Алма-Ата) — о тюркской ономастике, встречающейся в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

В выступлении *А. Х. Дугашевой* (Алма-Ата) рассматривалась категория субъективной оценки в современном уйгурском языке.

С. Татубаев и *Е. Кажибек* (Алма-Ата) посвятили свои выступления паралингвистическим средствам речи и природе односложных синкретических корней в тюркских языках.

Насекции «Литературоведение и искусствоведение» было заслушано двадцать докладов и выступлений. Большое внимание уделялось вопросам изучения письменной литературы, идейно-художественным особенностям творчества отдельных ее представителей, связям литературы с фольклорными традициями и с литературами народов Средней Азии и Казахстана.

Благодаря усилиям отечественных ученых со второй половины XIX века начали издаваться отдельные образцы фольклора и письменной литературы уйгурского народа. Ценный вклад в это дело внесли *В. В. Радлов*, *Н. Н. Пантусов*, *Н. Ф. Катанов*, *С. Е. Малов* и другие тюркологи. Однако уйгурская письменная литература в целом до недавнего времени не была объектом научного исследования. Выявленные, но еще далеко не изученные, материалы говорят о многовековой и богатой традициями истории уйгурской литературы, восходящей к классическим поэмам Юсуфа Хас Хаджиба «Кутадгу билиг», Ахмеда Югнаки «Хибатул-хакаик», выдающемуся труду Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк».

В первые годы установления народной власти в Китае в Синьцзян-Уйгурской автономной области были организованы краткосрочные научные экспедиции, которыми удалось обнаружить более 2000 рукописей и среди них ранее не известные произведения уйгурских поэтов. Некоторые из них вошли в «Каталог рукописей уйгурской классической литературы» Ю. Мухлисова (г. Урумчи, 1957 год). Эти уникальные находки позволили полнее представить историю уйгурской литературы. К сожалению, только небольшая часть этих рукописей была издана, судьба остальных памятников пока не известна.

В Советском Союзе с 50-х годов начинается изучение и издание произведений уйгурских поэтов прошлого. Вышли в свет произведения поэтов XVII—XIX веков: Хиркати, Зелили, Нобити, Низари, Гариби, Зияи, Билала Назыма, Сеидмухаммеда Каши и др. Произведений более раннего периода обнаружить не удалось, поэтому история уйгурской литературы с конца XII по XVI век изобилует пробелами.

Литературные памятники, вывезенные в свое время из Восточного Туркестана, хранятся в собраниях рукописей Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов. Однако весь этот огромный материал изучен очень мало. Опубликованное А. Мугиновым «Описание уйгурских рукописей Института народов Средней Азии» (М., 1962), издание отдельных исследований У. Мама-тахунова, А. Валитовой, М. Хамраева, С. Моллаудова, Ю. Мухлисова и других ученых — только начало большой работы.

В докладе У. Мама-тахунова (Ташкент) говорилось о состоянии и задачах изучения уйгурской классической литературы. Остановившись на издании памятников уйгурской литературы и посвященных им исследований, докладчик подчеркнул описательный характер последних. Ограничиваясь установлением фактов биографий авторов и анализом художественных особенностей произведений, исследователи недостаточно раскрывают их социально-политическую и художественно-эстетическую значимость. Необходимо расширить изучение творчества уйгурских поэтов, писавших на персидском языке, а также произведений литературы, переведенных с языков народов, проживающих на сопредельных с Восточным Туркестаном территориях. Это даст возможность полнее осветить литературную жизнь в тот или иной исторический период и показать связи уйгурской литературы с другими литературами.

Д. Рузиева (Ташкент) свой доклад посвятила традициям Навои, нашедшим отражение в творчестве уйгурского поэта первой половины XIX века Абдураима Низари, создавшего ряд крупных поэм на распространённые в то время сюжеты, такие, как «Лейли и Меджнун», «Фархат и Ширин», «Масум и Гулисна», и др. Особенно ярко проявился его недюжинный талант в оригинальном дастане «Рабия-Сайдин», реа-

листически отобразившем современную поэту действительность Восточного Туркестана.

Во второй половине XVIII века, после завоевания в 1759 году Восточного Туркестана цинской династией, по всему краю прокатилась волна национально-освободительного движения против маньчжуро-китайских захватчиков. Тема патриотизма и борьбы за независимость приобрела доминирующее значение в литературе той поры. Творчеству поэтов XVIII века Зелили, Арши, Нобити, Футухи, Мухаммед Садыка Кашгари посвящался доклад С. *Моллаудова* (Алма-Ата), в котором анализировались идейно-политическое содержание произведений этих авторов и эволюция их мировоззрения.

А. *Джалилов* (Ташкент) в связи с обнаруженным им большим сборником поэтических произведений «Куллияти Гариби» говорил о его авторе Хушхале Гариби как о новом имени в уйгурской литературе. Этот поэт, родившийся в начале XIX века в городе Кашгаре, создал в 1848 году сборник стихов, содержащий 271 газель, 53 маснави, 37 рубай и некоторые другие лирические стихотворения. Литературоведам еще предстоит изучить жизнь и творчество этого поэта.

С идейно-художественным анализом поэмы Хиркати «Мухаббатнаме ве Мехнеткам» (XVII век) выступил А. *Бакиев* (Ташкент).

М. *Алиева* (Алма-Ата) в докладе «Фольклорные традиции в уйгурской классической литературе» подчеркнула постоянную взаимосвязь и взаимовлияние письменной литературы и фольклора у уйгуров, впрочем, так же как и у всех других народов. Этот факт важен для фольклористики прежде всего тем, что ранние литературные памятники могут пролить определенный свет и на историю фольклора. По мнению докладчика, главная идея «Кутадгу билиг» — дидактическая, и она восходит к сказкам. Следовательно, письменная литература восприняла от народного творчества не только метод изображения реально существующего, но и, что не менее важно, желаемого, то есть унаследовала сам принцип создания идеализированного положительного героя. «Хибатул-хаканик» Ахмеда Югнаки, «Сказание» Рабгузи, «Огузнаме» и другие произведения литературы содержат множество пословиц, притч, легенд и преданий, заимствованных из фольклора. Этот свой тезис докладчик проиллюстрировала конкретными примерами.

В середине XX века демократическая литература Восточного Туркестана, развивая традиции классической литературы, поднялась на качественно новую ступень. Тема освободительной борьбы стала в ней главенствующей. Остановившись на творчестве известного уйгурского прозаика Зунуна Кадыри, И. *Розыбакиев* (Ташкент) показал в своем докладе его вклад в развитие современной реалистической литературы Восточного Туркестана.

Гармоническому единству национального и интернационального в творчестве ряда видных представителей реалистической литературы Восточного Туркестана был посвящен доклад Р. *Кадыри* (Ташкент), особенно подробно говорившего о произведениях одного из основоположников современной литературы Восточного Туркестана, поэта-революционера Лутфуллы Муталлипа.

Уйгурская советская литература, представленная всеми жанрами словесного искусства, в настоящее время заняла свое достойное место в ряду национальных литератур нашей страны. Произведения Х. Абдуллина, З. Самади, Дж. Бусакова, Т. Тохтамова и других уйгурских писателей стали достоянием советского читателя.

История становления и развития литературы советского периода исследована наиболее обстоятельно. Однако отдельные научно-теоретические вопросы уйгурской советской литературы еще не получили должной разработки и обобщения в трудах ученых.

М. *Абдурахманов* (Алма-Ата) в докладе «Роль русской литературы в развитии новых традиций в уйгурской советской поэзии» остановился на малонисследованной проблеме о традициях и новаторстве, а также на влиянии, оказываемом на уйгурскую литературу развитыми национальными литературами, в первую очередь великой русской литературой. Докладчик отметил благоприятное влияние традиций поэзии В. Маяковского.

В докладе П. *Сабитовой* (Алма-Ата) было показано расширение тематики уйгурской советской литературы и прослежены ее связи со среднеазиатскими литературами.

На конференции впервые были обсуждены вопросы уйгурского музыкального и театрального искусства. А. *Хашимов* (Ташкент) в своем докладе осветил проблемы изучения уйгурских «Двенадцати мукамов». В настоящее время этот уникальный музыкальный памятник записан на магнитофонную ленту. Намечается его научное исследование.

Т. *Алибакиева* (Алма-Ата) в своем докладе говорила о связи народного музыкального искусства и мукамов.

В докладе К. *Кириной* «Профессиональное музыкальное искусство советских уйгуров» был освещен процесс зарождения и развития профессионального уйгурского музыкального искусства, связанный с именем композитора, лауреата Государственной премии СССР К. Кужамьярова, творчество которого сложилось на основе сочетания национального фольклора и богатейшего опыта русской и казахской профессиональной музыки. Музыка этого выдающегося композитора, пронизанная героико-патриотической тематикой, посвящена истории народа и его борьбе за независимость.

Благодаря творческим поискам уйгурских композиторов в многонациональном советском музыкальном искусстве развивается самостоятельная ветвь уйгурской музыки.

А. Кадыров (Алма-Ата) в докладе «Современность на сцене Уйгурского театра музыкальной комедии» остановился на проблеме создания современного героя как одной из главных задач, стоящих перед советским театром вообще и перед уйгурским — в частности.

И. Тухтияев (Ташкент) в своем выступлении отметил значение изучения архитектурного памятника «Мын-уй» («Пещеры тысячи будд»). Пещерные храмы и монастыри, созданные в период с I по VII век нашей эры, представляют собой синтез архитектуры, скульптуры и живописи, типичный для основного направления индийского, среднеазиатского и восточнотуркестанского искусства.

Б. Алахунова (Алма-Ата) остановилась на вопросе освещения истории литературы в учебниках для средних школ. Она подчеркнула необходимость более доходчивого и последовательного изложения развития уйгурской литературы, особенно дореволюционной письменной.

Б. Исаков (Алма-Ата) говорил об уйгурско-казахских литературных связях и о благотворном влиянии творческих контактов писателей на современную уйгурскую литературу.

Выступление *Х. Салиховой* (Андижан) было посвящено жизни и творчеству уйгурского поэта Арази.

Р. Сабитов (Алма-Ата) поднял вопрос о необходимости сбора и изучения фольклорного жанра «чакчак», имеющего давние традиции.

В докладах и выступлениях подчеркивалось, что уйгурское литературоведение находится в настоящее время на стадии формирования и становления. Им осуществлена определенная работа научно-исторического, а также практического значения (созданы учебники, методические пособия и т. п.). Перед литературоведами стоят сложные проблемы освещения особенностей реализма уйгурской письменной литературы, ее места в общем литературном процессе и связей с другими литературами.

На секции «История и этнография» было заслушано 12 докладов и 14 выступлений.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) в своем докладе рассказал об уйгурских рунических памятниках, обнаруженных им на территории Центральной Азии, позволяющих расширить аспекты рассмотрения социально-экономической и политической истории уйгурского каганата (745—840) на Орхоне.

В докладе *Д. Д. Васильева* (Москва) говорилось об особенностях графического фонда уйгурской руники Восточного Туркестана и установленных докладчиком некоторых закономерностей распространения рунических памятников в указанном регионе.

Роль уйгуров в этнической и культурной истории саяно-алтайских народов рассматривалась в докладе *Л. П. Потапова* (Ленинград). Докладчику впервые удалось выявить уйгурские элементы, утвердившиеся в

традиционной культуре и быте саяно-алтайских народов.

Д. И. Тихонов (Ленинград), выступивший с докладом, посвященным периодизации истории культуры уйгуров, отметил необходимость расширения круга привлекаемых к исследованию источников.

Характеристике рукописей и документов по истории Восточного Туркестана периода XVI—XIX веков и взаимосвязям последнего со Средней Азией посвятил свой доклад *М. К. Кутлуков* (Ташкент). Интерпретируя ряд источников, докладчик акцентировал внимание на известном культурно-этническом единстве Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана. *М. К. Кутлуков* подчеркнул особую важность издания таких источников, как «Тарих-и Кашгар» анонимного автора, «Хидайет-наме» Мир-халаддина аль-Яркенди, «Барх-ал асрар» Махмуда ибн Вали и т. д., которые должны быть возможно скорее введены в широкий научный обиход.

Оценка цинскому завоеванию Восточного Туркестана в середине XVIII века была дана в докладе *И. И. Юсупова* (Алма-Ата), проанализировавшего социально-экономические последствия этого события.

Критический анализ состояния современной историографии в КНР по истории Синьцзяна дал в своем докладе *Б. П. Гуревич* (Москва).

О прогрессивном значении переселения уйгуров из Илийского края в Семиречье, их социально-экономическом и культурном развитии на территории Средней Азии и Казахстана, об участии трудящихся уйгуров в Великой Отечественной войне говорилось в докладах *М. Н. Кабирова* и *Д. А. Исиева* (Алма-Ата).

В докладе *М. И. Ерзина* (Алма-Ата) был подробно освещен вопрос о становлении и развитии уйгурской советской печати.

В докладе *А. И. Нарынбаева* (Фрунзе) «Прогрессивное направление в общественно-политической и философской мысли уйгуров второй половины XIX века», а также в выступлениях *М. М. Хусаинова*, *А. А. Баудинова* (Фрунзе) отмечались некоторые особенности мировоззрения представителей уйгурской классической литературы XIX века: Низари, Гариби, Зелили, Билала Назыма, Садыр-палвана, Муллы Шакира, Сидмухаммеда Каши и др. Было подчеркнуто, что в общественно-политической и философской мысли того времени ведущее место занимали воззрения, связанные с разрыванием национально-освободительного движения и борьбой крепостных дехкан против феодалов.

Роли русских ученых в изучении материальной культуры уйгуров посвятил свой доклад *В. С. Кузнецов* (Москва). Докладчик отметил, что с захватом в середине XVIII века империей Цин Восточного Туркестана уйгуры были изолированы от внешнего мира. Завоеватели с явным пренебрежением относились к богатой традициям

культуре уйгурского народа. До середины XIX века культура древних жителей Восточного Туркестана оставалась по существу неизвестной европейской науке. В. С. Кузнецов подчеркнул, что фактически преданную забвению многовековую культуру уйгуров «вывели из небытия» научные исследования русских ученых. Это обстоятельство докладчиком было отмечено особо, ибо на Западе делаются попытки замолчать или приуменьшить вклад русской науки в изучение Центральной Азии.

Ю. Г. Баранова (Алма-Ата) в своем выступлении охарактеризовала один из этапов освободительной борьбы уйгурского народа (первая половина XVIII века), направленной против джунгаров и связанной с именем белогорского ходжи Хасана. Рассмотрение этого вопроса стало возможным благодаря восточнотуркестанским источникам, впервые вводимым в научный обиход.

Выступление Т. К. Бейсембиева (Алма-Ата) было посвящено сведениям, содержащимся в «Тарих-и Шахрухи» о Восточном Туркестане. Он обратил внимание собравшихся на тот факт, что этот важный и оригинальный источник создан кокандской историографией и представляет собой придворную хронику правителей Коканда начала XVIII века. Большинство списков (до 1871—1872 годов) написано на среднеазиатском фарси, другая часть — на среднеазиатском тюрки муллою Нийаз-Мухаммадом Хуканди. При изучении истории Восточного Туркестана этот источник ранее не привлекался исследователями. Между тем он содержит данные о кокандско-восточнотуркестанских связях в XIX веке. Основываясь на конкретных фактах, Т. К. Бейсембиев установил, что кокандские правящие круги, хотя и вели своекорыстную политику в Восточном Туркестане, не представляли реальной угрозы господству цинов, однако их военные действия в Восточном Туркестане объективно помогали борьбе уйгуров против цинов.

Выступление С. Ю. Турдиева (Алма-Ата) было посвящено культурно-историческим и этнографическим факторам распространения садовых растений. Рассматривая вопросы выращивания отдельных культур уйгурами, С. Ю. Турдиев отметил, что в период существования уйгурского государства (X—XIV века) развитию садоводства во многом способствовал великий шелковый путь, который проходил через города-оазисы Восточного Туркестана. Торговые связи народов Востока и Запада вели к обогащению ассортимента культурных растений. Их результатом явились новые для данного региона культуры и выведенные местные сорта фруктов и овощей, нашедшие широкое распространение в Китае и в других странах.

Выступление О. Зотова (Москва) было посвящено установлению политических границ в Средней и Центральной Азии во второй половине XIII века и положению во-

сточнотуркестанских городов Комула и Турфана в XIV—XVI веках согласно сведениям, сообщаемым «Историей Минь». Докладчик пришел к заключению, что после 1284 года уйгурское государство продолжало существовать в форме двух независимых городов-государств между улусом Чагатай и империей Юань. Таким образом, произошел возврат к древнейшей форме восточнотуркестанской национальной государственности, преобладавшей здесь до IX века.

В выступлении А. Ш. Кадырбаева (Алма-Ата) говорилось о культурной роли уйгуров в империи Юань (XIII—XIV века). Докладчик подчеркнул, что в империи Юань активную роль играли уйгуры, входившие в сословие «сэму» (выходцы из Центральной и Средней Азии). Данные об уйгурах, занимавших видное общественное положение в юаньском Китае, содержатся в династических историях «Юань-ши» и «Синь-Юань-ши». Китайские источники сообщают сведения не только об уйгурах — крупных чиновниках и военачальниках, но и о видных деятелях юаньской культуры. Во время правления Хубилай-хана наиболее известными деятелями юаньской культуры из уйгуров были Аши Темур, Ла-Чэнь, Май-ху — члены академии Хань-линь. В самый поздний период правления династии Юань (1295—1368) китайские источники сообщают о 47 уйгурах — ученых и членах академии Хань-линь (из них 26 человек были удостоены степени «цзиньши»). Из сказанного следует, что уйгуры внесли весомый вклад в юаньскую культуру. Этому способствовал и тот факт, что уйгуры еще в предмонгольский период имели развитую традицию государственности и оказывали сильное культурное влияние на соседние народы.

Говоря о значительных достижениях в области развития научных исследований по языку, литературе, истории, этнографии уйгурского народа в Казахстане, участники конференции в своих выступлениях подчеркивали огромную роль в этом научных учреждений Академии наук СССР, Московского и Ленинградского университетов, вузов Казахстана и республик Средней Азии, подготовивших большой отряд национальных кадров-уйгуроведов.

Участники конференции особо отмечали заботу и внимание, проявляемые Центральным Комитетом Коммунистической партии Казахстана, правительством республики и Президиумом Академии наук Казахской ССР к вопросам развития уйгуроведения и росту научных кадров-уйгуроведов.

Вместе с тем было указано на необходимость дальнейшего развертывания и совершенствования форм организационной работы в области уйгуроведения, повышения научно-теоретического и идеологического уровня исследований, сосредоточения сил на фундаментальных трудах по уйгурскому языковедению, литературоведению, истории и

этнографии, а также на безотлагательность издания многочисленных рукописных памятников уйгуров — важной части их культурного наследия, без чего невозможно дальнейшее успешное развитие уйгуроведения.

Научное сотрудничество между учеными-уйгуроведами различных институтов Академии наук СССР и республиканских академий наук, начало которому уже положено,

должно способствовать решению основных проблем уйгуроведения, и в этом кооперировании большую роль призван сыграть Отдел уйгуроведения при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР.

Конференция приняла резолюцию.

*А. Иманбаев, М. Абдурахманов,
Г. Исхаков*

PERSONALIA

МАМЕД ДЖАФАР ЗЕЙНАЛАБДИН ОГЛЫ ДЖАФАРОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

9 мая 1979 года исполнилось семьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности видного азербайджанского филолога, известного литературоведа и критика, академика Академии наук Азербайджанской ССР, доктора филологических наук, профессора, лауреата Государственной премии Азербайджанской ССР Мамед Джафара Зейналабдин оглы Джафарова.

М. З. Джафаров родился в 1909 году в городе Нахичевани в семье портного. Окончив начальную школу, М. З. Джафаров поступил на общеобразовательные курсы, открывшиеся в первые годы Советской власти в Нахичевани.

В 1932 году М. З. Джафаров окончил Нахичеванский педагогический техникум. в 1935 году — филологический факультет

Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина. В 1935—1938 годах он — аспирант этого института по кафедре западноевропейской литературы. В годы учебы в институте и аспирантуре М. З. Джафаров наряду с азербайджанской и восточной литературой изучает также западноевропейскую и русскую классическую литературу.

С 1938 года начинается интенсивная научно-педагогическая и литературно-критическая деятельность М. З. Джафарова. Он преподает историю русской литературы и критики в Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина (1938—1940), Бакинском двухгодичном педагогическом институте (1939—1940), Азербайджанском государственном университете им. С. М. Кирова (1941—1959). В дальнейшем он назначается деканом филологического факультета и заведующим кафедрой русской литературы университета. Одновременно он сперва заведует отделом критики и библиографии (1941—1943), а затем (1945—1948) работает редактором республиканской литературной газеты («Эдебийят газети») органа Союза советских писателей Азербайджана.

С 1949 года М. З. Джафаров — старший научный сотрудник Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, с 1953 по 1959 год — руководитель отдела азербайджанской советской литературы, а с 1958 по 1960 год — отдела древней и средневековой азербайджанской литературы. С 1960 года по настоящее время он заведует отделом теории литературы того же института.

В 1939 году М. З. Джафаров был принят в члены Союза писателей Азербайджана по секции критики. В 1944 году за диссертационную работу «Литературно-критические взгляды М. Ф. Ахундова» ему присуждается ученая степень кандидата филологических наук, а в 1964 году за работу «Гусейн

Джавид и романтизм в азербайджанской литературе» — ученая степень доктора филологических наук.

В 1967 году М. З. Джафаров был избран членом-корреспондентом, а в 1975 году действительным членом Академии наук Азербайджанской ССР.

Будучи одним из наиболее эрудированных и многосторонних азербайджанских советских филологов, М. З. Джафаров на протяжении более четырех десятилетий неустанно и плодотворно трудится в различных областях азербайджанской филологии. Им опубликованы многочисленные рецензии и статьи, посвященные творчеству целого ряда видных азербайджанских советских поэтов и писателей. Много внимания уделяет М. З. Джафаров и творчеству молодых писателей, формированию их художественного таланта.

Перу М. З. Джафарова принадлежат литературные портреты и критико-биографические очерки о видных азербайджанских писателях: Дж. Джабарлы, Абдулле Шаиге, Самеде Вургуне, Мир Джадале и других, а также обстоятельные статьи о различных периодах и путях развития азербайджанской советской поэзии, прозы, литературной критики. Некоторые его статьи посвящены таким актуальным теоретическим проблемам, как традиции и новаторство, партийность и народность, образ положительного героя, язык и стиль художественного произведения, творческий метод социалистического реализма и т. д.

Активную роль сыграл М. З. Джафаров в научном освоении классического наследия азербайджанской литературы. Особенно велики его заслуги в исследовании жизни и творчества Низами, Физули, М. Ф. Ахундова и Г. Джавида. В статьях, посвященных Низами, ученый убедительно раскрывает гуманизм поэта, восплаемые им общечеловеческие идеалы, тесную связь его творчества с жизнью, нуждами и чаяниями широких народных масс, его мечты об идеальном человеческом обществе. В работах «Физули любит» (1948) и «Физули думает» (1958) ученый характеризует Физули как гениального поэта-гуманиста, представителя передовой общественной мысли Азербайджана XVI века, обличителя феодальной деспотии и религиозного фанатизма, воспевающего величие и торжество человеческого разума. В книге «Литературно-критические взгляды М. Ф. Ахундова» (1950) автором дан глубокий анализ литературно-критического наследия М. Ф. Ахундова, показана его борьба за утверждение материалистической эстетики и реализма в литературе Азербайджана и Ирана. В капитальном исследовании «Гусейн Джавид» (1960) впервые в азербайджанском литературоведении анализируется сложный и противоречивый жизненный и творческий путь од-

ного из наиболее ярких представителей романтизма в азербайджанской литературе XX века.

Особое место занимают работы М. З. Джафарова о становлении и развитии в азербайджанской литературе реализма и романтизма и прежде всего его книга «Проблема романтизма в азербайджанской литературе (1905—1917)» (1963).

Большую роль сыграл М. З. Джафаров в ознакомлении азербайджанского читателя с видными представителями русской классической и советской литературы: А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. Горького и др. Им создан трехтомный учебник для вузов республики «История русской литературы XIX века» (1970—1974). В книге «Из истории азербайджанско-русских литературных связей» (1966) подробно прослежены формирование и развитие связей азербайджанской литературы XIX — начала XX века с русской литературой.

М. З. Джафаров — один из ведущих авторов и редакторов трехтомной «Истории азербайджанской литературы» (1958—1960). Под его редакцией вышло более десяти монографических исследований о творчестве отдельных азербайджанских писателей и о некоторых актуальных проблемах литературного процесса в республике. М. З. Джафаров также соавтор многократно переиздававшегося учебника литературы для IX класса средней школы. Им написан ряд статей для «Большой Советской Энциклопедии», «Краткой Литературной Энциклопедии» и «Азербайджанской Советской Энциклопедии».

М. З. Джафаров много раз выступал с докладами на съездах и пленумах Союза писателей Азербайджана, на всесоюзных и республиканских научных сессиях и конференциях по различным проблемам азербайджанской классической и советской литературы.

Значительные заслуги имеет М. З. Джафаров и в области подготовки научных и педагогических кадров: под его руководством и при его консультации защищено более тридцати кандидатских и докторских диссертаций.

М. З. Джафаров ведет также большую научно-организаторскую работу. Он председатель республиканского научно-координационного совета по проблеме «Закономерности развития мировой литературы», главный редактор журнала «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», член редакционной коллегии «Азербайджанской

Советской Энциклопедии», член специализированных советов по защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата филологических наук при Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

Многолетняя научно-педагогическая деятельность ученого высоко оценена партией и правительством: он награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» и медалями.

В 1975 году ему была присуждена Государственная премия Азербайджанской ССР.

В связи с семидесятилетием М. З. Джафрова многочисленные друзья, коллеги и ученики ученого горячо поздравляют его с юбилеем и от души желают ему долгих лет жизни и новых успехов в многосторонней научной деятельности.

Н. Джс. Мамедов

ХРОНИКА

О РАБОТЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ (1974—1978)

29 мая 1979 года на заседании бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР обсуждалась деятельность Советского Комитета тюркологов за первые пять лет его существования, а также рассматривался новый состав Комитета на следующее пятилетие.

С докладом о деятельности Советского Комитета тюркологов за истекшее пятилетие выступил его председатель академик А. Н. Кононов. Он отметил, что в центре внимания Советского Комитета тюркологов с момента его создания (постановление Президиума Академии наук СССР от 11 октября 1973 года, № 758) находятся вопросы координирования и кооперирования научно-исследовательской и научно-организационной деятельности советских тюркологов, а именно: 1) оказание помощи научным тюркологическим учреждениям союзных и автономных республик в определении наиболее актуальной проблематики в области тюркологии; кооперирование усилий тюркологов для успешного осуществления намеченных исследований, 2) подготовка и проведение научно-организационных мероприятий как в Москве и Ленинграде, так и в республиканских тюркологических центрах.

Большое теоретическое и практическое значение имеет составление «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ). Работа над этим коллективным исследованием осуществляется по единой методике под эгидой Советского Комитета тюркологов, усилиями диалектологов всех тюркоязычных союзных и автономных республик, краев, областей. Ежегодно, начиная с февраля 1977 года, проводятся заседания Постоянного семинара по тюркской лингвистической географии, организованного при активном участии М. А. Бородиной, а также рабочие встречи и совещания представителей четырех зон ДАТЯ. Впервые созданы карта-основа и сетка опорных пунктов ДАТЯ. Общими усилиями региональных составителей атласа была выра-

ботана система языка карты и начато картографирование собранных материалов. К концу 1980 года намечено создать макет ДАТЯ. «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» явится надежной основой как для общей классификации тюркских языков и диалектов, так и для сравнительно-исторического их изучения, а также исследования истории тюркоязычных народов СССР.

Советский Комитет тюркологов курирует также и другие наиболее перспективные и крупные научные работы, имеющие общетеоретическое значение. В их числе: «Корпус древнетюркских памятников» (том I — «Рунические памятники Енисея» уже составлен, продолжается работа над томом II — «Рунические надписи Монголии»), «Корпус эпиграфических (булгарских) памятников Поволжья», «Корпус северокавказских рунических памятников». В этой работе принимают участие ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Карачаевска, Черкесска.

По инициативе Советского Комитета тюркологов осуществляется стихотворный перевод (С. Н. Иванов) на русский язык уникального памятника тюркоязычной поэзии XI века «Кутадгу билиг». В 1979 году этот перевод будет представлен в издательство «Наука», которое выпустит его с обширным предисловием и историко-филологическими комментариями в серии «Литературные памятники».

Подготовлен к изданию том избранных работ академика А. Н. Самойловича «Тюркское языкознание». Давно представлены в печать коллективная монография «Тюркские диалекты СССР» и сборник, посвященный 100-летию со дня рождения академика В. А. Гордлевского; необходимо ускорить издание этих трудов.

А. Н. Кононов высказался за предоставление Советскому Комитету тюркологов ежегодного планового листажа (10—12 а. л.) для его неотложных нужд.

Советский Комитет тюркологов принимает участие в долгосрочном планировании

тюркологических исследований по языкознанию, литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик. Поступающая в Комитет языковедческая тематика систематически анализируется в его ежегодных отчетах.

Важнейшей составной частью тюркского языкознания является изучение тюркских диалектов и говоров, со временем нивелирующихся и исчезающих под воздействием нормализованного языка средств массовой информации (радио, телевидение, пресса), школы. В целях повышения научного уровня работ по тюркской диалектологии, соблюдения необходимой системности по заданию Комитета в порядке эксперимента было разработано пособие-схема для описания тюркских диалектов.

Не менее важным для тюркского языкознания является лингвистическое обследование древних средневековых тюркских письменных памятников. Оно также ведется в ряде случаев без соблюдения правил системности и без учета жанровой специфики текста, в результате чего данные, полученные по различным памятникам, оказываются несопоставимыми. Советский Комитет тюркологов также в порядке эксперимента поручил группе историков языка разработать руководство по фонетико-грамматическому и лексическому описанию памятников тюркской письменности.

Обсуждение этих пособий Сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР показало, что полученные варианты еще далеки от совершенства и что составлению подобных руководств должна предшествовать выработка принципов грамматического описания. Тем не менее начало полезной работе положено, результаты обсуждения сообщены авторам.

Составлен и опубликован в журнале «Советская тюркология» список обязательной и рекомендуемой литературы по тюркскому языкознанию для подготовки к сдаче кандидатского минимума.

Издательская деятельность Советского Комитета тюркологов носила целенаправленный характер. С его участием был подготовлен ряд специальных сборников, из числа которых уже вышли в свет: «Тюркологические исследования» (М., 1976), «Тюркологический сборник. 1974» (М., 1978), «Тюркологический сборник. 1975» (М., 1978), «Тюркологический сборник. 1976» (М., 1978).

Советским Комитетом тюркологов за отчетный период была проведена большая научно-организационная и координационная работа. Комитет регулярно принимал участие в подготовке, организации и проведении научных конференций, совещаний, симпозиумов в тюркологических центрах нашей страны. Важнейшими из них были нижеследующие.

1. Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 60-летию Великой Ок-

тябрьской социалистической революции (Алма-Ата, сентябрь 1976 года). В ней приняли участие около 500 тюркологов из союзных республик, а также ученые из ГДР, Польши, Швеции, Турции, ФРГ, США. На заседаниях трех секций конференции обсуждались наиболее актуальные проблемы тюркского языкознания, развития национальных литератур, этнической и культурной истории тюркоязычных народов СССР.

2. VII Тюркологическая конференция в Ленинграде, посвященная 95-летию со дня рождения С. Е. Малова (2—6 июня 1975 года. Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР).

3. Первая конференция по тюркской лексикологии и лексикографии (Москва, 17—19 марта 1975 года. Институт языкознания Академии наук СССР).

4. Симпозиум по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков и монгольстике (Москва, 24—26 ноября 1975 года, Институт языкознания Академии наук СССР).

5. Научная сессия «История и филология Турции», посвященная 100-летию со дня рождения В. А. Гордлевского (Москва, 5—8 октября 1976 года, Институт востоковедения Академии наук СССР).

6. Семинар по тюркской лингвogeографии для составителей «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (Ленинград, 8—17 февраля 1977 года, Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР, Географическое общество СССР), а также семинар по тюркской лингвogeографии в рамках IV симпозиума «Ареальные исследования в этнографии и языкознании» (Ленинград, 8—10 февраля 1978 года, Комиссия лингвoэтногеографии при Географическом обществе СССР).

7. В 1977 году Советский Комитет тюркологов участвовал в проведении двух научных конференций, посвященных юбилею Великого Октября: а) Научной конференции по общим вопросам диалектологии и истории языка, проведенной совместно с Научным советом по диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии и экономики (Нальчик, сентябрь 1977 года); б) Научной конференции «Советский опыт в создании и совершенствовании алфавитов и орфографий народов СССР», проведенной совместно с Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, с Карачаево-Черкесским научно-исследовательским институтом языка, литературы и экономики и с Карачаево-Черкесским государственным педагогическим институтом (Карачаевск, сентябрь 1977 года).

8. Научная конференция «Сравнительно-историческая морфология тюркских языков», посвященная 80-летию со дня рожде-

ния Н. К. Дмитриева (Москва, 11—12 сентября 1978 года, Институт языкознания Академии наук СССР).

9. Конференция по проблемам тюркологии и кавказоведения, посвященная 80-летию со дня рождения академика Академии наук Грузинской ССР С. С. Джикия (Тбилиси, октябрь 1978 года, Академия наук Грузинской ССР).

10. I Республиканская уйгуроведческая конференция «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» (Алма-Ата, 29—31 мая 1979 года, Институт языкознания Академии наук Казахской ССР).

Делегация Советского Комитета тюркологов, в составе которой были также ученые из Туркмении и Каракалпакии, участвовала в обсуждении проблематики, выдвинутой на XIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (Хельсинки, июнь 1976 года).

В настоящее время Советский Комитет тюркологов готовится к проведению III Всесоюзной тюркологической конференции (Ташкент, 1980).

Были опубликованы тезисы докладов названных выше научных конференций. Готовятся к печати материалы II Всесоюзной тюркологической конференции, состоявшейся в Алма-Ате, сборник материалов научной конференции по общим вопросам диалектологии и истории языка, прошедшей в Наальчике, а также сборник докладов научной конференции «Сравнительно-историческая морфология тюркских языков».

В подготовке коллективных трудов, в работе научных конференций, организуемых Советским Комитетом тюркологов, принимают участие ученые республиканских академий наук, университетов, вузов. Вместе с тем научные связи Советского Комитета тюркологов со специалистами союзных и автономных республик нуждаются в укреплении и расширении. Советский Комитет тюркологов ставит своей целью добиться максимального повышения уровня обмена информацией. Каждый член Комитета должен сообщать к концу года в его бюро о важнейших итогах научно-исследовательской деятельности, в том числе и о публикациях той тюркологической ячейки, которую он представляет; желательно также, чтобы авторы выпускаемых изданий извещали бюро Комитета краткой аннотацией о публикации труда, а соискатели ученых степеней присылали свои авторефераты. Только активное, заинтересованное отношение тюркологов, в первую очередь — членов Комитета, поможет сделать действенными все начинания Комитета, в частности позволит полнее освещать в ежегодных отчетных докладах Комитета современное со-

стояние тюркологических исследований в стране.

Советский Комитет тюркологов объединяет тюркологов всех специальностей — языковедов, литературоведов, фольклористов, историков, этнографов, деятелей педагогической науки. Начиная с 1975 года, ежегодно созывается пленум Советского Комитета тюркологов. В пленарных заседаниях, как правило, принимают активное участие также тюркологи Москвы, Ленинграда, союзных и автономных тюркоязычных республик, не являющиеся членами Комитета. О пленарных заседаниях Комитета регулярно публикуются информационные сообщения в журнале «Советская тюркология» (1975, № 2; 1976, № 2; 1977, № 2; 1978, № 2; 1979, № 2).

Академик-секретарь Отделения литературы и языка Академии наук СССР М. Б. Храпченко высоко оценил деятельность Советского Комитета тюркологов за истекшее пятилетие. Заданный им в порядке обсуждения вопрос касался задержки с изданием материалов II Всесоюзной тюркологической конференции, состоявшейся в Алма-Ате (1976).

Отвечая на этот вопрос, А. Н. Кононов напомнил, что Советский Комитет тюркологов не располагает собственным плановым листажом и поэтому для издания названных материалов пришлось использовать квоту Академии наук Казахской ССР. Вопрос этот, естественно, был решен не сразу. Кроме того, задержка объясняется еще и тем, что строго ограниченный листаж (30 а. л.) для материалов трех секций — языкознания, литературоведения и фольклористики, истории, археологии и этнографии — потребовал дополнительное время на тщательный отбор публикуемых докладов Всесоюзной тюркологической конференции.

Закljučая обсуждение пятилетней деятельности Советского Комитета тюркологов, академик М. Б. Храпченко подчеркнул, что основным направлением работы его на ближайшие полтора года должны стать подготовка, организация и проведение в Ташкенте III Всесоюзной тюркологической конференции, и выразил надежду, что она будет проведена не менее успешно, чем II Всесоюзная тюркологическая конференция в Алма-Ате.

Бюро Отделения литературы и языка Академии наук СССР одобрило новый более расширенный состав Советского Комитета тюркологов, в который включены представители тюркологических центров всех союзных и автономных республик, краев и областей страны.

Г. Ф. Благова

«ТОПОНИМИЯ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ АЗЕРБАЙДЖАНА»

14 мая 1979 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Топонимия северных районов Азербайджана

(лингвистическое исследование)», представленной заведующей кафедрой азербайджанского и русского языков Азербайджанского государственного медицинского института им. Н. Нариманова **Молла-заде Сейрай Мамед кызы**.

Работа С. М. Молла-заде посвящена комплексному лингвистическому исследованию топонимии северной зоны Азербайджана. В диссертации раскрыты исторические предпосылки языковой многопластовости топонимии северных районов республики. На основании изучения топонимов, упоминаемых в древних и средневековых письменных источниках, произведена локализация ряда палеотопонимов.

Диссертантом осуществлен структурно-семантический анализ многих географических названий, исследованы лексический, морфологический и синтаксический спосо-

бы образования топонимов, показаны их системная организация и продуктивные словообразовательные модели, выявлены сохранившиеся в топонимах древнейшие реликты грамматического строя азербайджанского языка, в частности словообразующие аффиксы и словосочетания.

Географические названия северной зоны Азербайджана исследованы также с точки зрения их языковой принадлежности. Этимологический анализ целого ряда топонимов с затемненной семантикой позволил автору установить их первоначальные значения.

В отзывах официальных оппонентов — члена-корреспондента АН Азербайджанской ССР **А. М. Демирчизаде** (отзыв был зачитан), д-ра филол. наук, проф. А. А. Ахундова, докторов филол. наук В. Л. Гукасяна и М. Ш. Гасимова, а также в других выступлениях отмечалось, что диссертанту удалось в своей работе решить ряд важных проблем топонимии Азербайджана, имеющих важное историко-культурное значение. Результаты исследования должны сыграть определенную роль в изучении истории и уточнении отдельных вопросов этногенеза азербайджанского народа.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении С. М. Молла-заде ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

«ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЛЕКСИКЕ ОГУЗСКОГО НАРЕЧИЯ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА»

4 июня 1979 года на заседании Специализированного ученого совета при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации «Исследование по лексике огузского наречия узбекского языка», представленной заведующей кафедрой узбекского языкознания Хорезмского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, кандидатом филологических наук, доцентом **Мадрахимовым Атаназаром**.

Диссертация А. Мадрахимова состоит из двух частей. Первая, основная часть, включает: предисловие, введение, четыре главы, заключение, библиографию и список инфор-

мации. В диссертации впервые всесторонне изучены лексические особенности огузского наречия узбекского языка, носители которого проживают на территории Хорезмской и Бухарской областей Узбекской ССР, в Ташаузской области Туркменской ССР, Турткульском районе Каракалпакской АССР и в Чимкентской области Казахской ССР. Материалы диссертации подтверждают уже высказывавшуюся мысль о том, что носители этих огузских говоров принимали непосредственное участие в этногенезе узбекского народа, а их язык явился существенным слагаемым в формировании и развитии общенародного узбекского языка.

Диссертация А. Мадрахимова состоит из двух частей. Первая, основная часть, включает: предисловие, введение, четыре главы, заключение, библиографию и список инфор-

маторов; вторая часть — диалектологический словарь, состоящий из двух тысяч словарных единиц, в котором слова огузского наречия узбекского языка сопоставляются со словами тюркских языков огузской группы (азербайджанскими, туркменскими, гагаузскими, турецкими) и лексикой письменных памятников этих языков.

Диссертантом в первой главе обстоятельно рассматриваются связь исследуемого огузского наречия с узбекским литературным языком и взаимосвязи говоров этого наречия. Тщательно анализируются лексико-семантические особенности огузского наречия в сопоставлении с другими тюркскими языками огузской группы.

Во второй главе рассматривается отношение лексики огузского наречия к письменным памятникам огузского происхождения. На основе анализа фактического материала диссертант приходит к выводу, что огузские говоры Хорезма сохранили много черт, характерных для языков письменных памятников XI—XIV веков огузско-кыпчакского типа.

Третья глава посвящена анализу заимствованной лексики огузского наречия (арабской, персидско-таджикской, русской и советско-интернациональной).

В четвертой главе подробно анализируются лексико-семантические особенности огузского наречия (полисемия, синонимия и омонимия, архаизмы, историзмы, неологизмы).

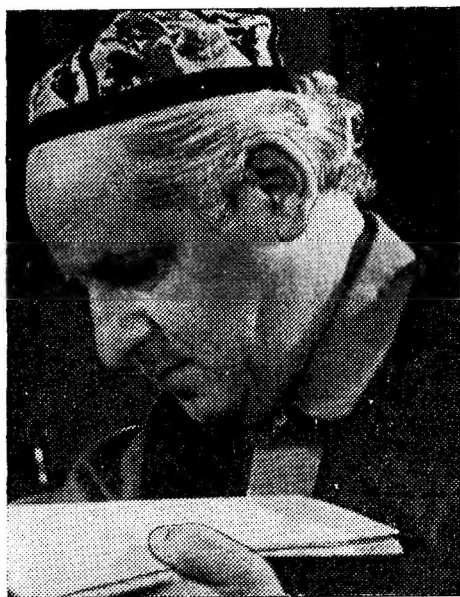
Официальные оппоненты: член-корреспондент АН Казахской ССР Г. С. Садвакасов, д-р филол. наук, проф. А. Г. Гулямов, д-р филол. наук Д. С. Насыров (внешний оппонент — Институт языка и литературы имени Махтумкули АН Туркменской ССР), а также выступившие в качестве неофициальных оппонентов д-р филол. наук, проф. Ф. А. Абдуллаев, канд. филол. наук, доцент Х. Д. Абдуллаев и другие ученые положительно оценили докторскую диссертацию А. Мадрахимова, единодушно признав, что всестороннее исследование диссертантом лексических особенностей огузского наречия узбекского языка заслуживает высокой оценки.

Члены Специализированного ученого совета приняли единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Атаназару Мадрахимову ученой степени доктора филологических наук.

А. В. Ишаев

НЕКРОЛОГИ

АБДУЛАЗАЛЬ МАМЕД ОГЛЫ ДЕМИРЧИЗАДЕ

10 апреля 1979 года скончался видный азербайджанский ученый и педагог, член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженный деятель науки и лауреат Государственной премии республики, доктор филологических наук, профессор Абдулазаль Мамед оглы Демирчизаде.

А. М. Демирчизаде родился 7 июля 1909 года в городе Шеки в семье кузнеца. Начальное образование он получил в созданной после революции школе нового типа «Хадигатул-маариф».

Успешно окончив семинарию города Шеки, А. М. Демирчизаде начинает работать учителем в школе, являясь одновременно корреспондентом городской газеты «Шеки фехлеси» («Шекинский рабочий»). Он часто выступает на страницах этой газеты с рассказами и стихами, активно участвует в ор-

ганизации шекинского отделения литературного объединения «Гызыл гелемлер» («Красные перья»).

В 1929 году А. М. Демирчизаде переезжает в Баку и поступает в Азербайджанский государственный университет на филологический факультет, где слушает лекции таких видных азербайджанских ученых и деятелей литературы, как Б. Чобан-заде, А. Ахвердиев, Ю. В. Чемеңземинли, А. Шаиг и др.

В студенческие годы А. М. Демирчизаде часто печатает свои стихи и рассказы на страницах журналов «Дан улдузу», «Кяч болшевик», «Гучум», «Аллахсыз», «Шярг гадыны».

Окончив университет, А. М. Демирчизаде возвращается в родной Шеки и работает там учителем. В 1933 году А. М. Демирчизаде поступает в аспирантуру Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина. Одновременно он занимает должность сперва ассистента, а затем старшего преподавателя этого института. В 1936 году выходит из печати его первая научная работа «Тюркский язык», а в 1938 году — монография «Очерки по истории азербайджанского литературного языка», представленная им в качестве диссертационной работы. Монография получила высокую оценку видных советских ученых С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, Е. С. Бертельса и др. В 1940 году А. М. Демирчизаде успешно защищает ее в качестве кандидатской диссертации. Ученым советом особо отмечалось значение этой работы для исследования вопросов формирования других тюркских литературных языков.

В 1944 году А. М. Демирчизаде защищает докторскую диссертацию «История азербайджанского языка», научные достоинства которой были отмечены академиками И. И. Мещаниновым и В. Струве.

В первые годы Великой Отечественной войны А. М. Демирчизаде заведовал кафедрой азербайджанского языкознания Азербайджанского государственного универси-

тета им. С. М. Кирова. С 1943 года до последнего дня своей жизни — руководил кафедрой азербайджанского языкознания Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина.

В период с 1951 по 1960 год А. М. Демирчизаде совмещал педагогическую деятельность с научно-исследовательской работой — заведовал отделом истории языка Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В 1955 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук Азербайджанской ССР.

С 1927 по 1936 год А. М. Демирчизаде часто выступал в республиканских газетах, журналах, сборниках с литературно-художественными произведениями.

Начиная с 1936 года творческие интересы А. М. Демирчизаде сосредоточились на исследовании истории азербайджанского языка. Он обладал широкими познаниями в различных областях азербайджанского языкознания — фонетики, морфологии, орфографии, орфоэпии, этимологии, стилистики. Неутомимый исследователь, он за сорок пять лет своей творческой деятельности опубликовал около двухсот научных работ по азербайджанскому языку. Научные труды А. М. Демирчизаде, особенно такие, как «Фонетика современного азербайджанского языка», «Язык дастанов „Китаби Деде Коркуд“», «Пути развития азербайджанского литературного языка», «История азербайджанского литературного языка», «Стилистика азербайджанского языка», «50 слов», «Основы орфоэпии азербайджанского языка», внесли значительный вклад в азербайджанское языкознание и тюркологию в целом.

Большие заслуги имеет А. М. Демирчизаде и перед педагогической наукой. Он автор целого ряда учебников и учебных пособий по азербайджанскому языку, таких,

как упоминавшийся выше «Тюркский язык», «Грамматика», «Азербайджанский язык», «Историческая грамматика азербайджанского языка», «История азербайджанского литературного языка», многократно переиздававшаяся программа по современному азербайджанскому языку, а также десятки научно-методических статей по вопросам преподавания языка. А. М. Демирчизаде очень много сделал и в области подготовки кадров языковедов и преподавателей языка. Его многочисленные ученики работают в настоящее время в научных и учебных учреждениях Азербайджана, Грузии и Армении. Под его научным руководством защищено свыше семидесяти кандидатских и более десяти докторских диссертаций.

А. М. Демирчизаде активно содействовал развитию научной терминологии азербайджанского языка. Свыше двадцати лет он был заместителем председателя Терминологического комитета Академии наук Азербайджанской ССР, принимал непосредственное участие в создании азербайджанской научной терминологии не только по языкознанию, но и по другим областям науки.

А. М. Демирчизаде — активный участник целого ряда тюркологических сессий и конференций, проходивших во многих городах страны. Покойному ученому не довелось увидеть напечатанным основной труд его жизни — капитальную монографию «История азербайджанского литературного языка», первая часть которой была им представлена в печать.

Светлая память о крупном азербайджанском ученом и педагоге А. М. Демирчизаде навсегда сохранится в сердцах его коллег, друзей и учеников.

*А. М. Курбанов, А. Эфендизаде,
А. Дж. Шукюров*

НАЗАКЕТ ГАСАН КЫЗЫ АГАЗАДЕ

10 апреля 1979 года скоропостижно скончалась заведующая кафедрой иностранных языков Академии наук Азербайджанской ССР, доктор филологических наук, профессор Назакет Гасан кызы Агазаде.

Н. Г. Агазаде родилась в 1910 году в городе Кировабаде. Отец ее был врачом, мать — учительницей. В 1926 году она окончила одновременно азербайджанский и русский секторы средней школы.

В конце 20-х — начале 30-х годов Н. Г. Агазаде работала в Азербайджанском государственном издательстве «Азернешр» переводчицей в отделе художественной литературы. Ею в этот период был переведен на азербайджанский язык ряд произведений русской классики, советской и зарубежной литературы.

В 1933 году Н. Г. Агазаде поступила на филологический факультет Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина. В 1936 году она перевелась в Московский государственный педагогический институт иностранных языков, который окончила с отличием, в совершенстве овладев немецким языком.

Вернувшись в 1939 году в Баку, Н. Г. Агазаде приступает к педагогической деятельности. Она преподает немецкий язык и ведет курс истории немецкой литературы на факультете иностранных языков в Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина. В 1942 году она назначается заведующей кафедрой немецкого языка сперва в том же институте, а затем в

Институте иностранных языков. В 1966—1968 годах Н. Г. Агазаде — проректор по научной работе Азербайджанского педагогического института языков им. М. Ф. Ахундова. Со дня организации кафедры иностранных языков при Академии наук Азербайджанской ССР в 1961 году и до конца своей жизни она бессменно возглавляла эту кафедру.

Круг научных и творческих интересов Н. Г. Агазаде был очень широк. Он включал: художественный перевод, разработку методики преподавания иностранных языков в азербайджанской аудитории, составление учебников немецкого языка и т. д.

С самого начала своей научной деятельности Н. Г. Агазаде неизменно проявляла большой интерес к тюркологической науке. В республиканской научной периодике стали появляться ее работы по отдельным проблемам азербайджанского языка. Со временем она заняла достойное место среди азербайджанских тюркологов.

В 1948 году Н. Г. Агазаде защитила в Москве кандидатскую диссертацию, а в 1966 году — докторскую диссертацию на тему «Категория наклонения в современном азербайджанском литературном языке (в плане соотношения с категорией модальности)». Перу Н. Г. Агазаде принадлежит ряд значительных исследований, в том числе монографии «К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке» (1965) и «Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке» (1967), такие работы, как «Желательное наклонение в современном азербайджанском языке» (1965), «К вопросу о модальной сущности форм изъявительного наклонения (на материале азербайджанского, русского и немецкого языков)» (1966), «К вопросу аналитических конструкций в языках разных морфологических типологий (на материале тюркских и германских языков)» (1968) и др.

Н. Г. Агазаде много внимания уделяла редактированию, рецензированию и комментированию научных работ других авторов, где нашли особенно яркое воплощение присущие ей качества: объективность, требовательность и принципиальность. Особо следует отметить ее обстоятельные рецензии на книгу Ю. Немета «Турецкий язык в Венгрии в XV—XVII веках», вышедшую на немецком языке, и монографическое исследование Э. А. Груниной «Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении)» и др.

Большие заслуги принадлежат Н. Г. Агазаде и в области подготовки кадров лингвистов как для Азербайджана, так и для дру-

тих республик, в том числе Узбекистана, Туркменин, Каракалпакии и др. Ею подготовлено девять кандидатов филологических наук по иностранным языкам. Две диссертации находятся накануне защиты.

Н. Г. Агазаде часто выступала и в качестве официального оппонента на защитах диссертационных работ.

Н. Г. Агазаде была членом Ученого совета Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР и членом Специализированного совета по защите докторских диссертаций по специальности «тюркские языки» при том же институте.

Н. Г. Агазаде вела также большую общественную работу: была членом Азербайджанского отделения Советского комитета защиты мира и членом Комитета советско-германской дружбы. Н. Г. Агазаде была награждена несколькими медалями СССР.

Светлая память о талантливом азербайджанском ученом, замечательном педагоге и активном общественном деятеле Назакет Гасан кызы Агазаде навсегда сохранится в сердцах ее многочисленных коллег, учеников и друзей, всех, кто имел счастье общаться с ней.

А. К. Алекперов, П. В. Литвинов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебренников* (Москва). О некоторых трудных проблемах исторической грамматики тюркских языков 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Г. М. Чумбалова* (Алма-Ата). О тюркских лексических элементах в современном болгарском языке 12

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Р. Бердибаев* (Алма-Ата). Роль сказителя в системе эпической традиции тюрко-монгольских народов 20

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. Р. Федотов* (Чебоксары). Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар, а также финно-угров . . . 25

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- М. Усманов* (Казань), *Г. Галимова* (Москва). Хусайн Фаизханов как тюрколог 38

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Х. Г. Нигматов* (Бухара), *А. А. Цалкаламанидзе* (Тбилиси). Семантико-синтаксические группы глаголов и значение залоговых аффиксов в узбекском языке 48
Г. А. Климов, Д. И. Эдельман (Москва). К этимологии Albasty//Almasty . 57
М. И. Исламов (Баку). Об изучении азербайджанских диалектов и говоров методом лингвистической географии 64

РЕЦЕНЗИИ

- А. М. Шербак* (Ленинград). «Изысканный дар тюркскому языку» 71
И. М. Отаров (Нальчик). *Х. И. Суюнчев*. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели 74
З. А. Ахметов (Алма-Ата). *Л. М. Әуезова*. *М. О. Әуезов* творчествосында Қазақстан тарихының проблемалары 75
Ф. Р. Зейналов (Баку). *А. С. Сафаев*. Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке 77
И. Е. Петросян (Ленинград). «Turcica. Revue d'études turques» 78

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. Я. Селютина</i> (Новосибирск). «Языки и топонимия Алтая»	82
<i>И. Я. С.</i> (Новосибирск). «Исследования звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов»	84
<i>А. Иманбаев, М. Абдурахманов, Г. Исхаков</i> (Алма-Ата). «Актуальные проблемы советского уйгуроведения»	90

PERSONALIA

<i>Н. Дж. Мамедов</i> (Баку). Мамед Джафар Зейналабдин оглы Джафаров	96
--	----

ХРОНИКА

<i>Г. Ф. Благова</i> (Москва). О работе Советского Комитета тюркологов (1974—1978)	99
«Топонимия северных районов Азербайджана»	102
«Исследование по лексике огузского наречия узбекского языка»	102

НЕКРОЛОГИ

<u>Абдулазаль Мамед оглы Демирчизаде</u>	104
<u>Назакет Гасан кызы Агазаде</u>	106

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>B. A. Serebrennikov</i> (Moscow). On some difficult problems of historical grammar of the Turkic languages	3
---	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>G. M. Chumbalova</i> (Alma-Ata). On the Turkic lexical elements in modern Bulgarian language	12
---	----

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

<i>R. Berdibayev</i> (Alma-Ata). The narrator's role in epic traditions system of the Turkic-Mongol peoples	20
---	----

DISCUSSIONS

<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksari). The chuvash and common Turkic languages in relation to the language of Khazars and some other languages	25
--	----

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

<i>M. Usmanov</i> (Kazan), <i>G. Galimova</i> (Moscow). Husain Faizkhanov as turkologist	38
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>H. G. Nigmatov</i> (Bukhara), <i>A. A. Tsalkalamanidze</i> (Tbilisi). Semantico-syntactical groups of verbs and the meaning of voice affixes in the Uzbek language	48
---	----

<i>G. A. Klimov, D. I. Edelman</i> (Moscow). Towards the etymology Albasty//Almasty	57
<i>M. I. Islamov</i> (Baku). On study of Azerbaijan dialects and subdialects by method of linguistic geography	64

REVIEWS

<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). «Изысканный дар тюркскому языку»	71
<i>I. M. Otarov</i> (Nalchik). X. И. Суюнчев. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели	74
<i>Z. A. Akhmetov</i> (Alma-Ata). Л. М. Әуезова. М. О. Әуезов творчествосында Қазақстан тарихының проблемалары	75
<i>F. R. Zejnalov</i> (Baku). A. C. Сафаев. Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке	77
<i>I. E. Petrosyan</i> (Leningrad). «Turcica. Revue d'études turques»	78

SCIENTIFIC LIFE

<i>I. Ya. Selyutina</i> (Novosibirsk). «Languages and toponymy of the Altai»	82
<i>I. Ya. S.</i> (Novosibirsk). «Researches of sound systems of languages of Siberia and contiguous regions»	84
<i>A. Imanbayev, M. Abdurakhmanov, G. Iskhakov</i> (Alma-Ata). «Actual problems of Soviet Uigurian critics»	90

PERSONALIA

<i>N. Dzh. Mamedov</i> (Baku). Mamed Dzhafar Zejnalabdin ogly Dzhafarov	96
---	----

CHRONICLE

<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). On activity of the Soviet Committee of turkologists (1974—1978)	99
«Toponymy of Northern regions of Azerbaijan»	102
«Research on oguz dialect vocabulary of the Uzbek language»	102

OBITUARIES

<u>Abdulazal Mamed ogly Demirchizade</u>	104
<u>Nazaket Gasan kyzy Agazade</u>	106

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 21/VI-1979 г. Подписано к печати 31/VIII-1979 г. ФГ 11326.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 4085. Тираж 3000. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 кавртал

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
У у — ы
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
V v — в
G g — г
G' g' — к (گ)
Y y — ґ (غ)
D d — д
Z z — ж
Ž ž — ч, дж (چ)
Z z — з
Δ δ — 3 (ذ)
J j — ј
Q q — ка (ق)
K k — ке (ك)
L l — л
M m — м

N n — н
ŋ — ң
ng — нг (نگ)
P p — п
R r — р
S s — с
T t — т
F f — ф
X x — х (خ)
H h — h, x (ه, ه)
C c — ц
Č č — ч (چ)
θ ð — ҫ (ث)
S š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
◌ краткость
◌ носовой
◌ мягкость